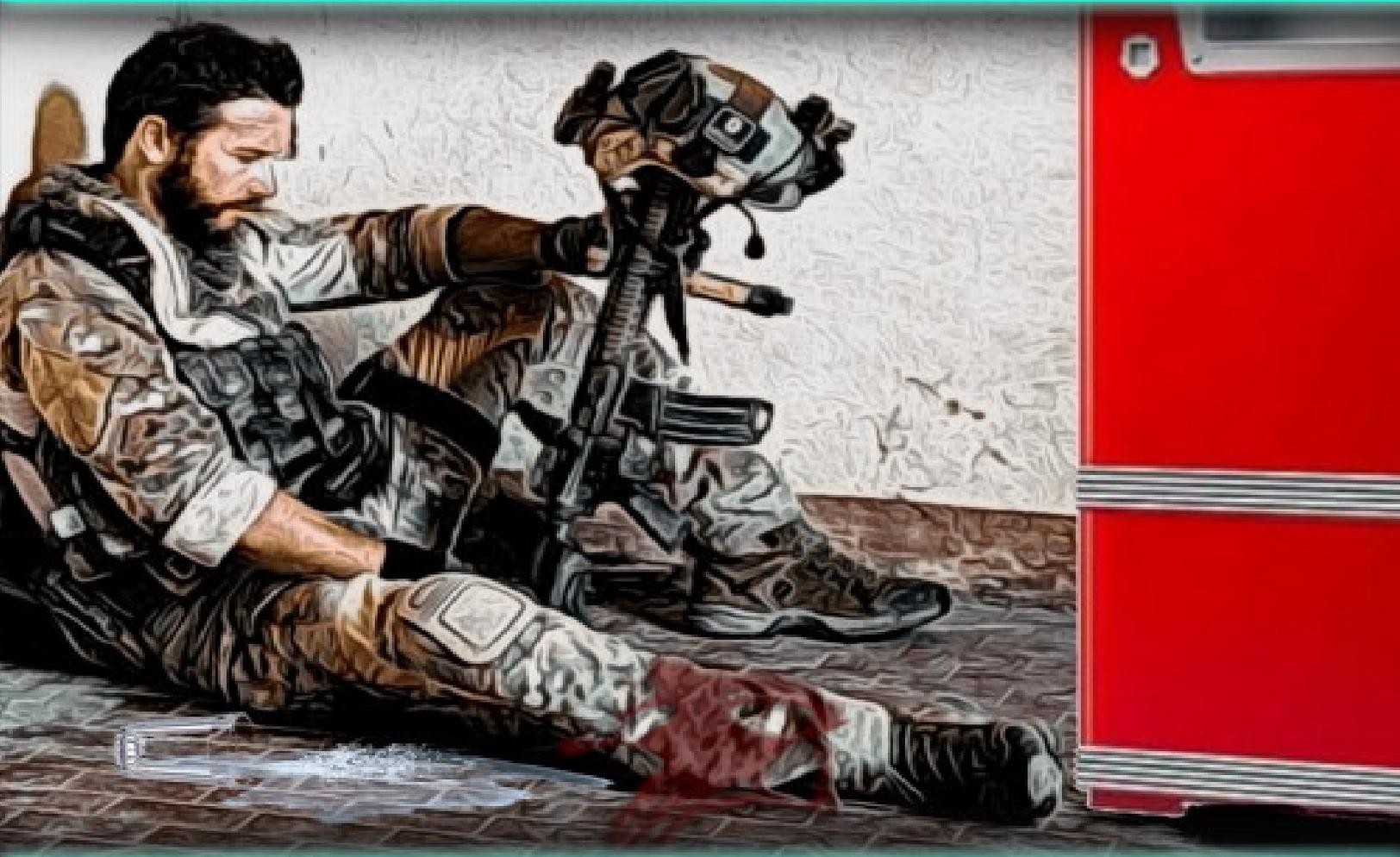

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ИННОКЕНТИЙ СОКОЛОВ

ЛЕНИГРАД-28

Под благодатным солнцем, весной украшенный цветением абрикосов, летом обильно припорошенный пылью, вольготно раскинулся мелкопоместный городок. Славянск — так он обозначен на картах, хотя кое-кто называет его совсем по-другому. Это название известно не многим, хоть и встречается во множестве любопытных документов. Жители города угрюмы и злы. Их лица серы и невыразительны, — ведь они не знают, в каком интересном месте живут. Юрка Панюшин вот тоже не знал до поры до времени, и даже не подозревал, как это знание изменит всю его долгую жизнь. Какие загадки таит в себе загадочный «Объект-4», расположенный в подземельях НИИ высоких напряжений, и что вообще произошло в темном, скрытом для него прошлом — об этом страстно желает узнать Юрка. Во время поисков самого себя Панюшину предстоит встретить знакомых из прошлой жизни. Неуловимый командир спецотряда «Челябинск» капитан Козулин, загадочный доктор Мезенцев, даже смутно знакомый голос в телефонной трубке — каждый из них играет по особым правилам, следуя своим интересам. Возможно, их интересы пересекутся однажды в единой точке пространства? Что является источником загадочной силы, которой обладает Юрка? Что случилось во время работ по проекту «Ленинград-28» — об этом и о многом другом мечтает узнать, вернее, вспомнить главный герой. Удастся ли ему это? Будем надеяться...

Иннокентий Дмитриевич Соколов
Ленинград-28

В трубке шумно дышали. Панюшин вслушивался в дыхание, замирая и пьянея от собственной наглости.

— Алло — наконец пробормотал он, все еще не веря в удачу.

— Хуйло! — грубо состригли на том конце провода. — Чего тебе?

— Коровяк...

Панюшин размашисто перекрестился, не отпуская при этом трубку телефона.

— Жопа не треснет? — задохнулся от возмущения голос в трубке, но тут же, впрочем, исправился: — на какой объект?

Панюшин опустил взгляд. Карту он расстелил на столе, прямо на ней разместились початая бутылка самогона и нехитрая закуска — кусок сала да полкольца кровяной колбасы.

— Сейчас... — пробормотал Панюшин, вонзая в отмеченное на карте место ножку циркуля. Он прочертил круг, и в тех местах, где линия пересекала метки, поставил карандашом крестики. — Значит... Славянск — два ноль восемь... гм. На четвертый.

— Позиции? — деловито осведомился неизвестный обладатель голоса.

— С первой по девятнадцатую включительно... и двадцать восьмую тоже...

— Панюшин, ты вообще охуел? — голос сорвался на визг. — Ты соображаешь, что несешь?

— Я оплачу... — Панюшин почувствовал, как задергался левый глаз.

Голос замолчал. Невидимый собеседник, похоже, собирался с мыслями.

— Юра, я тебя прошу. Просто по-человечески...

Панюшин не ответил. Он ковырнул ногтем карту, проверяя наклейку. На том конце провода вздохнули, видно решив, что от уговоров не будет проку:

— Хер с тобой, Панюшин. Оплата по коду восемь. Задания сообщу дополнительно. Сегменты заберешь после выполнения. Связь ровно в девятнадцать ноль-ноль, задержка семь сигналов, все, отбой...

Панюшин замер, слушая пронзительные, прерывистые гудки спецсвязи. Затем медленно, словно боясь, лишний раз шевельнуться, положил трубку на стол. Оставалось ждать.

Он скосил глаза. Из-под стола, прямо под ноги, натекла целая лужа густой липкой крови. От запаха чуть поташнивало. Панюшин отвернулся. Время уходило, улетало, его оставалось совсем чуть-чуть. Даже меньше, чем он рассчитывал.

Юрий налил полный стакан, и не спеша начал пить, но где-то на половине захлебнулся и тут же изbleвал содержимое желудка. Непереваренные куски сала и кровяной колбасы образовали причудливый букет, испачкав и без того грязную карту.

— Черт... — прорычал Панюшин, и бросился оттирать извергнутое.

Он сорвал карту со стола, и невольно бросил взгляд на пол.

Старуха наполовину лежала под столом. Правый глаз удивленно вспучился, словно его обладательница пыталась обозреть пространство у себя за спиной. Вместо левого ржавела шляпка огромного шиферного гвоздя. Панюшин самолично вбил его, и после того, как хозяйка дома перестала мычать и сучить ногами, не выдержал, и бросился срывать пожелтевшую, издававшую отвратительный запах, одежду. Отбросив смердящие тряпки, он овладел старухой, после чего с отвращением поднялся, пытаясь не дышать носом. Теперь же

он смотрел, как наливается чернотой костенеющее тело...

Панюшин обошел стол. Сразу у входа, разместился старый продавленный диван. Панюшин присел на корточки, исследуя основание. Истрескавшаяся доска скрипела, прогибаясь под сильными пальцами. Наконец Панюшин нащупал защелку, и с трудом провернул основание вокруг оси. Его взору открылся тайник.

Возле продолговатого промасленного пакета лежало местилище. Панюшин осторожно вытащил его, после чего запихнул пакет поглубже, и закрыл тайник. Местилище было обернуто несколькими слоями газет. Отбросив обертку, Панюшин поставил коробку на стол.

На крышке сверкнула полированная, металлическая пластина, на ней было выгравировано:

«Ленинград-28. Сегменты: поз. 20 — поз. 27. Ответственный Панюшин Ю.С.»

Погладив пальцем пластину, Панюшин надавил на малозаметный рычажок сбоку, и открыл местилище. Внутренняя поверхность коробки была оббита бардовым бархатом. В специальных углублениях разместились сегменты. Восемь штук.

Панюшин осторожно вытащил коровяк, разложил на столе, рядом с коробкой.

Сверкающие иридиевые кругляши, величиной с пятак. С одной стороны они были отшлифованы до блеска, на обратной стороне имелась гравировка в виде пятиконечной звезды с номером позиции посередине. На блестящей стороне сегментов выбит знак проекта — рогатая бычья голова, по кругу лазерная насечка — код сегмента.

Панюшин перебирал коровяк, не в силах преодолеть нетерпение.

Скоро, очень скоро... Быстрее, чем они все думают. Теперь, когда ключ у него, никто не встанет на пути. Все завершится совсем не так, как рассчитывают эти олухи, и он, Панюшин, еще удивит всех!

Панюшин вытащил из кармана ключ, и лазерную указку. Красный луч отразился от гладкой поверхности ключа, и соткал в воздухе голографический образ — три звезды, окружающие все ту же коровью башку. Панюшин удовлетворенно хмыкнул. В том, что ключ настоящий, он убедился еще вчера, когда разжал кулак Ланового. Бывший начальник даже после смерти не собирался расставаться с вверенным ему сокровищем. Панюшин закрыл глаза, вспоминая...

Глава 1

Он вошел в кабинет, одурев от запаха сирени в приемной. Секретутка затолкала невыразительный букет в такую же невыразительную вазу — результат работы местных мастеров. Что и говорить, за годы перелома Славянск успел накормить дешевой и не очень посудой всех желающих. Панюшин одно время и сам пытался подработать в одном из посудных цехов обжигальщиком, но быстро охладел — в невыносимых условиях работы не было ни одного плюса, но зато имелся целый ворох минусов — зарплату зажимали до последнего, от высокой температуры в цеху портились зубы и что самое главное, безвозвратно уходила сноровка. Ее Панюшину было жалче всего. Сноровка выручала не раз, и даст бог, будет выручать и дальше.

Дверь внушала уважение — огромная, лакированная, еще с тех самых времен, когда ступени покрывали бархатной дорожкой, а в огромных, прохладных коридорах царила бестолковая суета. Сейчас же заводоуправление больше напоминало морг — прохлада осталась, вот только суета сменилась прозябанием.

— Разворовали завод, суки... — беззлобно подумал Панюшин, и толкнул дверь.

Секретарша вытаращила глаза, миг превратившись из склочной бабенки в раздувшуюся жабу, но Панюшин бодро протопал в кабинет Ланового, даже и не думая терять время на выбрыки истеричной тетки.

Игорь Ильич Лановой пребывал в том состоянии духа, когда на все охота положить огромный ржавый болт — в последнее время дела на заводе шли ни шатко, ни валко, как впрочем, и на большинстве подобных предприятий Славянска. Стезя была накатанной — банкротство, роспуск давно опустившихся работяг, создание наблюдательного совета в лице представителей местечковой мафии, подставного директора, проходимца главбуха да откровенно криминального вида охраны, ну и как водится дальнейшее распыление материально-ресурсной базы в неизвестном направлении. Единственное что не попадало под характерные признаки — наличие самого Ланового. Игорь Ильич прикипел к производству еще с тех, допереломных времен, и остался при заводе, провожать тоскливым взглядом выезжающие дальномеры с некогда заводским оборудованием.

Так в настоящее время был благополучно порезан и вывезен на металлолом огромный цех по производству керамической плитки, стометровые туннельные печи разбирались на кирпич ушлыми работягами под пристальным надзором секьюрити, километровые бухты силового кабеля давно уже покинули заводские стены и нашли вечное упокоение в жерле переплавочного тигля, где-нибудь на окраинах города. На очереди были складские помещения и экспериментальный цех по производству химического оборудования.

Впрочем, была еще одна причина, до поры до времени удерживающая Ланового на беспокойном месте директора Славянского керамического завода. Причина была донельзя материальна и отчасти банальна — покосившийся от времени автомат для газировки, что стоял поодаль от останков бывшей столовой. Газировка в автомате закончилась еще задолго до официальной кончины самого завода, но что-то в покосившемся аппарате не давало покоя самому Лановому. Быть может, отчасти виной тому был некий секрет, который Лановой охранял с замиранием сердца, отмечая всяческие попытки загрузить железный ящик, с чудом уцелевшим стаканом для газировки, в безликий грузовик, чтобы превратить совершенно бесперспективный осколок допереломной эпохи в нечто более рациональное —

в тот же металлолом, например.

Каждый раз, проходя мимо столовой, Лановой замирал в нерешительности, пытаясь сообразить, что не дает покоя директорской голове. Мысли крутились по кругу, сам автомат притягивал взгляд, но отчетливый звон в ушах не давал сосредоточиться, и Лановой брел далее, недоуменно почесывая голову, растущую лысину которой несколько портил кривой шрам, пересекающий правый висок, и теряющийся в жидкой пряди волос.

Ввалившись без стука, Панюшин остановился посреди кабинета, пытаясь сообразить, что делать дальше.

Лановой сумрачно смотрел на бывшего подчиненного — еще давно, когда не было в помине самого завода, вернее сам завод-то был, просто Лановой не имел никакого отношения к производству керамики, выбрав несколько иную профессию, Панюшин казался очередным простаком. Сейчас же во взгляде Юрия плескалась холодная решимость.

Панюшин первым решил нарушить ширящуюся паузу:

— Ну, здравствуй, Ильич.

Он пересек кабинет упругим шагом, мимоходом отметив главное — огромную карту Славянска на стене, и странный, раза в три больше обычного, циркуль, с блестящей металлической головкой, похожей на шар от гигантского подшипника, под картой. Циркуль был небрежно прислонен к стене, и Юрий заметил тонкие отверстия на карте — похоже Лановой проводил какие-то одному ему известные вычисления.

Ильич не ответил. Протянул руку, словно не веря еще до конца, но тут же опустил ее, попятился, пытаясь нащупать кресло. Панюшин смотрел, как Лановой пытается усесться, не сводя при этом настороженного взгляда с бывшего оператора туннельной печи.

— Не слишком рад меня видеть — едва усмехнулся губами Панюшин, и наклонился подобрать циркуль.

Лановой переменился в лице.

— Зачем пришел? — выдавил он, наконец.

— Да так, вспомнилось кое-что... — многозначительно протянул Панюшин, оглянувшись на полуоткрытую дверь, из которой маячила любопытная мордочка секретутки.

— Никого не пускать, я занят! — рявкнул Лановой, и любознательную девицу тут же словно сдуло. Панюшин улыбнулся.

Ключ лежал на столе. Краем глаза, Панюшин успел увидеть открытую дверку сейфа за спиной Ланового. По всей видимости, тот время от времени доставал игрушку, пытаясь сообразить, что к чему, вот только память стала подводить старика, да и нервы ни к черту. Юрий прекрасно понимал глубину озабоченности Ланового, вот только поделаться ничего не мог — все, что было раньше, осталось там, за переломом, и все потуги Ильича вернуться назад заранее были обречены на провал.

Панюшину было все равно. Его попытки вспомнить прошлое напоминали брожение по двору, среди мокрых простыней, вывешенных трудолюбивыми хозяйками — влажная ткань липнет к телу, не давая пройти, и можно только размахивать руками, пытаясь пробраться сквозь белое царство. Что чувствовал Лановой — было известно ему одному. Беспомощные потуги, мутная пелена там, где должны быть какие-то воспоминания, и тугая головная боль. Вот, пожалуй, и все.

Первым воспоминанием Панюшина, было видение сверкающего пятака, брошенного в кофейную банку. А самым первым, пускай и вспомнил об этом Юрий много позже — яркий свет и тревожный блеск кафеля. Во взгляде Ланового, Юрий видел все то же — бестеневую

лампу над потолком и кровавые разводы на стеклянном столике.

— Ну, говори, раз вспомнилось — Ильич нащупал таки директорским задом кресло, и теперь Панюшин возвышался над ним, пускай и был просто гостем.

— Симпатичная вещица — Панюшин дотронулся до ключа пальцем.

Лановой положил руку на ключ.

— Не твоего ума дело. Говори, что нужно, и проваливай! — голос директора был тверд и суров. В прошлый раз они расстались не очень хорошо, и Лановой всем своим видом давал понять, что все последующие встречи, если и состоятся, то, вряд ли будут дружественными.

— А нужно мне мил друг немного. Самую малость... — ласково пропел Юрий, и наклонился над столом, упершись кулаками в затертую столешницу.

Игорь Ильич выжидающе смотрел на посетителя.

— Немного информации, и можешь позабыть обо мне навсегда. Без дураков...

В кабинете наступила тишина. Молчал Лановой, пытаясь сообразить, что нужно от него этому проходимцу, вышвырнутому в свое время из керамцеа, молчал Панюшин, поскольку того требовала ситуация.

— Какая информация, ты... — не выдержал первым Лановой.

— Тсс... — Панюшин приложил руку к губам. — Всему свое время, Игорь Ильич. Слушай — шепот, шелест, вихрь, спайка, гром, свет...

Панюшин перечислял кодовые слова, с удовлетворением наблюдая, как меняется выражение лица директора. Лановой открыл рот. Он откинулся в кресле. Рубец на голове налился кровью, а на лбу выступил пот.

Когда Юрий закончил, Ильич был готов к работе — судя по вытаращенным глазам и обвисшим щекам. Панюшин обошел стол, приблизившись к хозяину кабинета. Наклонился, чтобы лучше слышать. Информация распирала директора, он нетерпеливо шевелил губами, словно ожидая разрешения излить всю ту муть, что накопилась в душе с самого перелома. Он был жалок и бледен.

Панюшин удовлетворенно смотрел на Ильича. Ловил его яростный взгляд, в котором бесновалось пламя.

— Говори — сжалился он, наконец, и Лановой облегченно заговорил.

Рассказывал недолго, да и все не то, что хотелось бы слышать Панюшину. Юрий мрачнел, с каждой минутой наливаясь раздражением. Все что знал Лановой, а знал он совсем немного, и так было известно Панюшину. Вот только ключ на столе притягивал взгляд — тонкая трубочка из плексигласа, с пестрой спиралевидной лентой внутри. Ключ поблескивал в лучах жаркого сентябрьского солнца, и Панюшин мучительно пытался вспомнить, где уже видел подобную штуkenцию.

Лановой закончил говорить, и замер, уткнувшись пустым взглядом в противоположную стену кабинета. Юрий щелкнул пальцами, и директор как-то враз обмяк. И когда Лановой по особенному засопел, Панюшин вспомнил, что означает блестящая трубочка.

Директор заметил интерес Панюшина, и суетливо схватил ключ. Он уже начал приходить в себя, и пытался сообразить, что происходит. Юрий еще раз осмотрел кабинет. Справа от стола, колыхались на ветру шторы. Панюшин вспомнил, что, входя в заводоуправление, обратил внимание на небольшой балкончик, с осыпающейся штукатуркой. По всей видимости, там за шторами и был выход на балкон. Ну да, точно — Панюшин мысленно прокрутил в голове план здания, который составил в считанные секунды. Что ж, возьмем на заметку, мало ли что.

Панюшин слез со стола, подошел к карте. Похожая была и у него, вот только его карта была куда подробнее. Карта карте рознь — это Панюшин усвоил еще до перелома. Он наклонился, подобрал циркуль. Ого, тяжеловат инструмент.

Лановой, насупившись, следил за всеми перемещениями Панюшина, по-прежнему сжимая ключ в руках. Его голова вновь стала пустой, и эта пустота привычно действовала на нервы. Кажется, они только что о чем-то разговаривали, но о чем? В памяти всплывали только бессвязные обрывки слов да смутные образы, вроде матовой таблички, прикрученной проржавевшими болтами к боковой стенке корпуса автомата для газировки.

Когда Ильич повернулся, чтобы положить ключ обратно в сейф, Панюшин молча бросился на него. Они сопели, пытаясь, одолеть друг друга, свалились на пол, и уже там, собравшись с силами, Юрий заехал директору прямо в висок головкой циркуля. Лановой захрипел и закатил глаза. Потом Юрий душил его, удовлетворенно наблюдая, как дергается грудь начальника, не получая воздуха.

За окном раздался визг тормозов, и Панюшин на мгновение замер, прислушиваясь. Он осторожно, чуть ли не на цыпочках, подкрался к балконной двери, и осторожно выглянул из-за шторы.

К проходной подъехал огромный сверкающий джип. Хлопнули двери, и из недр огромного салона вывалились на свет божий новые хозяева жизни — здоровые молодчики с крепкими шеями. Тяжелые цепи блестели золотом, а лысые затылки придавали особый шарм. Услышав, как тихонько отворяется дверь кабинета, Панюшин нырнул за штору, и вовремя — пронзительный крик секретарши разорвал тишину.

— Вот дура! — невпопад подумалось Панюшину. Он выглянул — услышав поросячий визг секретутки, молодчики рванули к входу, вытягивая пистолеты.

Нужно было спешить. Панюшин рывком перебросил сильное тело через балкон, с силой ухватившись за бортик балкона. Ноги описали широкую дугу, и Юрий повис на бортике. Досчитал до трех, разжал руки, и упруго приземлился на землю.

— Эй брателла, тормозни, нах!

Здоровенный амбал выскользнул с водительского места. Панюшин осмотрелся — справа, изгибаясь, уходила вдаль кирпичная стена завода, вдоль которой росли чахлые ели с отпиленными верхушками, неременный атрибут Славянска (иногда Юрий скрежетал зубами, проклиная полупьяное быдло, что тешило туповатых родичей, принося на Новый Год изуродованные деревья), не годится — там она будет как на ладони, слева ступеньки крыльца и темная влага проходной с вертушкой из нержавеющей стали — еще немного, и бандиты, обнаружившие мертвеца, выскочат наружу. Единственная возможность — вперед, мимо черного монстра на титановых дисках.

— Ты чо, чумной, иди сюда, не ссы... — Панюшин пошел навстречу, всем своим видом демонстрируя — свой я, браток, свой.

— Там Ильичу плохо — Затараторил он, разводя ладони в стороны.

Хитрость удалась. Водила чуток расслабился, и Юрий, подойдя ближе, прижал кончики пальцев к ладони, напрягая кисть.

— Гена, держи падлу! — заорал с балкона один из качков, и рука водителя метнулась к поясу за оружием. Юрий предугадал движение бандита и выбросил вперед кисть, метаясь в шею. Кадык Гены хрустнул, и верзила рухнул на землю. Панюшин пронесся мимо машины, мимоходом заглянув в салон джипа. Ключей не было — предусмотрительный Гена наверняка сунул брелок в карман. Ну и черт с ними — с джипом.

Напротив заводоуправления угрюмо серели корпуса заочного отделения пединститута. Неприметная тропинка петляла между соснами (с такими же спиленными верхушками), уходила вдаль, огибая воняющий хлоркой туалет, чтобы затеряться между кучами мусора. Панюшин неся прочь, расшвыривая каблуками туфель прошлогоднюю хвою. Там за мусорной кучей дыра в заборе, и если удастся выбраться — что ж, старушка судьба подождет до следующего раза, когда можно будет подставить подножку старику Панюшину.

Пролезая через дыру, он вновь услышал запах хлорки. Все правильно — впереди еще один туалет, куда больше и грязнее предыдущего, затем автобусная стоянка, и платформы автовокзала. Что нравилось ему в этом чудном городке — удивительная компактность. Огромные производственные цеха мирно соседствовали с покосившимися домами, широкими озерами, безлюдными, но, тем не менее, изрядно загаженными посадками с кривыми тополями и изувеченными соснами и елями. Тут же тебе и вузы, и вокзал, и центр города — просто прелесть. Особенно если нужно оперативно скрыться в толпе, что Панюшин тут же и сделал.

Всю дорогу домой, он украдкой ощупывал ключ в кармане, пытаюсь сообразить, что делать с попавшей в руки игрушкой. Лазерную указку для ключа, Панюшин отобрал в парке у пацаненка, подарив взамен мятый червонец, что впрочем, не помешало испуганному шкету зануть, и броситься к гуляющей неподалеку мамаше. Панюшин не стал искать встречи с разъяренной самкой и благополучно удалился...

* * *

Воспоминание окончилось, словно кто-то нажал кнопку «Стоп». Панюшин открыл глаза, возвращаясь в реальность. Он давно уже перестал удивляться странной способности играть с прошлым. Достаточно легкого усилия, и некогда пережитое вновь встает перед глазами, становясь объемным, чуть ли не осязаемым. При желании он мог проиграть любой эпизод своей жизни, рассмотрев все до мельчайших подробностей, правда, до определенного момента, за которым оставались лишь жалкие крохи — призрачные лоскутья, ворошить которые, все равно, что ковыряться на помойке — вроде и много всего, вот только толку никакого. Вот такой вот каламбур получился.

За окном что-то треснуло, и Юрий испуганно вскинул голову. Он быстро, но, тем не менее, соблюдая осторожность, сложил сегменты в коробку, и, оглядываясь, запрятал ее в шкаф. Шум за окном усилился — кто-то колотил в калитку, пытаюсь привлечь внимание. Панюшин проскользнул к окну, и замер, высматривая в щели между занавесками, причину шума.

Хлипкая калитка треснула, подалась. Юрий увидел как здоровенный детина в затертой спецовке, поплелся по двору, спотыкаясь на ходу.

Чертова старуха — день уже заканчивался, и лишние хлопоты были вовсе ни к чему, тем не менее, очередной клиент подбирался к разбитому крыльцу, очевидно желая приобщиться к возвышенному — старая перечница торговала самогоном, и в сарае змеевик из нержавеющей стали ронял в широкую горловину трехлитровой банки горячую слезу.

Гость протопал без остановки до самой двери, и что есть силы, впечатал тяжелый кулак в фанерную дверь.

— Хозяюшка! Встречай гостя.

Панюшин стиснул зубы. Хуже и быть не могло — иногда за определенную плату, старуха принимала клиентов на дому. Выносила огромную сковороду со скворчащей яичницей, ставила графин, и присаживалась рядом, поддакивая беззубым ртом, завистливо наблюдая, как дергаются в такт сизые кадыки гостей. Похоже, детина и был одним из таких постояльцев.

До выхода на связь, оставалось еще два часа, и домик старухи казался вполне надежным убежищем. Теперь же, слушая, как ломится в дом здоровяк, Панюшин начал сомневаться в выборе. С другой стороны, все равно пришлось бы выручать коровяк.

И со старухой опять же получилось нехорошо. Старая карга и так знала гораздо больше того, что ей было разрешено непростыми обстоятельствами, да и у него не было выбора — тем более дело привычное, телу и душе вполне угодное...

Здоровяк навалился на дверь, и та подалась — проржавевшие шляпки шурупов не выдержали, разболтанная задвижка засова повисла на прогнувшем дереве. Панюшин затаился у входа в спальню, выглядывая из-за пыльной шторы. Он вдыхал запах лаванды, что насквозь пропитал собой пошловатый рисунок на шторах, и в который раз подивился тому, что мир совсем не таков как раньше.

То, что мир изменился, Панюшин понял давным-давно, еще тогда, когда впервые вступил на землю обетованную, точнее загаженный перрон этого провинциального городка. И виноваты, несомненно, люди, населяющие этот неуютный, худо-бедно обжитый мирок. Отчего же ему не прогибаться, поддаваясь глупости, подлости и пошлости, раздираясь с неприятным треском половиц под ножищами незваного гостя.

Незнакомец, тем не менее, чувствовал себя как дома. Он обогнул круглый стол, даже не обратив внимания на торчащие из-под него старухины ноги, перешагнул с показным равнодушием, и замер, обозревая гостиную, обклеенную дрянными обоями, выцветшими и местами, отставшими от стен, перевел взгляд на закрытый шторами проход в спальню, и позвал тихонько:

— Панюшин, сука, выходи подлый трус...

Ответом была тягучая тишина. Ходики с кукушкой пытались заполнить ее ритмичным пристуком, но Юрию на миг показалось, что проклятая тишина стала чем-то вроде воронки на поверхности моря, черной дыры, способной затянуть в манящую глубину и мысли и чувства такого неудачника, как он.

Детина хмыкнул.

— Хорош, придуриваться, герой. Гвоздик-то небось с собой принес, злодей?

Панюшин поежился. Из-под стола торчали только ноги старой ведьмы, и гость при всем желании не мог видеть остального, значит что? А вот, что — херовы твои дела, Юрка...

* * *

Мир менялся на глазах. Пашка Бугаев с ужасом смотрел на изменения, не решаясь представить даже, что будет потом. То, что еще вчера казалось запретным, сегодня было делом привычным, вызывающее стало обыденным, а шокирующее — провинциально-скучным.

Бугаев тихо матерился, глядя на окружающий беспредел.

Мир встал на дыбы, явно собираясь завалиться на спину, прижав самого Пашку с его

самобытной беспомощностью. Пашка замирал, стараясь не обосраться от страха, но все на что он был способен — выполнять текущие распоряжения, повизгивая от восторга каждый раз, когда благодатная рука начальства поглаживала загривок. Черт возьми — терпеть окружающее блядство не оставалось больше сил. Иногда Бугаев стискивал зубы, чего за ним никогда не водилось — так, например, удушив жертву, он мысленно благодарил небеса, и того, кто обитал среди белокурых облаков, за каждый новый день, пускай и похожий на все остальные. Программа работала четко — обхватить сильными руками слабую шею, надавить, подержать немного, ну и так далее... Пашка расценивал подобные задания как некий тест — способность оставаться в деле, сохраняя прежний рассудок.

Он обвел комнату взглядом. Сука-Панюшин надумал заняться собирательством. Коровяк штука прошлая, вполне благополучно подзабытая. Так нет же — нашелся говноискатель-правдолюбец, нате, вот он я.

Бугаев тихо злился каждый раз, когда очередное чмо пыталось доказать что-то себе и окружающим. Как водится за счет самих окружающих. Ну и как принимать реальность, данную в ощущениях? Тем более, что ощущать становилось с каждым разом все труднее и труднее. Да и сами ощущения вселяли не вполне ясную, но тревогу.

Ладно, хер с ними всеми. Делу время, а потехе... час вроде? Пашка почесал нос.

В школе Бугаева поначалу за глаза называли «Пашенька». Пьяный родитель не вполне удачно пошутил, подарив сыну такое имя. Пусть само по себе имя и не несло ничего обидного, но в сочетании с могучей фигурой звучало как-то обидно. Поразмыслив на досуге, Бугаев пришел к выводу, что могло быть и хуже. Назвали бы, например, Ипполитом, или еще чего лучше Поликарпом, вот это было бы действительно чересчур — Пашка не вынес бы подобного унижения. Сверстники, были того же мнения, провожая тоскливым взглядом, огромные и мозолистые Пашкины кулаки. В старших классах «Пашенька» превратился в Бугая, и именно эта кличка вспыхнула холодными стальными буквами в памяти Панюшина.

Дальше дело пошло быстрее. Память засуетилась, выбирая из темноты картинки прошлого. Пашка-Пашенька, Павел Бугаев — в заведении его иногда прозывали, опять же за глаза, разумеется «Пашка-Таракашка». Старый приятель, наместник черта на земле. Вот как...

— Чудо-юдо, злобный хер. Выходи Панюшин, выходи сукин сын.

Панюшин выскочил в гостиную, и обмер, делая вид, что не верит глазам.

— Пашка, ах ты ж штопаный гандон!

Бугай довольно заржал, широко расставил руки, словно собираясь обхватить жилистое тело Панюшина.

— Здорово, Раскольников хренов! Что ж ты, старушку-то, за двадцать копеек уработал?

Юрий увернулся из объятий Бугая, и сноровисто хлопнул того по плечу.

— Ну не скажи. Пять старушек — рупь...

Сделав вид, что не обиделся, Пашка ухмыльнулся, подошел к столу, и поманил пальцем.

— Садись, Панюшин, рассказывай.

Юрий прищурился. Справится с Бугаем, при желании возможно, вот только знать бы наверняка, с какой целью тот пожаловал.

— А что тут рассказывать? Сижу вот, никого не трогаю. А со старушкой, ерунда вышла, согласен... Ну так у каждого свои развлечения.

Бугай хмыкнул.

— А коровяк ты тоже для развлечения собирать стал?

— Какой коровяк? — Быстро спросил Панюшин, всматриваясь в Пашкино лицо, словно пытаясь прочесть на нем ответы на все вопросы.

— А такой вот, коровяк. — Улыбка сошла с лица Бугаева. Пашка оценивающе взглянул на собеседника.

Панюшин забарабанил пальцами по столешнице. Руки у него были худые и жилистые. При желании Панюшин мог провисеть несколько часов на турнике, держась одним лишь указательным пальцем. Бугай знал об этом, как знал и о том, что может скрутить сильную Панюшинскую шею, даже особо не напрягаясь.

Тишина вернулась в стены дома. Тикали часы с кукушкой, чуть позванивали фарфоровые ведерки дамы с коромыслом, за окном мычали соседские коровы — сельская идиллия, да и только. Если постараться, можно не думать о том, что под столом костенеет старушечий труп.

— Как про старуху узнал? — спросил Юрий, чтобы хоть как-то заполнить тягучую паузу.

Бугай положил на стол пудовые кулаки.

— Узнал и узнал — что уж тут. Старуху давно в расход нужно было пустить — вот только со временем неувязка вышла. Ну, к этому еще вернемся. Где гвоздь взял?

— Выдрал с крыши.

Бугай кивнул.

— За картой с оружием ходил?

— Нет. В НИИ на проходной металлоискатель стоял. А тебе-то что?

Бугаев не ответил. Его мозг работал как компьютер, пытаясь найти правильный ответ. Несмотря на характерную внешность, Пашка иногда приходил к неожиданным выводам, которые в итоге оказывались верными. Знал, вернее, вспомнил об этом и Панюшин.

— Да и собственно, какая разница — ты-то здесь чего забыл? — вопрос повис в воздухе.

Для себя Панюшин так и не смог решить, зачем он убил старуху. Это было похоже на выстрел — что-то неведомое выплеснулось из него. Какая-то дикая, злая энергия, точкой приложения которой и стал левый глаз старой процентщицы. Все что случилось потом — исключительно личное, Бугаю знать о том не положено.

— К тому же, если старушка не нужна, то тем более никаких вопросов и быть не должно. Ворошить былое мне не резон, так что гражданин Бугаев, ступайте себе с богом.

Бугай задумчиво шевелил губами. Часы мерили время потускневшим маятником, и даже мертвая старуха внимала высоким речам, впитывая посиневшим телом правоту Юркиных слов.

— А не то...

— Что? — растерялся Панюшин.

— Ты забыл добавить... — Бугаев повернул голову, и посмотрел отсутствующим взглядом.

Юрий подобрался. Шутки шутками, а у Таракашки разговор всегда был коротким. Раз два, и душа вон. Как бы не вышло чего.

— Паша, я прошу тебя...

— Ага, чисто по-человечески — механически продолжил Бугай. Панюшин обмер.

— Чего ты? — он шептал, пытаясь вытолкнуть слова, что превратились в осклизлые комочки медицинской ваты.

— Ну да, ну да... — бубнил Бугаев, насыщая атмосферу дома ненужным страхом. —

Когда там связь? Ровно в девятнадцать ноль-ноль?

Панюшин упруго выскочил из-за стола. Удавка выскользнула из рукава маленькой опасной змейкой. Свистнула в воздухе, затягиваясь вокруг широкой шеи.

— Остановись, дурак... Пожалеешь... — Бугай захрипел, пытаясь вырваться. — Слушай, слушай сюда... Гром, вихрь, спайка...

Юрий отмалчивался, скривив лицо в нехорошей ухмылке. Не слушать, ни в коем случае не слушать! Все что скажет Бугай — все от лукавого, не стоит слушать. Ни одного слова!

Он душил Пашку, ту же затягивая удавку, упираясь коленом в широкую спину Бугая. Тот не сдавался, мотал башкой, словно бык на бойне — Панюшин чувствовал, как вместе с остатками воздуха, из легких толчками выходит жизнь. Бугай дернулся в последний раз, и затих.

Панюшин оттянул тяжелеющее тело в спальню, и вернулся к столу, еще раз взглянуть на карту.

Карта как карта. С севера на юг и с запада на восток гордо раскинулся город-герой Славянск. На юго-западе горный массив, в простонародье называемый Карачун-гора, там же, перед самым въездом в город — турки-месхетинцы арендовали бывшие совхозные поля, засадили каменистую землю болгарским перцем да турецкими помидорами. Сам город дальше. Район «Восточный» — соленые озера, сосновые леса. На севере — старое переполненное кладбище с небольшой церквушкой. В основном частный сектор, где коротает дни и ночи полупьяный гегемон. В центре угрюмые ряды пятиэтажных «Хрущевок» — однообразные скворечники, заселенные озлобленным людом. На юге — болотистая почва, затопленные дворы, где каждую весну собираются огромные лужи, и под сапогом чавкает грязь. Северо-запад — бесконечные села и поселки. Ничего интересного.

Вот только карта, что лежала на столе, была отнюдь не простой. В левом нижнем углу приклеена особая наклейка. Если посмотреть на нее под нужным углом — от поверхности отделится и заблестит в воздухе пятиконечная звезда. А, следовательно, эта карта не просто карта. Нужно просто обладать Панюшинским чутьем, чтобы определить, как правильно пользоваться ею.

Хотя если умеешь, ничего сложного — берешь в правую руку циркуль. Втыкаешь иглу в красную точку, прямо посередине карты и очерчиваешь круг, радиусом... впрочем, нет, неважно. Лишние знания рождают скорбь.

Панюшин отнюдь не скорбел. До девятнадцати оставалось совсем немного.

Пять...

Четыре...

Три...

Телефон зазвонил. Панюшин дернул рукой — рано!

Два...

Один...

Вот теперь отсчитать семь звонков, поднять и положить трубку. Еще семь звонков и...

* * *

— Алло! — Панюшин сжимал трубку. Он готов был танцевать от радости. Голос на том конце провода означал только одно — ничего не окончено до тех пор, пока не будет сказано

последнее слово. И это слово будет за ним.

— Алло.

Наступила тишина. Панюшин подул в трубку.

— Алло... — голос в трубке казался невесомым. Еще мгновение, и слабое дыхание Панюшина развеет его как пыль на ветру.

— Алло — Чуть ли не проблеял Юрий, с ненавистью ощущая в своем голосе просительные нотки.

— Панюшин, еб твою... Ты оглох?

— Нет — просительный шепот унижал, но другого способа не было. Сейчас именно голос в трубке диктовал условия, задавал темп игры.

— Неет... — издевательски протянул голос, копируя Панюшинские интонации. — Короче, слушай сюда. Твоя первая контрольная точка — водоочистные резервуары на Михайловом озере. Всосал?

— Так точно, всосал.

— Херово всосал. Где вопросы по существу?

Панюшин закрипел зубами. Голос явно нарывался, и Юрий дал себе обещание разобраться с умником, что лениво цедил слова, разговаривая с ним, как с дерьмом.

— Что там?

— Как что? — продолжал глумиться голос. — Тебе ж по-человечески сказали, дебил — там первая контрольная точка. Короче, Панюшин, на кой хер я вообще теряю время?

— Пожалуйста... — Панюшин ощутил, как вновь задержался левый глаз.

— Ладно — сжалился голос. — Смотри мне, герой. Пашку уработал небось?

— Что? — сердце Юрия превратилось в маленькую ледышку, и затрепетало, готовясь провалиться куда-то в пятки.

Голос в трубке засмеялся.

— Ох, беда мне с тобой, Панюшин. Не работа, а одно сплошное огорчение. Короче, герой — топаешь от озера на юг. Там, в кустарниках, старые водоочистные резервуары. Найдешь средний, спускайся по лестнице. На месте разберешься. Да, вот что еще — выходи на рассвете, днем тамлюдно. Все, отбой.

Юрий медленно опустил трубку телефона. Ну что же. Начало положено, а там как бог даст. Он покосился на старый диван. Придется тебе дружище еще на одну ночьку приютить одинокого скитальца.

Господи, дай силы дотерпеть до утра.

* * *

На привокзальной площади было шумно. Только что тронулась пригородная электричка, увозя в своем железном чреве натруженный пролетариат. Где-то между вагонами топали неугомонные торговцы, предлагая кроссворды, приправы для пищи, воблу и расписание телепередач, а на перроне голосили их собратья по ремеслу, продавая второсортную керамическую посуду падким на все необычное пассажирам, жадно выглядывающим из грязных окон вагона. Краснознаменная Дружковка встречала гостей.

Городок, коих не счесть на Донбассе. Один из многих, один из всех.

Солнце жарило изо всех сил, многократно отражаясь в глубоких грязных лужах. Юрок

сидел на заплеванном бордюре, широко раскинув ноги. Он сжимал старый баян, пытаясь выдавить кроме хрипа некое подобие музыки:

— Разлука ты, разлукааа... Чужая стооронааа...

Прохожие не обращали внимания. Они спешили по своим делам, деловито сновали по перрону, зачем-то таская взад и вперед огромные клетчатые сумки. Юрок смотрел вперед, даже не пытаясь сфокусировать на чем либо взгляд. Для него достаточно было видеть мельтешение людской толпы, чтобы быть уверенным — кто-нибудь да опустит пару монет в мятую банку из-под кофе, подобранную тут же, у здания вокзала.

— Никто нас не разлучит. Лишь мать сырааа земля!

Он сдвинул меха, нажимая кнопки наугад. Баян взвизгнул и выдал новую порцию звуков. Назвать их музыкой можно было с большой натяжкой, но большего, впрочем, от старого трудяги и не требовалось.

— Подайте люди добрые Христа ради...

Мимо прошла насупленная мамаша в окружении орущего выводка. Эта не даст ни гроша. Самой бы прокормить многодетную семью.

Юрок устало прикрыл глаза.

— Внимание! На вторую платформу прибывает скорый поезд... (название поезда Юрок не расслышал), нумерация вагонов от локомотива...

На перроне зашумели.

— Маня, спроси, когда наш будет...

Юрок встрепенулся, и вовремя. Раздался тихий звон, и в банку упала монета. Сверкающий пятак шлепнулся на дно, Юрок жадно потянулся за монетой, ощупал заскорузлыми пальцами, пытаясь вытащить.

— Тьфу ты, зараза!

Он перевернул банку, и пятак утонул в грязной ладони. Юрок ухватил, наконец, монетку и поднес к глазам.

Пятак ослепительно блестел. И этот блеск завораживал. Юрок всматривался в надписи, мучительно пытаясь сообразить, что не так. Пятак как пятак — гербовый трезубец на одной стороне, и залихватская пятерка на другой. Пять копеек, как ни крути. Целых полкоробка спичек.

— Мань, ну что там, когда наш-то приедет?

Что-то сверкнуло в голове, и Юрок повалился на землю, обхватил голову руками, засучил ногами. Прохожие опасливо косились на нищего — мало ли чего ожидать от грязного немывого бомжа. То ли больной, то ли пьяный — лучше держаться от такого подальше.

Юрок истошно завыл, пытаясь выцарапать глаза. В них зажглись ослепительные солнца, и все стало пропитанным яркой, гулкой болью. Больно было смотреть, но, даже закрыв глаза, Юрок продолжал видеть все тот же свет.

Он катался по асфальту, пару раз больно ударился головой об чугунную урну. Свет никуда не делся, только с каждым мгновением становился все глубже и насыщенней. Одновременно, где-то в голове зазвучал тонкий противный голос. Он произносил слова, смысл которых не был понятен, они просачивались сквозь мысли, словно голос вещал на птичьем языке. И от этого становилось еще хуже.

Страдание было невыносимым, и Юрок оцепенел, пытаясь сосредоточиться. Если заставить себя не обращать внимания все пройдет. Так было раньше, там, в тумане.

И как только Юрок понял это, он дернулся в последний раз и затих. Память раскрыла самую омерзительную часть, ту самую, что была до сих пор скрыта от него, и Юрка-Юрок открыл глаза, пытаясь сообразить, что он делает здесь, на перроне.

Он дополз до скамейки, с трудом взгромоздился на промокшие после вчерашнего дождя доски. Баян остался лежать на перроне. Он стал прошлым, вместе с помятой банкой из-под кофе.

Юрий сидел на скамье, подвывая и покачиваясь в такт словам, что продолжал произносить проклятый голос. Некоторые из слов уже не казались совсем незнакомыми. Разум пытался выхватывать из них отдельные слоги, чтобы собрать свое подобие смысла. Пока получалось не очень, но кто знает, что будет потом, когда вернется самое главное — то, что хранилось в лысеющей голове Юрия.

И только когда затихли последние звуки, и солнце убралось, наконец, за горизонт, Юрий устало откинулся на скамейке. Он вспомнил не все — сотую часть того, что должен был помнить, но вспомненного оказалось достаточным для того, чтобы окинуть привокзальную площадь новым, чистым взглядом, в котором плескались ненависть и ярость.

Кто-то должен ответить за все. И так будет. Юрий сложил звуки в слова, и свет померк, превратившись в ровное свечение фонаря у входа в здание вокзала. Тело жаждало действия, а еще безумно хотелось газировки, той самой, из автомата.

Юрий позволил разуму свернуться в кокон, отделиться от тела, оставшись простым наблюдателем. Пятак лежал неподалеку, закатился стервец за урну. Юрий вернулся за ним, отметив новую, недоступную до сих пор плавность движений. Поднял монету, вновь и вновь разглядывая блестящий кружок.

Подошел к таксофону, зачем-то постучал согнутым пальцем по трубке. Бросил монету и замер, вслушиваясь в тихие шорохи аппарата. Что-то звякнуло там, в механическом нутре, и бездушный автомат выплюнул пятак. Реальная стоимость пятака оказалась куда ниже номинальной, но знающему неинтересны условности. Юрий крутанул пальцем диск, набирая номер. Иногда можно звонить бесплатно, нужно просто знать правильные цифры.

Пошел вызов. Все это время Юрий сердцем ощущал, как в глубине души набухает что-то невероятно важное, готовое раскрыться дурманящим цветком, вот только новизна ощущений не вполне соответствовала тревожным мыслям в голове. Что-то будет, ой будет — и весьма скоро.

Трубку взяли.

— Алло — Юрий напряженно вслушивался в тишину. — Алло, ответьте, пожалуйста...

На другом конце провода молчали, очевидно, не зная, что сказать.

— Алло? — Уже вопросительно спросил Юрий.

Тишина в трубке сменилась короткими гудками.

Он пробовал дозвониться несколько раз. Пятак проскакивал сквозь автомат сверкающей искоркой надежды. В трубке молчали, а в последний раз вообще дозвониться не удалось. Юрий слушал гудки, понимая, что влип.

Это знание пришло внезапно. Словно вспышка на миг ослепила откуда-то изнутри, раскрыв сияющий белый лист, исписанный письменахми. Давай, дружок, медленно и аккуратно положи трубку, и садись на скамейку. Через час за тобой приедут, и все будет кончено. Если же ты еще решил немного задержаться на этом свете, не стой столбом. Убирайся отсюда, поскорей.

Путь твой будет недолог. Ехать тебе в Славянск. Маленький городок, ты же знаешь, их

много таких. Город-герой, — пускай, и знают об этом только избранные. Добираться недолго, всего-то два часа электричкой, машиной быстрее, но перестук колес отчего-то ближе сердцу. Есть что-то такое, что манит в грязные заплеванные вагоны пригородных поездов.

Давай, Юрок, шевели ножками, пока не подъехал неприметный «жигуленок» с четверкой таких же неприметных ребят. Забирайся в тамбур — контролеры не тронут нищего, пройдут мимо, брезгливо поджав губы. При желании можешь пересечь поезд, насобирать немного мелочи на дорожку, вот только баян придется оставить здесь — ни к чему таскать с собой лишний хлам. Все что нужно ты найдешь там, в скучном провинциальном городке, среди пыльных кривых улочек, соленых озер и грязных посадок.

Как тебе такой вариант? Да, кстати, Панюшин... Что, в твоих глазах удивление? Ну что же, значит, память поделилась с тобой еще одним кусочком воспоминаний, прижми их к сердцу и храни где-то там, поближе к грешной душонке, быть может тебе предстоит вспомнить нечто такое, отчего захочется исторгнуть из себя эти воспоминания вместе с самой душой. Так вот, Панюшин, впереди много интересного, и быть может, стоит озаботиться тем, чтобы этот интерес не оказался слишком опасным для тебя самого. Подумай об этом на досуге, когда будешь смотреть отсутствующим взглядом в треснутое окно, провожая уносящиеся вдаль кривые березки и иссохшие сосенки, что растут вдоль путей вестниками проходящей вечности.

Хотя, лишние знания рождают скорбь — ты убедишься в этом не раз.

Вперед, Юрка, не бзди.

* * *

Панюшин проснулся среди ночи, и некоторое время лежал в темноте, пытаясь сообразить, где находится. Тикали ходики, и сверчок за окном пел заунывную песню. Лето ушло, оставшись в ослабленной памяти шумом электричек да терпким вкусом окурков, подобранных на перроне.

Юрок любил весну, лето тоже ничего, но уже не так. Духота и марево над горячим асфальтом привокзальной площади — вот и все лето. Правда можно собирать абрикосы, от которых потом крутит живот, спать, где хочешь, не думая о будущих холодах, но зато прохожие, утомленные солнцем, подают неохотно. Сейчас Панюшин был даже рад тому, что, наконец, закончилась жара. Он поплотнее завернулся в теплое покрывало, размышляя о событиях дня вчерашнего. Сильно болела голова, и зверски хотелось пить.

Уработав Бугая, Панюшин собирался отсидеться в старухином доме, но жизнь, как водится, внесла коррективы в его планы. Стук в калитку заставил подобраться. Панюшин был готов встретить гостя, который, правда, оказался обычным трудягой, завернувшим после трудовой смены к бабе Мане, пропустить пару стаканов горилки.

Работяга вломился во двор, жуя травинку. Встал, покачиваясь, рассматривая двор усталым взглядом, в руке он держал затертый полиэтиленовый пакет.

Панюшин вышел из дома.

— Чего надо?

Пришелец смерил Панюшина осторожным взглядом.

— А где баба Маня?

— Занята она. За гвоздями поехала — не моргнув глазом, соврал Панюшин.

— За какими гвоздями? — тупо удивился пролетарий.

— За шиферными... Тебе чего надобно, мил друг?

— Мне это... — помялся трудяга. — Острограмиться бы...

Панюшин загадочно улыбнулся.

— Один момент!

Он вынес из сарая внушительную бутылку прозрачного как слеза самогона. Плюньте в глаза тем, кто показывает в фильмах мутное пойло — в своем деле баба Маня знала толк. Продукт ее усилий пускай, и не отличался особой крепостью, зато и не был противным на вкус. Из всех способов очистки бабка признавала один, самый действенный — марганцовку. Правда, пить полученный самогон было не очень полезным для здоровья, но подобные мелочи мало интересовали алчную старуху.

Увидев заветную бутылку, работяга засуетился. Выплюнул травинку, смахнул со стола невидимый мусор. Панюшин со значением поставил бутылку на плохо оструганную столешницу, вернулся за стаканами. Пока он искал посуду на кухне, работяга уже успел извлечь из пакета нехитрую закуску — нарезанное ломтиками сало, несколько вареных яиц и пару пучков зелени.

Панюшин потер руки. В бутылки аппетитно забулькал разливаемый самогон.

— Звать то тебя как? — поинтересовался Панюшин.

— Толик — лаконично ответил гость, придирчиво соблюдая уровень жидкости. — А тебя?

— Юрка.

— Ну, за знакомство...

Выпили. Самогонка обожгла гортань. С непривычки Панюшин закашлялся.

— Ох и ядерн, зараза! — выдохнул он.

Неспешно закусили, затем Толик аккуратно разлил еще по одной, Юрий же откинулся на скамейке, чувствуя наступающее умиротворение. Как всегда, после выпитого, захотелось поговорить.

— Вот скажи мне, Толик — проникновенно начал Панюшин. — До каких пор будет продолжаться весь этот бардак?

Толик махнул рукой, всем своим видом показывая, что далек от политики.

— Нет, ты ответь! — наседал Панюшин.

Вместо ответа, Толик вновь наполнил граненые стаканы. Выпили не чокаясь.

— Это надо же, такую державу угробить! — волновался Панюшин, пытаясь удержать внутри огненную жидкость.

Разговор не клеился. Панюшин смотрел, как Толик, не торопясь, чистит яйцо.

— А какую такую державу? — неожиданно спросил тот, застав Юрия врасплох.

— Ну, как же это? — удивился тот. — Ты что, Толян?

— А что я? — вдруг окрысился собутыльник. — Мне что тогда, что сейчас. Как жил скотом, так и живу. Травлюсь самогоном, вот с тобой. Это еще разобраться нужно кто ты такой...

— А, вот оно что... — Юрий ухмыльнулся. — Хочешь разобраться? Наливай...

Выпили, разобрались.

Оттянув тяжелеющий труп в сарай, Панюшин вернулся к столу, чтобы поразмыслить о дальнейших действиях. Выпитого было вполне достаточно, чтобы немного унять

напряжение, да и завтра предстояло много дел.

Старухин дом наполнялся мертвяками, и это обстоятельство давило на нервы. Мертвых Панюшин не любил, хоть и не боялся никогда. Черт с ними всеми, утро вечера мудренее, а пока что нужно хорошенько выспаться, день будет хлопотным.

Первым делом, Панюшин закрыл калитку на тяжелый засов. Выключил газовую печь в сарае. Как раз вовремя — из змеевика вырывался горячий пар. Ночевал Юрий на старухином диване. Некоторое время ворочался, устраиваясь удобнее. Старуха лежала под столом, там, где он ее оставил — Юрию до смерти не хотелось возиться с трупом, хотя по хорошему, следовало оттащить тело в комнату к Пашке. А вообще, очень скоро придется решать проблему с жильем. Ну, даст бог, завтра что-нибудь прояснится — почему-то Панюшин был уверен, что старые резервуары таят в себе множество приятных сюрпризов.

Вот и сейчас, проснувшись, Панюшин не сразу вскочил с дивана.

Было что-то странное в этой уверенности, которая казалась похожей больше на знание. Юрий обладал множеством способностей, одной из которых было умение вертеть прошлым, просматривать его и так и сяк. Иногда, правда, очень редко, накатывали приступы прозрения — Панюшин видел кусочки событий, которые рано или поздно случались позже. Увиденное было похоже на обрывок газетной статьи — вроде бы и читается, но что можно понять из такого крошечного кусочка? Полное отсутствие смысла, но зато странное чувство, как будто он жил сотый раз подряд, и все случившееся, лишь очередной клочок давно прочитанной газеты. Все было, есть и будет много раз.

Ладно, разберемся. Вставай дружище, выбирайся из-под теплого покрывала — тебя ждут великие дела.

* * *

До железнодорожного вокзала Панюшин добрался без происшествий. Всего-то минут двадцать пешком. Остановился у перрона, равнодушно рассматривая разношерстную публику. Везде одно и то же — что в Краснознаменной Дружковке, что в Пролетарском Славянске. Загаженный перрон, ржавые рельсы да вонючие окатыши между ними.

Поднялся на мост, перешел на другую сторону, к локомотивному депо. Прошелся по аллеям, миновал старинный паровоз, стоящий на постаменте — памятник трудовым подвигам допереломной эпохи. Свернул вправо, туда, где в желтоватом заборе обнаружился проход. Спустился по насыпи.

Ну вот, почти на месте.

Михайлово озеро, оно же Михайловское, оно же «Михася» обильно поросло камышом. Запах гнили пропитал все на свете, и Панюшин, присев на корточки у берега поморщился. Тронул воду — холодно, впрочем, ни одному нормальному человеку не придет в голову купаться в цветущей воде. Остатки пляжа напоминали о тех не столь далеких временах, когда визжащая, босоногая ребяшня носилась по берегу. Обрывок тарзанки над головой только усиливал накатившую ностальгию.

Юрий легко поднялся на ноги. Так, направление на Карачун-гору, и тридцать метров от берега. Панюшин с треском вломился в густой кустарник, пробираясь сквозь живую изгородь. Ветки царапали лицо, приходилось отгибать руками. Панюшин только начал раздражаться, как впереди забелел кирпичный бортик первого резервуара.

Кустарник закончился, и Юрий вышел на небольшую, метров пятидесяти в диаметре, полянку. В резервуарах шумела вода, но насколько было известно Панюшину, они давно отработали ресурс и были благополучно брошены. Он подошел к среднему. В отличие от собратьев тот был сух.

Круглый кирпичный бортик, высотой до пояса. Сам резервуар был накрыт толстой, местами проржавевшей решеткой. Часть решетки оказалась отогнутой, чтобы можно было пролезть вовнутрь.

От бортика вглубь резервуара вела металлическая лесенка. Юрий оглянулся. Вокруг не было ни души, но лишняя осторожность не помешает. Он запрыгнул на борт, протопал по решетке до лесенки, и, кряхтя, протиснулся в отверстие.

Лестница прогнила настолько, что только чудом держалась в бетонном жерле резервуара. Внизу тоскливо ржавели огромные трубы, фланцы, вентили и прочие элементы запорной арматуры, в которых Панюшин особо не разбирался, хотя и мог при случае починить протекающий кран.

Он спрыгнул с лестницы. На дне резервуара оказалось неожиданно темно. Хорошо догадался взять фонарик. Юрий щелкнул тумблером «Коногонки» — в дрожащем круге света показалися растрескавшиеся стены бетонного колодца. Слева и справа виднелись огромные проходы — водные каналы, некогда забранные фильтровальной сеткой. Сейчас от сетки остались только ржавые острые края — местные охотники за металлом давно уже вытянули все, что можно унести. Удивительно как сохранилась решетка наверху резервуара, да эти огромные глыбы ржавчины, некогда бывшие трубами да вентилями. Ладно, все это лирика — Панюшин нахмурился. Голос в трубке не сказал, что делать дальше, а сам он спросить побоялся. Все-таки было что-то такое в этом голосе, от чего Панюшин робел, словно школьник в кабинете завуча.

Юрий сунулся, было в ближний проход, но тут же отпрянул. Огромная куча грязного тряпья зашевелилась вдруг, издавая невероятный смрад. Что-то ухнуло там, внутри, и из многочисленных тряпок на Панюшина уставился огромный, багровый глаз.

— Этта... Кто здесь? — забормотала куча, и Юрий облегченно выдохнул.

По всей видимости, очередной бомж заметил укромное местечко, и устроил здесь свое логово. Панюшин, особо не раздумывая, врезал ногой, целясь куда-то в середину кучи.

Раздался хриплый кашель, и из тряпок вылетела синюшная, но, тем не менее, жилистая рука. В один миг, Юрий оказался погребен под кучей смрадного тряпья, а рассерженный хозяин берлоги навалился сверху, прижимая к неровному бетонному полу.

Юрий барахтался, пытаясь выбраться из кучи, но бомж не сдавался. Он хрипел, ругаясь, пытался нацупать Панюшинскую шею. Изловчившись, Юрий сумел все же выпростать одну руку, и что есть силы ткнул пальцем в синюшную харю, целясь в глаз.

Бомж взревел, и откинулся на спину. Панюшин выбрался из тряпок, и подошел к поверженному врагу. Рев перешел в сиплое повизгивание. Юрий брезгливо вытер палец о штанину, и присел рядом.

— Ну чего ты? — почти миролюбиво спросил он.

Бомж продолжал скулить, закрывая рукой окровавленную глазницу. Панюшин укориженно вздохнул.

— Ну все, хорош выть. Покажи глаз-то...

Враг замотал головой, не решаясь показать лицо. Юрий с силой отвел руки бомжа. Н-да, не харя, а целый натюрморт — сизые колосья волос, нос сливой, да глаза один как яичный

белок, вместо второго — раздавленная клубника.

Юрий задумался. Отпускать бомжа было нельзя. Да и не жилец он уже. Запах тряпок досих пор стоял в носу, так что при желании можно было найти оправдание любому решению...

Панюшин переступил через умерщвленного бомжа, наклонился подобрать фонарик. Посветил вглубь — канал обрывался застывшей массой бетона. Мимо.

Вернулся назад. Полез во второй канал, но тот оказался точной копией первого. Юрий задумался. Возможно, голос что-то напугал. Вот и бомжа, получается, придушил ни за что ни про что. Ну и черт с ними обоими.

Панюшин выбрался из резервуара. Постоял немного, раздумывая.

Итак, имеем следующее — три резервуара. В крайних вода, в среднем — остывает труп бродяги. Голос утверждает, что в одном из них находится первая контрольная точка. Значит что?

Значит если голос не врет, точка действительно находится в среднем резервуаре, поскольку прятать что-либо в затопленных колодцах дело пропащее. Или просто неохота лезть в холодную воду?

Юрий вернулся к первому резервуару. Заглянул за решетку — внизу бурлило, словно там, на дне стоял огромный винт, который своими лопастями разгонял воду. Если что и прятать — только здесь. Ни одному безумцу не придет в голову, лезть туда. Правда решетка оказалась приваренной намертво — не пролезть. Панюшин покачал головой — нет, все-таки не здесь.

В последнем резервуаре вода стояла спокойно. Панюшин всмотрелся в свое отражение — крепкий жилистый мужик, лет пятидесяти, с коротко остриженной головой похожей на шар. В отличие от остальных резервуаров здесь решетки не было вовсе. На поверхности черной воды плавали листья. Хрен его знает...

Юрий взобрался на бортик, попробовал воду рукой. Ох, и холодная зараза, прямо как в озере. Ну что, дружище, делать будем?

Оглянувшись в последний раз, Панюшин решился. Быстро сбросил затертую джинсовую куртку. Снял штаны, и футболку, оставшись в одних плавках. Медленно вдохнул и выдохнул несколько раз, успокаивая дыхание. Присел на корточки, уперся руками в кирпич, и полез в воду.

Черт! Холодно же...

Панюшин погрузился по шею, привыкая. Вдохнул глубже и оттолкнулся руками от бортика. Фонарик пришлось оставить на поляне — «Коногонка» не смогла бы работать под водой, поэтому Панюшин опускался на дно, зажмурившись, не спеша, ощупывая осклизлые стены руками и ногами, стараясь не зацепиться о выступающие из стен штыри — крепления лестницы. Самой лестницы не оказалось в помине, поэтому спуск оказался дольше, чем вначале предполагал Юрий. Опустившись на дно резервуара, Панюшин принялся водить руками, ощупывая стены. Все правильно — вентили и фланцы. Найдя вход в первый канал, Юрий проплыл пару метров, и уткнулся во все тот же застывший бетон.

Вынырнув, Панюшин долго хватал воздух ртом. Сноровка уже не такая как раньше, и страшно подумать, что будет лет через пять...

Нырнув во второй раз, Юрий ввинтился во второй канал. Проплыл пару метров — железная труба канала заросла илом, но пока и не думала заканчиваться. Юрий заработал ногами. Он плыл вперед, даже не думая о том, что в случае чего не сможет вернуться.

Ширина трубы позволяла двигаться вперед, развернуться же в ней было делом невозможным. В ушах зазвенело.

Он плыл вперед, проклиная все на свете. Руки скользили по илистой поверхности трубы, которой казалось, не будет ни конца, ни края. Метр, еще метр. Когда же закончится, эта чертова труба?

За мгновение до того, как Панюшин решил, что ему крышка, труба оборвалась. Панюшин открыл глаза, и увидел свет. Свет шел сверху. Панюшин осмотрелся — вокруг, насколько позволяла видеть мутная вода, тянулось дно озера, покрытое все тем же илом. Оттолкнувшись от него, Юрий взмыл вверх, и только вынырнув на поверхность, разрешил, наконец, самому себе сделать вдох.

Он выплыл на середине Михайлова озера. Труба, по всей видимости, была водозаборным каналом, и когда-то вода из этого резервуара после грубой очистки подавалась на насосную станцию, чтобы снабжать мастерские железнодорожного депо.

Панюшин лег на спину, отдыхая. Вода неприятно холодило тело, но Юрий не мог заставить себя пошевелиться.

Голос ошибся. Не было ничего здесь, и все старания оказались напрасными. Придется возвращаться в старухин дом, и ждать следующего сеанса связи. Быть может голос сумеет ответить на вопросы.

В начале была тьма. Много тьмы. И была она пустой и беспомощной. Маленький разум носился в ней бесплотной мыслью, теряясь в пустоте, трепеща от осознания собственного ничтожества.

И длилось это вечность. Одну стандартную, ничем не примечательную вечность.

Затем был свет. Много света — еще больше чем тьмы.

Свет бил в глаза, его было слишком много, и он казался ярче себя самого.

Он обтекал стены, многократно отражаясь от грязного кафеля, преломляясь в тонком стекле пробирок и колб. И даже облупленный никель медицинских зажимов поблескивал, словно признавая его светлое величие.

Из света раздавались голоса. Они лениво спорили, и смысл произносимых слов ускользал, растворяясь в ярких лучах, бьющих из лампы над головой.

— Операция не даст стопроцентную гарантию...

— Ну, так что теперь?

— Имейте в виду — я настаиваю на полной санации. Полной!

— Не будьте кровожадным доктор, ни к чему губить превосходный материал...

— Вы никогда не соглашались со мной. Когда я говорил, что все пойдет прахом, тогда...

— Полноте, профессор. Я сам не сторонник полумер, но в данном случае есть маленький шанс на возврат.

— Вы шутите?

— Вовсе нет. Перелом еще не означает потерю всего. Считайте это временным изменением курса. Более того, скажу по секрету, — есть мнение, что перелом это что-то вроде оздоровления.

— Ну да, ну да... А всеобщий крах — проявление этого мифического оздоровления? В общем, свое мнение относительно материала я донес до руководства, что там считают наверху не мое дело, это в общем, а что касается этого конкретного сукина сына в частности — сделаю согласно решению. Но, как я уже сказал, результат не гарантирован.

— Короче, профессор. Не будем терять время. Работайте...

* * *

От воды знобило. Панюшин держался на плаву, устремив в небо безумный взгляд. Мысли взъерошенными воробьями носились где-то поодаль. Он прокручивал вчерашний вечер в голове, пытаясь определить причину неудачи.

Голос лгал. Или ошибался. Так или эдак — время покажет, хотя от настоящей причины будет зависеть многое. Со стороны Юрия ошибки быть не могло. Голос точно указал место первой контрольной точки. Панюшин четко следовал указаниям, не задавая лишних вопросов, о чем теперь, впрочем, пожалел.

Ладно, разберемся. Панюшин рывком перевернулся на живот, и быстро поплыл к берегу, рассекая холодную воду. Выбрался на сушу, попрыгал на ноге, вытряхивая воду из уха. Оглянулся и побрел в кусты. Пробираться босиком по колючему кустарнику оказалось намного неприятнее. С трудом добравшись до поляны с резервуарами, он подобрал одежду.

Возвращаться к старухе себе дороже, но и выхода другого нет. Вряд ли Бугай действовал сам по себе, но тогда почему появился один? С другой стороны, если Таракашка узнал, что Панюшин в городе, то не исключено, что подобное знание стало достоянием еще пары тройки человек, по сравнению с которыми покойный Пашка был сущим ангелом.

Юрий поежился. Выхода не было — возвращаться всегда плохо, но плохо выполненная работа не оставляет других возможностей для самореализации. Вперед и с песней!

Обратно Панюшин вернулся другим путем. Некоторое время шел вдоль путей, пока вокзал не остался позади, затем пересек рельсы и выбрался на тропинку, что выходила на асфальтированную дорогу. Улица тянулась дугой, обрастая неказистыми зданиями. Юрий брел по тропинке, пытаясь вспомнить что-то важное связанное с этим местом. Так, здесь налево, затем прямо, мимо кладбища, обнесенного высоким бетонным забором, и вот он, обмазанный глиной домик старухи.

Сразу заходить Юрий не стал. Прошел мимо, не задерживаясь, тем не менее, внимательно осмотрелся вокруг, отмечая взглядом каждую мелочь. Завернул за угол, постоял, пытаясь унять трепыхающееся сердце.

Вроде бы все в порядке.

Все в поряд...

Стоп!

Все да не все!

Панюшин закрыл глаза, и еще раз прогнал перед внутренним взором увиденную картину. Забор из плохо оструганного штакетника, покосившаяся калитка. Так, стол и скамья под ним — все как он оставил вчера. Крыльцо — не разобрать, слишком плохой угол обзора был. Дверь в сарай... ага, уже ближе. Точно — щель между дверью и стеной сарая стала шире. Кто-то открыл ее, а затем закрыл, пытаясь скрыть следы своего пребывания.

— Панюшин, ты параноик... — пробормотал Юрий.

В самом деле, причина могла быть весьма прозаичной — ну, например ветер...

— Черта с два! — тут же мысленно парировал Панюшин. — Доски, из которых сбита дверь, сильно прогнили, отчего закрыть или открыть ее оказывалось на самом деле весьма нелегким занятием. Никакой ветер не смог бы сделать это...

Вот черт. Панюшин втянул голову в плечи. Была, не была.

Он вернулся к калитке. Вошел во двор, каждую секунду ожидая нападения.

Вроде никого.

Юрий потоптался по двору, пытаясь привлечь внимание незваных гостей, если они затаились в доме. Затем, решившись, открыл дверь в сарай.

— Вот суки! — возмущенно произнес он, тем не менее, чувствуя, как отлегло от сердца.

За время отсутствия Панюшина, кто-то забрался в сарай и спер пятидесятилитровый алюминиевый бидон. Побродив по двору, и не заметив следов похитителей, Юрий зашел в дом.

Как бы там ни было, воры побоялись забраться вовнутрь — первым делом, Юрий бросился к дивану.

Уф, все на месте!

Ему было начхать на бидон. Меньше всего он собирался заниматься старухиным промыслом, гораздо больше беспокоил сам факт того, что неизвестные хозяйничали во дворе, и, следовательно, вполне могли заглянуть и в дом. А вот этого уже допускать нельзя ни в коем случае.

Хорошо, хоть Панюшин догадался забросать тело работяги разными тряпками. Он еще раз прокрутил запись — нет, все в порядке. Тряпки остались нетронутыми, если отбросить сомнительную возможность того, что расхитители цветного и не очень металла при виде трупа удосужились укрыть его обратно, вернув все на место с микроскопической точностью.

Панюшин с тоской покосился на телефон.

Как быть? Ожидать нового сеанса связи, или попробовать самому? Вопросы, вопросы...

— Алло...

Потрескивание и тихий гул, словно где-то, вдалеке работает двигатель автомобиля.

— Алло, ответьте.

И как вознаграждение за долгие ожидания:

— Чего тебе, Панюшин?

— Там, в резервуаре... Ничего не нашел...

— Мля...

Панюшин обмер. Голос замолчал, очевидно, обдумывая услышанное.

— Я это...

— Заткнись!

Юрий послушно заткнулся. Пауза ширилась, обрастая мхом, заполняя пространство внутри Панюшинского черепа. Он явственно ощущал ее внутри, словно голова вмиг стала пустой от испуга. Больше всего Юрий боялся того, что голос замолк навсегда, и он, Панюшин, больше не услышит знакомых интонаций. Интересно, кстати, будет поразмыслить на досуге, кто тот невидимый собеседник. Судя по голосу, наверняка кто-то очень знакомый.

— Алло? — Юрий не выдержал первым.

— Панюшин, сука, ты дебил! — сорвался голос. — Заткнись, мать твою. Дай сообразить.

— Я ж как лучше, хотел... — заволновался Панюшин, сжимая трубку, словно собираясь раздавить непослушный кусок пластмассы.

— Ладно — голос сменил гнев на милость. — Все путем, доходяга. Бомжа оприходовал, как следует?

— Откуда... — вопрос повис в воздухе. Голос как всегда оказался в курсе событий, и это было, по меньшей мере, странно.

— Думай головой — посоветовали из трубки телефона. — Включай мозжечок, глядишь и сообразишь что к чему.

Панюшин никогда не считал себя дураком, но иногда услышанное вгоняло в оторопь. Поневоле приходилось просчитывать, что ж происходит-то на самом деле. Неужели и вправду голос способен видеть все события наперед? Впрочем, чего гадать — спросить у голоса и делов-то?

— Только попробуй — недовольно пробурчал голос.

Юрий встрепенулся. Последние слова он произнес вслух, и это было плохим признаком. Эй, Панюшин, черт подери, да соберись ты, в конце концов. Сейчас, когда сделано много, и предстоит еще больше, не время жевать сопли.

— Вот это верно — тут же согласился голос в трубке, и Юрий мысленно чертыхнулся. — Держи язык за зубами, и все пойдет как по маслу.

Панюшин ухмыльнулся.

— Значит так... — как ни в чем не бывало, продолжил голос. — Все идет по плану. Будем считать, первая контрольная точка пройдена, связь через сутки. Пока можешь

расслабиться, о последующих заданиях сообщу дополнительно. Бывай...

— До свидания — промямлил, было, Панюшин, но на той стороне уже положили трубку.

Он уселся на диван. Хорошо сказать расслабься. А как быть, когда с тобой в одном доме два мертвяка, не считая еще одного в сарае. И вот-вот могут нагрянуть незваные посетители. За окном стукнула калитка. Ну вот, накаркал, называется.

— Баб Мань — закричал чей-то голос, и Панюшин обречено отправился на выход.

* * *

Панюшин обрел себя на залитой солнцем привокзальной площади Дружковки, однажды в начале сентября, как раз тогда, когда лето уходило на глазах, оставаясь в памяти однообразными жаркими днями, шумом электричек и поездов, нераздельным шумом из репродукторов на столбах.

Он стоял у таксофона, укрывшись за жестяной крышей от солнца. Слушал гудки, собирал волю в кулак. Обретать себя оказалось совсем не простым занятием. Это как прыжок в бездну — можно долго стоять у края, не решаясь сделать последний шаг навстречу неизвестности. Первое, что сделал Юрий — выдрал трубку телефона. Воровато оглядываясь, засунул трофей под кацавейку, и засеменя прочь, пытаюсь сообразить, что делать дальше.

Ноги сами несли прочь от здания вокзала.

Отойдя на приличное расстояние, Юрий скрылся за металлическим киоском. Продавщица, помятая тетка неопределенных лет, подозрительно зыркнула на бродягу, но солнце так раскалило железную крышу, что даже дышать в такой духоте было лень.

— Эй, Юрок, где баян оставил?

Панюшин не ответил. Он осторожно выглянул из-за угла.

Бежевая шестерка лихо подрулила к входу в здание вокзала, и из нутра машины упруго вывалились несколько неприметных парней в одинаковых джинсовых куртках. Юрий поспешно спрятал голову — не хватало, чтобы осназовцы заприметили бывшего бродягу. Впрочем, это могли быть и обычные санаторы — уж очень знакомыми казались повадки натренированных душегубов.

— Алле, гараж. Ты чего там шурудишь? — продавщица высунула голову из окошка, словно намереваясь полностью протиснуть грузное тело в узкое отверстие.

Панюшин выдохнул. Откуда-то пришло знание о том, как нужно действовать здесь и сейчас. Он с неожиданной прытью обогнул киоск, и тенью проскользнул в приоткрытую дверь. Внутри было тесно — все свободное место занимал огромный бюст продавщицы. На необструганных полках и в картонных ящиках на полу томился товар, предлагаемый к реализации неугомонной торговкой. Панюшин осмотрелся. Пора брать инициативу в свои руки. Продавщицу звали Алла. Она изумленно смотрела, как по хозяйски орудует вчерашний бомжара Юрок, осваиваясь в новом для себя месте.

— Ты чего тут? — вопрос повис в воздухе.

Вместо ответа, Юрий закрыл губы продавщицы своими. Алла затрепыхалась, пытаюсь высвободиться, но вскоре затихла, и Юрий с удивлением почувствовал, как дебелия тетка пытается прильнуть необъятными телесами к его жилистому телу. Действуя скорее по наитию, он рывком развернул продавщицу, сбив коробок с сигаретными блоками, и задрал

стиранный-перестиранный халат, под которыми показались дряблые бедра.

Стащив одной рукой драные треники, Панюшин погрузился в тетку, словно пытаясь утонуть в волнительных складках. Алла одобрительно задышала, всем своим телом испуская флюиды похоти. Надолго Юрку не хватило. Сделав десяток порывистых движений, он в изнеможении свалился на широкую спину продавщицы. Та вывернулась из-под него, и вперилась голубыми глазами, пытаясь прочесть ответ в бесстрастном Панюшинском взгляде.

— Ну ты Юрок и даешь! — не то с одобрением не то осуждающе пробасила Алла, и сорвала обертку с пачки сигарет. — Будешь?

Панюшин отрицательно мотнул головой. Алла вытащила сигарету и стиснула фильтр пухлыми губами.

Юрий, не обращая внимания на продавщицу, осторожно выглянул из окошка. Он сделал всего одну ошибку, забыл о баяне, и теперь брошенный инструмент валялся где-то на площади. Если ребята достаточно ушлые, то вполне смогут сообразить что к чему.

— Эй, красавец — отрешенность Панюшина не понравилась похотливой тетке, и она принялась теревить его плечо. Не хватало еще, чтобы толстая дура подняла крик.

— Чего тебе? — Панюшин быстро пробежался взглядом по прилавку. В углу притаилась початая бутылка водки, да нарезанное ломтиком сало. Нож лежал поодаль, возле коробки с леденцами.

— Чего? — Алла нерешительно мялась, пытаясь сообразить, что делать дальше. С одной стороны терпеть присутствие немывтого бродяги казалось невыносимым, с другой то, что произошло пятью минутами ранее, никак не укладывалось в привычную схему.

Панюшин явственно видел напряжение мысли на широком потном лице.

— А вот чего! — нашлась, наконец, продавщица. — Вали-ка мил друг отсюда подобру-поздорову, пока хозяева не приехали. И вообще, ты чего сюда забрался?

Тетка начала входить в раж, пытаясь криком стереть воспоминание о случившемся. Еще немного и на шум сбежится полгорода. Это еще чудо, что никому не понадобилось купить что-нибудь в киоске, то-то было бы смеху — особенно если бы незваными покупателями оказались парни из бежевых Жигулей.

Не отвечая, Панюшин бочком, бочком протиснулся между прилавком и необъятными телесами злополучной тетки. Словно почувствовав опасность, продавщица открыла, было, рот, но только глухо ухнула, когда тонкое лезвие вошло в ее бок.

Панюшин бил ножом, полосовал жирное тело, давя крик в зародыше, не давая ему вырваться из потной груди. Алла качнулась, и принялась заваливаться на бок, грозя задавить своей тушей несостоявшегося любовника. Юрий с трудом увернулся.

Первым делом, Панюшин закрыл окошко — треснутое стекло полностью перекрывал затертый кусок картона, с наклеенными ценниками. Закрыл наружную дверь, и только потом осел на пол, сжимая руками голову. Только бы продержаться до темноты, и убраться поскорей из этого проклятого города.

* * *

Посетителям казалось, не будет конца. Юрий без устали разливал самогон, пряча в карман мятые гривны. Деньги были весьма кстати. Вопросов не задавали — истосковавшиеся по домашнему уюту работяги благодарно давились самогоном, торопливо

закусывая припасенной снедью. Панюшин сам не утерпел — опрокинул стограммовый стопарь, утирая выступившую некстати слезу. Пролетариат сочувственно кивал головой, протягивал немудреную закуску — Юрка хрустел зеленым луком, наполняясь ощущением важного. Все, что ни происходит — это не случайность, а мелкие вехи на главном пути. А значит, так тому и быть — пора подыскивать новое пристанище, почище и поспокойнее.

Разговоры вели разные — в основном ни о чем. Трепались о бабах (куда ж без них?), о политике — Панюшин вскидывал голову, ловя потаенный смысл, о знакомых... С каждым выпитым глотком Юрка погружался в дремотную скуку, отчего казалось что все происходящее лишь сон, не более. Сентябрь не самый лучший месяц в году — куда ему до бестолкового апреля, суетливого июня и сонного августа, не говоря уже про тот единственный месяц в году, когда все вокруг расцветает буйством красок. Панюшин любил весну, и ненавидел осень, впрочем, озабоченным работягам времена года казались чем-то несущественным, вроде пыли под ногами — есть, ну и ладно. Но сейчас, сидя во дворе, Юрий осязал наступающую осень, наполнялся сумрачной решимостью.

Осень была с ним, была повсюду, как-то враз захватила без боя старей, уставший город. Панюшин шумно выдохнул — как когда-то учили, и выпил. Мир вашему дому, и пусть в нем навсегда воцарится покой.

Рисковал ли он, оставаясь в логове некогда неутомимой старухи? Не понятно пока — судя по всему, место не засвечено. Покойный ныне Бугаев, работал самостоятельно — иначе разговор был бы совсем другой. Организация действует наверняка — спалили бы Юрку вместе с бабкиным домом, и все, поминай, как звали. Вот только кто направил самого Пашку? Неизвестно, ведь в этом грешном свете случается всякое — бывшие попрошайки становятся убийцами, старые самогонщицы спят мертвым сном, а голоса в трубке обретают странную власть над честными тружениками плаща и кинжала.

Панюшин зевнул. Пора закругляться — вытолкав жаждущих, Юрий набросил крючок на хилую калитку, и направился в дом. Задержался в прихожей, аккуратно вытер ноги. Все-таки дом есть дом — пусть даже и чужой.

Справа от прихожей голубела кафелем ванная, слева ободранный потолок кухни; заходя туда, Панюшин каждый раз удивлялся фантазии газовщиков — в немыслимом переплетении труб разобрать что-либо казалось невозможным. Словно железная анаконда оплела добрую часть комнаты и грелась теперь, выставив напоказ проржавевшие бока. Впереди проходная комната, через которую можно пройти либо в спальню, либо в более просторную залу. Там, в зале упокоилась баба Маня, известная самогонщица и спекулянтка, а еще там, на столе развернута карта, отметки на которой что-нибудь да значат.

Там же, в продавленном диване тайник, а в тайнике...

Собирался Юрий недолго, но основательно. Прошелся по дому хозяйским взглядом, проверяя, не забыл ли чего. Заботливо поправил простыню, накрывшую старухино тельце, проведаль Пашку.

Спасибо этому дому, и пусть добро останется в старых сырых стенах.

Канистру Панюшин заметил давно. Она одиноко ржавела в сарае. Панюшин толкнул покосившуюся дверь, постоял немного у входа, пока глаза не привыкли к темноте. В сарае пованивало. Сквозь щели просачивался скудный свет, его оказалось достаточно, чтобы, спотыкаясь пробраться к дальнему углу. Пахло гнилью. Безымянный работяга скромно разлагался в сарае, портя осенний воздух.

Панюшин рывком выдернул канистру — что и говорить, ощущать все это великолепие

не было никакого желания. Он кое-как выбрался наружу, прикрыл дверь, словно опасаясь, что сарай раскроет свои тайны.

— Эй, мил человек, поди сюда! — негромкий окрик подействовал на Панюшина, словно удар кулаком. Он чуть не выронил канистру. Из-за забора маячила усатая физиономия. Владелец ее сверлил взглядом неблагонадежного жильца. Юрий сглотнул — форменная фуражка не оставляла сомнений. Рядом с представителем власти, выглядывала мерзкая рожа квартального. Ну, этого Панюшин заприметил еще пару дней назад — любил Федул навеваться на дармовщинку, тешил самолюбие субпродуктом, отчего обросший сизыми волосами кадык привычно дергался, принимая божественную влагу.

— Алле! — требовательно прогундосил мент. — Ты кто есть такой, чудо порноиндустрии?

Мент явно нарывался. Юрий осторожно поставил канистру на землю.

— Дык я это... — Панюшин простодушно развел руками, стараясь, чтобы ладони смотрели в сторону посетителей. Отработанный жест, показывающий полную искренность говорящего.

— Слышь, Сергеич — торопливо забормотал Федул. — А ведь он канистру-то того... увести собрался. Мне с самого начала его рожа не понравилась.

Мент хмыкнул, и толкнул хлипкую калитку. Засов скрипнул.

— Эй, чмошник, открой калитку.

Панюшин напряг мышцы шеи, и чуть откинул голову назад и в стороны. В шее хрустнуло.

— Где баба Маня?

Юрий не спеша, направился к калитке. Потянулся к засову. Мент навалился на калитку своей тушей, квартальный сопел рядышком.

— Ну, так где?

— А нету ее. Уехала... за гвоздями...

Повисла томительная пауза. За забором нежданные гости осмысливали полученную информацию, Юрий же дергал отчего-то ставший вдруг непослушным засов.

(Ну, Юрок, выбор за тобой, как поступим-то?)

— За какими, нахер, гвоздями? — Сергеич вопросительно посмотрел на квартального. Федул пожал плечами — не могу, мол, знать.

Что-то щелкнуло в голове Панюшина, и осень на миг закружила желтой листвой. Юрок снова дернул головой, — его внезапно озарило. Он рывком выдернул засов и рванул на себя калитку. Мент, не ожидающий такого коварства, ввалился во двор. Панюшин ухватил его одной рукой за ремень, потянул на себя. Время спрессовалось в хрустящие кукурузные хлопья, и в промежутке между двумя взмахами ресниц в край ошалевшего Федула произошло очень много разных вещей.

Для начала, Юрий плавно и ласково выдернул из кобуры пистолет. Ребром ладони отправил в глубокий и нездоровый сон служителя закона. Дернувшийся было Федул застыл как вкопанный, под дулом пистолета.

Панюшин кивнул, приглашая. Заходи мил друг, чего стесняться?

— Ну?

Квартальный ухватился за калитку и сделал первый шаг...

В киоске было темно — Юрка остерегся зажечь свет. Не хотел привлекать ненужного внимания. На полу остывало жирное тело продавщицы, а где-то снаружи, brave осназовцы осматривали привокзальную площадь, пытаясь обнаружить следы пребывания дозвонившегося туда, куда никогда не дозваниваются простые смертные. Панюшин замер, вслушиваясь в темноту. Из-за металлической стены донесся гудок электрички, здесь же, тишина казалось, таилась на полках, растекаясь противным молочным киселем.

Следовало затаиться и переждать угрозу. Панюшин чувствовал чужой интерес — он казался вектором, пронзающим пространство. Кто-то из них, знает, как быстро отыскать пропавшую вещь, или что еще хуже, непутевого парнягу, который таится где-то рядом. Так, так — ушел в сторону, от скамьи, первым его желанием было позвонить — вон та самая телефонная будка, с обрывком провода, и никого вокруг. Ну конечно, кто же будет стоять столбом, ожидая спецотряд осназа, куда проще просочиться в спасительную тень порыжевшей сосны. Потом бочком, бочком, мимо покосившихся, разбитых лавок, мимо необъятных теток с баулами, мимо шныряющих цыганят, в простенок, и еще дальше, куда-нибудь в сторону вон того металлического киоска. И какая странность — чуть далее разместилась парочка точно таких же, но вот незадача, именно этот как раз и закрыт, в отличие от своих собратьев. Может быть так и нужно? Кто знает, вперед ребята.

Тишина сменилась скрипом. Скрипел зубами Панюшин, как-то вдруг внезапно осознавший, в какую западню попал. Черт возьми, что делать?

Где-то рядом, послышался звук. Кто-то осторожно подошел к киоску, и остановился у закрытого окошка. Панюшин задержал дыхание. Он стоял в темноте, боясь пошевелиться — не хватало еще задеть что-нибудь, и товар посыплется с полок, на радость тому, стоящему снаружи.

В том, что кто-то стоял, сомневаться не приходилось. Панюшин закрыл глаза и вдруг увидел его. Вернее нащупал — сначала он ощутил темноту замкнутого пространства, потом что-то вспыхнуло, и перед внутренним взором предстало внутреннее убранство киоска. Панюшин мог обозревать ровные ряды полок, на котором громоздились все эти ящики, ящички, коробки и кульки, причем Юрию на мгновение показалось, что видит он не сам товар, а только то мгновение, запечатленное в памяти, когда он впервые попал вовнутрь киоска, и это мгновение как будто размазалось во времени, стало бесконечным. Потом это ощущение прошло, и Панюшин рванулся дальше, прочь из киоска, и, вырвавшись на волю, ощущивал окружающую реальность.

Реальность не радовала — тот, кто стоял у киоска, чуть наклонил голову, будто поклонялся металлической пагоде киоска. Если бы Юрий смог, он наверняка улыбнулся — стоящий снаружи, похоже, занимался тем же, что и он, Панюшин.

Два человека осязали пространство, пытаясь нащупать точки соприкосновения — для Панюшина, его враг выглядел антропоморфным силуэтом, состоящим из теней и ярких всполохов. Как виделся тому, второму сам Юрка, оставалось только догадываться. Хотелось бы, чтобы блудливый разум врага нашел лишь бесполезную пустоту железного ларька, и осененный этой идеей Панюшин бросил эту пустоту в чужие объятия.

Он сам стал этой пустотой, ее сутью, квинтэссенцией:

Пусто, тихо, мертво...

Пусто, тихо, покойно...

Пусто...

Тихо...

Стоящий снаружи стукнул кулаком так, что загудели стенки киоска. Панюшин приоткрыл глаза, возвращаясь во тьму. Впрочем, глаза привыкли, и уже способны были различать серые тени, что прятались по углам полок.

Панюшин чуть шевельнул губами:

— Уходи...

И человек снаружи, как ни странно повиновался. Он с неохотой сделал первый шаг, остановился, словно собираясь вернуться назад (в этот миг Панюшин поклялся самому себе, что никогда больше не войдет ни в один ларек), затем мотнул головой, прогоняя какую-то мысль, и зашагал прочь, удалясь от злополучного киоска.

Панюшин тихонько выдохнул — все это время оказалось одним глубоким вдохом, и рухнул вниз, теряясь во тьме.

* * *

Он полз по мостику, ломая ногти. При каждом движении, огненные стрелы начинали пронзать ноги, превращая тело в горящий кокон.

— Суки!!! Какие же вы суки! — Юрий протяжно подвывал, стараясь вырваться вперед. До воды было рукой подать, еще совсем немного, и...

* * *

Панюшин стоял, поигрывая пистолетом. Федул как-то враз скуксил, потерял гонор. Юрию даже показалось, что квартальный стал меньше ростом. Ствол оружия уткнулся Федулу в живот, и тот обмер, опустив вниз пронзительный взгляд.

— Чего тебе? — пробормотал квартальный и быстро, почти незаметно облизал губы.

Панюшин улыбнулся.

— Тащи служивого в дом. Разговор есть.

Федул кряхтя, наклонился. Служивый оказался неожиданно тяжелым, пришлось помочь. Вдвоем они затащили бесчувственного милиционера в дом. Уловив трупный запах, квартальный затрепетал. Панюшин с усмешкой наблюдал за Федулом.

— Ну, как тебе дружок, запашок? Мил?

Федул обернулся.

— Ты... — прохрипел он, и свалился на бок.

Юрий обтер коричневую рукоятку пистолета об рубашку квартального. Положил оружие на стол. Принес из ванной полотенце, которое потом разодрал на длинные узкие полосы. Не спеша, затянул удавку на шее. Квартальный захрипел, засучил ногами.

— Ишь ты! — удивился Панюшин.

С милиционером Юрий проделал похожую операцию, и в результате оказался обладателем милицейской формы. Жизнь потихоньку налаживалась.

Трупы Панюшин стащил в угол, забросал на всякий случай старухиным тряпьем. Сам

уселся за стол, и принялся умело разбирать оружие. Пистолет у милиционера оказался староват — обычный ПМ. Панюшин вытащил обойму — та оказалась полной. Снял с предохранителя, оттянул и вытащил затвор. Вытянул возвратную пружину.

Милиционер при жизни следил за оружием — продолжая разборку, Панюшин удовлетворенно цокал языком. Разобрав пистолет, Панюшин задумался. Наклонился, не вставая со стула, подцепил обрывок полотенца. Завязал глаза, и быстро собрал пистолет. Вставил обойму, взвел.

— Отлично, а теперь оставайся на месте. Шевельнешься, — схлопочешь пулю в голову.

Панюшин застыл изваянием. В темноте таилась опасность, но в силах Юрия было наполнить ее осязаемым светом. Он против воли улыбнулся.

— Очень хорошо — похвалил голос откуда-то сзади. Не тот, что в трубке, другой — он казался смутно знакомым, но перебирать воспоминания Юрий не стал. Вместо этого он зажег точку. Маленькую, ослепительную. Она пустила лучи, ощупывая темноту яркими щупальцами. А потом Юрий увидел комнату. Он осмотрел ее со всех сторон, одновременно отмечая все то, что казалось лишним в той, старой темноте.

Пришельцев было несколько. Владелец голоса (его Панюшин пометил жирной красной кляксой) находился у входа в комнату. Еще двое (красные кляксы чуть поменьше) стали по углам. Трое или четверо снаружи — в прихожей и возможно в ванной.

Руки Панюшина лежали на столе. Правая сжимала пистолет — Юрий видел его тусклым серым сиянием. Из ствола начиналась тонкая алая линия. Она уходила в темноту, оканчиваясь где-то в ее бесконечных глубинах. Путь в никуда. Значит нужно совместить начало и конец пути нужным образом. Так, чтобы никто не остался в накладе.

— Чего молчишь, гер-рой? — пророкотал владелец чудного голоса. Юрий выдохнул.

— О чем с тобой говорить, Козявка? — спросил он, и жирная красная клякса удовлетворенно задрожала.

— Вспомнил таки... Это хорошо!

Панюшин потянул ноздрями. Пахло плесенью обоев, застарелой сивухой, смертью и разложением. И оружейной смазкой.

— РЖ?

Голос хмыкнул.

— Стареешь Панюшин. Ладно, хорош пургу гнать. Медленно, очень медленно, разожми пальцы.

Панюшин открыл, было, рот, но голос опередил:

— Пожалуйста...

Вот так, — ни добавить, ни убрать. Спецотряд осназа «Челябинск» в полном составе. Значит снаружи четверо, если за прошедшие годы не произошло изменений.

Что ж, можно рискнуть. Всего-то делов — соединить начало и конец пути. Берешься Юрка?

Черт возьми, почему бы и нет? В обойме восемь патронов — по одному на каждого, и еще одна про запас.

(Например, себе в лоб, но это уже крайний случай.)

Юрий уперся коленом в столешницу, и медленно, как и просил голос, разожал пальцы руки.

Левой.

Пистолет остался в другой руке — сейчас Юрию и не пришло бы в голову избавиться от

оружия. Он ощущал каждую деталь пистолета — все вместе они составляли целое, и это целое было готово выполнять свое предназначение — убивать. Быстро и надежно, так, чтобы не показалось мало.

Восемь пуль — должно хватить, так ведь, Панюшин?

В крошечной темноте Юрий оттолкнулся от столешницы, падая спиной на пол. В падении, он ухватил пистолет обеими руками, и как только спинка стула с шумом соприкоснулась с грязным полом зала, Панюшин открыл огонь.

Первый выстрел нашел свою цель. Красная клякса замерла, побагровела. Две других кляксы, поменьше, дернулись навстречу, но так и не приблизились, отброшенные выстрелами.

Первая клякса вновь подала признаки жизни. Панюшин выстрелил не целясь.

Мимо!

Еще раз — утробный храп раздался над самым ухом, но Панюшин не стал задерживаться. Из соседних комнат, подергиваясь разрастающимися точками, приближались остальные бойцы отряда. Теперь сдернуть повязку, теряя драгоценные секунды и...

Короткая очередь расплосовала грудь. Падая, Панюшин ощутил какой-то хрип внутри. Потом пришла боль.

Ее было вполне достаточно, чтобы темнота раскрасилась серо-алым. А еще чуть позже, Юрий услышал требовательное:

— Не дури!

Он сидел за столом, сжимая в руке пистолет. По-прежнему в темноте дрожали алые брызги, и смерть таилась в углах старого дома. В ванной громко капала вода из неплотно завернутого крана, шумное дыхание Панюшина не давало услышать присутствие посторонних. Но они были здесь — никуда не делись.

— Ну?

Можно было бы проиграть ситуацию еще раз, но в голосе гостя Панюшин уловил раздражение. Он разжал пальцы, и пистолет негромко ударился об столешницу. Медленно завел руки за спину, сцепил пальцы в замок. Задержал дыхание и только тогда услышал крадущиеся шаги. Точка в темноте дернулась с места и приблизилась к центру комнаты.

Указательный палец командира спецотряда «Челябинск» воткнулся в шею Панюшина, и тот свалился со стула, теряясь в круговоротах боли.

Глава 3

Выбираться из темноты оказалось чертовски неприятным. Панюшин скреб ногами, задевая полки. Дыхание возвращалось с трудом, жутко болела голова. Каждая минута промедления грозила бедой.

(Выбирайся отсюда Юрок, пока не стало совсем худо!)

Тяжело дыша, поднялся на ноги, бросил косой взгляд на остывшее тело продавщицы. Нашупал рукой выключатель — зажегся свет. Пустота снаружи киоска сулила возвращение серых теней, и поэтому следовало спешить. Нечеловечески хотелось жрать. Панюшин разорвал упаковку печенья, сунул в рот сразу несколько. Продолжая жевать, дернул на себя ящик стола, служившего прилавком. Вытащил пачку мятых купюр, перехваченных тонкой резинкой — на первое время достаточно. Потянулся к холодильнику, вытащил бутылку пива. Сделал плоток, скривился — ух и гадость, впрочем, чего ожидать от перемен? Давно ушли те деньки, когда пиво варилось на пивзаводе, и пена в бокале пахла солодом. Сейчас разбодяженный спиртом порошок экстракт хмеля разливали в причудливые бутылки, на радость таким простакам, как Панюшин.

Юрий выругался. Ладно, пора убираться из гостеприимного киоска. Он осторожно приоткрыл дверь. Выглянул в полоску света — никого. Вперед!

Он выбирался на свет, на встречу пустоте. Где-то вдалеке метались тени в сполохах огней, безуспешно выискивая среди множества людей одного, единственного, но здесь, возле ставшего родным киоска, Панюшин чувствовал странное умиротворение, как будто неземная благодать спустилась на землю, неся радостный покой.

Юрка направился к вокзалу, поминутно оглядываясь, отмечая, как меняется походка, словно тело само вспоминало, как ему лучше двигаться. Шаг стал мягче, увереннее, дыхание ровнее, и только голова отдавалась болью, словно внутренности черепа до половины были заполнены ею, жидкой, тягучей гадостью.

До привокзальной площади добрался совсем другой человек. На ходу Юрок сбросил потрепанный ватник, оставшись в трениках и разорванной клетчатой рубаше. Носки кроссовок просили каши, и Панюшин ощущал осеннюю прохладу большими пальцами ног. Скоро похолодает, и придется искать теплое убежище. Теплотрассу у путепровода давно облюбовали вокзальские... Стоп! Панюшин даже остановился на миг. О чем он думает сейчас? Звонок по известному номеру оборвал плавное течение жизни, следовательно, с сегодняшнего дня начнется новый этап.

Ему нужно в Славянск, и ближайший путь в этот богом забытый городок начинается здесь, у первой платформы. А там, как будет угодно проказнице судьбе. Панюшин выбрался на перрон, мышкой юркнул к главному входу, буквально просочился вовнутрь. В небольшом зале ожидания былолюдно — сидели на скамейках все те же монструозные теткис баулами, цыгане рыскали глазами, в поисках наивных простофиль, прогуливалась парочка осназовцев без оружия да прочий простой люд. Юрий просочился к стене, укрывшись за дебелой теткой, которая сосредоточенно жевала пирожок, купленный тут же, в буфете. Расписание поездов радовало простотой — разбитые пластмассовые букочки сулили поездку в землю обетованную ближе к вечеру. Юрий запомнил время, бросил косой взгляд на округлый циферблат часов над дверью — те показывали ерунду, остановившись, по-видимому, еще в старые допереломные времена.

Тетка проглотила остатки пирожка и бросила подозрительный взгляд на Панюшина. Ее челюсть пришла в движение, очевидно собираясь поспособствовать зарождающемуся утробному рыку. Юрий не стал мешкать, памятуя про патрулирующих вокзал осназовцев, прижал пальцем сонную артерию, с трудом продавив валики жира, подержал немного, и плавно, без лишних движений, помог опуститься рыхлой туше на предательски скрипнувшее сиденье. Присел ненадолго, сохраняя дыхание, выглянул из-за плеча утомившейся тетки. Осназовцы разделились — один отправился к кассам, другой вернулся к выходу. Панюшин приглушил взгляд, сделал его сонным и безразличным. Это как поиски кота в темной комнате — все, что требуется от мяукающего, просто затаиться и ждать, все остальное сделает темнота.

Черная, гуще сажи.

Бесконечная и безразличная, словно тьма преломляется в зеркалах, выставленных друг против друга...

Панюшин потер голову, застонал.

Часы над выходом засияли овальным солнцем, а сам выход казалось, провалился в бездну. Темнота задрожала, и широкоплечий парень, с неправильно широкими запястьями сбился с шага, чувствуя что-то странное.

— Иди, иди... — подсказал Панюшин. — Иди, не сомневайся...

Осназовец дернул головой. Остановился.

«Иркутск» или «Челябинск»? — мысли в голове Панюшина превратились в рой разъяренных пчел.

— Иди же... Вперед, навстречу свету. Из темноты сырого помещения в яркий осенний день. — Панюшин уже шептал, не в силах выдерживать больше.

Темнота задрожала, отставая мягкими невесомыми хлопьями. Еще немного и рассеется, растечется по полу, пропадая в мельчайших щелях, и тогда...

Осназовец прислушался к чему-то и начал оборачиваться. Он был без оружия, но к чему оно тому, кто сам оружие. Страшное и неумолимое.

— Иди же... — чуть не заплакал Юрий, и парень с широкими плечами и запястьями послушался. Постоял немного, и пошел к выходу, навстречу тускнеющему солнцу.

Панюшин последовал за ним, загребая ногами, словно пьяный. В голове звенели колокола, в глазах двоилось, троилось и черт знает сколько еще «илось», во рту поселился отчетливый вкус крови.

Убраться отсюда, как можно быстрее, но сначала узнать время. Пробираясь осторожно за врагом, Панюшин успел высмотреть блеснувший циферблат на руке у какого-то мужика в мятом костюме. Тот стоял у выхода, всматривался в темноту вокзала, словно там творилось что-то неподвластное его уму. Панюшин не стал разубеждать его, обдав напоследок облаком успокоения, отчего задергался левый глаз, но дело было сделано — Юрий выхватил положение стрелок на часах, и запустил в голове секундную стрелку, которая резво побежала по кругу, показывая время.

Осназовец пер прямо к перрону, Панюшин же взял много левее, двинулся вдоль путей. Сразу за зданием вокзала начиналась стена мастерских депо, он брел, считая шаги, облупившийся кирпич проплывал мимо. Потом пошли живописные развалины каких-то зданий, Панюшин ускорил шаг, с трудом сохраняя равновесие, добрался к заросшему мхом провалу, нырнул в спасительную темноту. Внутри пахло сыростью и дерьмом. Юрок привалился к грязной стене, и отдался холодному безмолвию сна.

Секундная стрелка в голове Панюшина на мгновение остановилась, но затем, словно решившись, продолжила свой размеренный бег. Она отмечала время до прибытия поезда.

* * *

Под благодатным солнцем, весной украшенный цветением абрикос, летом, обильно припорошенный пылью, вольготно раскинулся мелкопоместный городок. Славянск — так он обозначен на картах, хотя кое-кто называет его совсем по-другому. Это название известно не многим, хоть и встречается во множестве любопытных документов. В этих же документах при желании можно найти много чего интересного, особенно часто упоминается некий «Объект-4».

Жители города угрюмы и злы. Их лица серы и невыразительны, — ведь они не знают, в каком интересном месте живут. Панюшин вот тоже не знал до поры до времени, и даже не подозревал, как это знание изменит всю его долгую жизнь.

А как все просто начиналось...

* * *

Барахтаться в пустоте не бог весть какое занятие. Но выбираться наружу, в яркий свет фонарика Панюшину не хотелось. Он попробовал прикрыть глаза, но чьи-то пальцы раздвинули набрякшие веки.

— Интересный ход... — еще один знакомый голос. — Ну, прямо вечер встречи друзей.

В глаз посветили. Удовлетворенно хмыкнули.

— Живой. Я думал по проекту давно тебя в утиль списали, а гляди ж...

Пальцы задрожали и убрались из зоны видимости. Панюшин заморгал.

— Я эту гадину давно знаю. Сбрось его, падлу, с крыши, так он в полете белее с балконов воровать будет! — в голосе командира отряда слышалось твердое убеждение в собственной правоте.

— Ну-ну, товарищ Козулин, не будем обижать старого приятеля.

Голоса смолкли, и Панюшин, наконец, осмелился открыть оба глаза.

Они по-прежнему находились в гостях у старухи. Воняло страшно, Панюшин опустил глаза, и увидел на штанах темное пятно. Надо же, обоссался как дите.

— Поднимай — скомандовал смутно-знакомый голос.

Панюшина подняли. С трудом он уперся спиной в стену, неожиданно ощутив приятную прохладу. Осень, что и говори, — скоро облетит листва и деревья будут беспомощно тянуться к серому небу голыми ветвями, похожими на...

Додумать Юрке не дали. Мощный кулак командира отряда врезался в живот Панюшина.

— Ишь ты, глазенки закатил опять. Давай, чудо, оживай уже, это пока так — профилактика вензаболеваний.

Голоса наплывали откуда-то из-за границы света и тьмы. Юрий дернулся, было в спасительный упокой, но чужие руки резко и требовательно встряхнули его за шиворот.

Снова удар, еще...

И еще...

И...

Панюшин улыбнулся разбитым ртом.

— Ребята, не нужно... Я ж свой...

Командир спецотряда «Челябинск» потер кулак.

— Свой-то оно свой, родной почти. Аж рука не поднимается, ну ничего, даст бог — сладим как-нибудь. Как говорят, стерпится-полюбитя...

— Хватит — из-за спины капитана Козулина показался обладатель смутно-знакомого голоса. Панюшин следил за его приближением. Худющий как смерть, голова, словно бильярдный шар, уши-локаторы, кругленькие очки, кто же ты такой?

— Вспомнил?

Панюшин замотал головой. Вроде и знакомец, а вроде и нет. В памяти много разной всячины, но вот попробуй выудить из мутного потока хоть что-нибудь ценное — голову сломаешь.

Незнакомец-знакомец снял очки, наклонил голову, и Юрий против воли посмотрел в темные глаза. Глаза-омуты, две бездонных ямы, ловушки, засыпанные прошлогодней листвой, а на дне, врыты тонкие, острые колья, чтобы жертва мучилась, пытаясь приблизить агонию...

Не смотри, не смотри...

Да не смотри же!

Незнакомец-знакомец хмыкнул, и отвел взгляд. Кивнул командиру отряда.

Козулин, что есть силы, врезал ботинком Панюшину между ног. Где-то в животе взорвалась бомба, вспыхнула ослепительной звездой, осколки пронзили разум, заставляя оплывать мысли и чувства. Хотя нет, одно чувство все же осталось с ним.

Боже, как больно!

Панюшин упал на пол, скорчившись эмбрионом на грязном, затоптанном полу. Скатерть на столе задралась, так что можно было рассмотреть все, что находится под ним.

Старуха смотрела на него единственным уцелевшим глазом. Лицо покойницы раздулось и почернело. И вместе с тем, она будто сочувствовала его горю, словно пытаясь сказать: ты эта, милай, потерпи... Сам господь терпел, и нам завещал. Глядишь, и полегчает маленько...

Юрий заплакал.

Боль была страшной, она разрывала кишки, словно кто-то накормил Юрку негашеной известью. Он сучил ногами, держась руками за низ живота, словно пытаясь обуздать нечеловеческую боль, прекратить невыносимую муку.

— Ну ладно, хорош придуриваться-то! — подал голос Козулин. — Я ж не сильно...

Лысый присел рядом.

— Больно?

Юрий сглотнул. Боль уходила понемногу, но все же недостаточно быстро для того, чтобы сказать хоть слово.

— Ну? — Козулин с готовностью приблизился к лежащему Юрке.

— Да погоди... — отмахнулся лысый. — Не видишь, что ли? У них, у бегемотиков, животики болят...

Козявка заржал и затопал ногами.

— Ну, док, ты даешь. У бегемотиков, мля...

Панюшин слышал каждое слово, но не мог удержать слез. Боль ворочалась внутри, не собираясь покидать изнеможенное тело. Вгрызалась с упорством зверя, находя новые

закоулки, по-видимому, стараясь заполнить собой весь организм.

Юрий повернул голову, оцарапав подбородок о плохо оструганные доски. Лежа на полу следовало отвлечься от хозяйки-боли. Он пробовал сосчитать количество ног, но в глазах расплывалось, а руки против воли сжимали пах, словно пытаясь удержать боль в себе.

— Ладно, продолжаем — деловито скомандовал лысый, и двое осназовцев подняли Панюшина. Козявка притащил продавленный стул, на который и усадили Юрия.

Лысый обвел глазами комнату. Усадив Панюшина, трое осназовцев, включая Козявку, расположились неравносторонним треугольником, надежно блокируя входы и выходы. Бравые парни — равнодушные убийцы, увешанные оружием. Еще четверо оставались снаружи. Пронзительный взгляд лысого остановился на командире спецотряда.

— Погуляйте пока... — скомандовал Козулин, и осназовцы бесшумно растаяли в тишине комнат.

Боль утихала, но Панюшин знал, что по желанию лысого она сможет вернуться в любое мгновение. Док наклонился над ним, и Юрка вновь начал проваливаться в бездонный омут. Он пробовал, было, заартачиться, но, памятуя о суровом нраве капитана Козулина, сдался, чувствуя, что покрывается холодным потом.

А потом его засосала бездна, он с головой ушел в липкую темноту, из которой вырывались отдельные слова. Слова ничего не значили, пусть и складывались в отдельные предложения.

Чуть позже какая-то часть Юрки сообразила — говорил он сам, выдавливая из себя сокровенное, тайное настолько, что было запрятано в самых дальних уголках его памяти. И это тайное, оказалось настолько омерзительным, что Панюшин перестал воспринимать окружающую темноту и рухнул вниз, теряясь, растворяясь в огненной бездне бессознательного.

Там наступил упокой.

* * *

Когда невидимая стрелка часов добралась до нужной отметки, в голове Панюшина тихонько прозвенел звонок. Юрка некоторое время приходил в себя, собираясь с духом. Времени хватало — Панюшин оставил десяток минут на всякий случай.

Он упруго приподнялся, чувствуя, как болят затекшие ноги. От провала в стене, до нужного пути было рукой подать. Метров тридцать-сорок. Их следовало преодолеть как можно быстрее. Плевое дело для опытного Панюшина, но весьма непростое для бывшего нищего Юрки.

Выхода не было — он не мог выбираться пешком из города. То, что он отоспался здесь — чистое чудо. Удивительно, что никто не удосужился проверить каждый закуток, впрочем после перелома, Дружковка стала похожа на огромный заброшенный пустырь, и весьма вероятно, что именно сейчас brave ребята усердно обшаривают каждый подозрительный уголок. Быть может, доберутся они и сюда, вот только Юрка сделает все возможное, чтобы его не нашли.

Вдали пронзительно вскрикнула электричка. Времена менялись, если раньше можно было, запрыгнув на ходу, открыть дверь и пробраться в тамбур, то сейчас двери открывались и закрывались автоматически (это Панюшин отметил еще накануне, провожая взглядом

похожую электричку), что означало только одно — придется висеть на ходу, хотя бы пару станций, а там можно будет затеряться в увядающей зелени дачных поселков и посадок.

Юрий осторожно выглянул наружу. Вроде бы никого. Электричка приближалась — Панюшин мельком взглянул на скошенный перед вагона, и тут же сохранил увиденное. Прикрыл глаза, удовлетворенно кивнул — затертые буквы сложились в знакомое название.

Славянск — как много в этом слове.

Электричка набирала ход, вагоны все быстрее и быстрее проплывали мимо. Когда показался последний вагон, Панюшин молнией выскочил из убежища и понесся за электричкой, теряя остатки дыхания.

Приблизившись к вагону, он взвился вверх, и намертво вцепился в холодное железо. Ноги некоторое время волочились по земле, но Юрка полез наверх, быстро перебирая руками, хватаясь за какие-то рычаги, шланги. Стучали колеса, где-то шипел сжатый воздух, а Юрка прижался к вагону, стремясь стать с ним одним целым. На миг стало страшно, но затем к нему вернулось самообладание.

Подумаешь, запрыгнул на ходу, эка невидаль. Небось, прыгать с моста в реку пострашнее будет, так ведь? Панюшин улыбнулся и повернул голову, провожая солнечную Дружковку, в которой провел без малого год.

На следующей станции, Юрка не выдержал, забрался в последний вагон, стал в тамбуре, где и проехал несколько остановок, осматривая пассажиров затравленным взглядом. Проходящему контролеру сунул горстку мелочи, билет брать не стал. На последнем перегоне перед Краматорском, снова ехал снаружи, после чего, не доезжая до города, спрыгнул, как его учили — назад спиной, и несколько секунд бежал следом, провожая взглядом удаляющийся вагон, затем сгруппировался и скатился по насыпи комком растревоженных мышц. Замер ненадолго, потом зашевелился, ощупывая ноги, оценивая повреждения.

Нешадно саднили расцарапанные ладони, при падении, Юрка здорово приложился спиной, отчего где-то в районе поясницы крутило и дергало так, что хотелось кататься по земле, разбрасывая воняющие мочой окатыши. Ничего такого он делать не стал — пополз от путей, удаляясь в сторону, забрался в кленовые заросли, где затих, понемногу приходя в себя. Помассировал позвоночник, с трудом дотягиваясь заскорузлыми ногтями. Боль ушла, но не полностью, на что Панюшин впрочем, не стал обращать внимания. Куда больше тревожила потеря сноровки. Сказывались годы, проведенные на привокзальных площадях. Ладно, сноровка — дело наживное...

Панюшин встал, отряхиваясь. Осторожно раздвинул зеленые ветви, выглянул. Вроде никого. Юрка выбрался из кустов, и двинулся в сторону города, забирая влево. Можно было пройти кривыми пыльными улицами старого города, выйти к поселкам, лежащим севернее. Пройти десяток километров вдоль полей, и обойдя Карачун-гору вновь пересечь железнодорожный путь.

Панюшин так и поступил.

* * *

А начиналось все совсем безобидно.

На уроке физкультуры присутствовал посторонний дяденька. Он цепким взглядом рассматривал выпускной класс. Безразлично скользнул взглядом по тощей фигуре Юрки

Панюшина, брезгливо дернул губой, наблюдая за напрасными потугами Борьки Самойлова (тот пытался подтянуться на турнике, прикрепленном к шведской стенке), и одобрительно скривил рот, усмотрев мускулистого Пашку.

Бугаев качал пресс, его широкая спина мелькала перед глазами, гоня воздух туда-сюда. Сам Юрка никогда не смог бы так, но на то он и есть Бугай — почти сотня килограммов костей и мышц. Мозги в живой вес не входили — учился Бугаев благодаря своей исключительной наглости, подписав в помощники доходяг отличников. Борька Самойлов делал ему контрольные, Верка Пригуда писала сочинения, и только Панюшин, благодаря своей серости и незаметности до сих пор благополучно избегал Пашкиного внимания. Ну, оно и к лучшему — не только из-за фамилии, но и за высокий рост, крепкие кулаки и буйный нрав, называли его одноклассники Бугаем. Так это прозвище за ним и закрепилось.

После окончания занятий к Бугаеву на улице подошел неприметный дяденька. Не тот, что был на уроке — другой. Он что-то сказал Пашке, и они ушли вместе. Больше Бугая в школе никто не видел.

Сам Панюшин встречал его пару раз в городе, да подойти поближе, поговорить не решился. Да и о чем говорить с Бугаем-то? О том, как замирал в школьных коридорах, стараясь не попасться на глаза известному хулигану и задире?

А вскорости и самому Юрке сделали интересное предложение. Сейчас он не помнит какое, знает только, что, к сожалению, тогда не отказался.

* * *

Что он говорил, находясь в темноте, Панюшин и сам толком не помнил. Понял только, что ничего хорошего, судя по кислому выражению лысого. Капитан Козулин стоял рядом, заложил руки за спину и перекачивался с пятки на носок. Боль ушла, и сейчас Панюшину казалось, что он счастлив оттого, что ее нет. Это было просто замечательно — сидеть вот так на стуле, не шевелясь, наслаждаясь покоем. Не думать ни о чем, слушать, как тикают часы, как капает вода, как неравномерно дышит лысый. Сам Юрка дышал совсем по-другому. Беззвучно, одновременно и носом и ртом, как его научили. Точно так же дышал Козьявка, а при жизни и Пашка-Таракашка, упокой господи его душу.

— Н-да, не густо — первым нарушил тишину лысый.

— Может, врет, гад? Дай-ка я его тресну разок, глядишь, и наступит в мозгах просветление? — сумрачно поинтересовался Козьявка.

Лысый покачал головой.

— Не так просто. Была авария, даже не авария — эксперимент вышел из-под контроля, если слово контроль вообще было применимо в той ситуации. Как результат — имеем то, что имеем. Ну да это дело давнее, забытое... Да, Юрка?

Док ласково потрепал Панюшина по плечу.

— Осторожнее с ним — предупредил Козулин. — Эту тварь давно к стенке поставить нужно было.

Лысый улыбнулся.

— А и поставим, хули нам...

Договорить он не успел. Панюшин с силой ввинтил указательный палец в левый глаз лысого, давя пронзительную муть. Доктор Мезенцев заорал, его второй глаз вспучился,

собираясь запустить огненную стрелу прямо в Юркин мозг, но Панюшин рывком развернул легкое тельце, и первая пуля из пистолета Козьявки увязла в теле лысого, нанеся повреждения несовместимые с жизнью. Второй пули Панюшин ждать не стал, бросил тело доктора вперед, а сам ушел в сторону, к столу, плавно, почти ласково забрал забытый на столешнице пистолет с взведенным курком и уже падая на пол, в гостеприимные объятия старухи, выпустил всю обойму в качающего маятник Козулина.

Пули ушли в молоко, но Юрка и не рассчитывал попасть. На то он и Козьявка, чтобы уходить из-под обстрела. Поднырнув под стол, Юрка рывком приподнял его спиной и, выпрямившись, одним безумным рывком запустил круглую столешницу навстречу осназовцу. Козулин расстрелял обойму и, бросив пистолет, рванул ремень автомата.

Из спальни и прихожей показались бесшумные тени бойцов спецотряда. Панюшин попробовал, было подсветить темноту в голове алыми всполохами, но для этого нужно хотя бы на мгновение отвлечься, остаться наедине с самим собой. К сожалению, сейчас подобная роскошь была непозволительна.

Осназовцы открыли огонь. Пули впивались в мертвое тело старухи с омерзительным чавканьем, интегрированные глушители извергали сердитое рычание. Р-р-р-р, чавк...

Юрка ушел с линии огня, сейчас он был в выигрыше, пускай и безоружен. К чему оружие тому, кто умеет обходиться без него?

Четверка осназовцев снаружи, наверняка блокирует окна, но еще есть время. Панюшин заревел раненым зверем, и время сгустилось, ходики часов в последний раз тикнули и остановились. Секунды смешались в кучу, напоззли друг на друга, размазались в минуты, часы, дни, годы...

Темнота не спешила заполнять Панюшинский череп, но сейчас Юрию она была не нужна — он выделил линии огня, превратил их в отрезки и встал так, чтобы их конечные точки могли касаться друг друга. Путь к ближайшему окну находился в пересечении багровых отрезков, но сейчас Юрка был готов на все. Он оттолкнулся от пола, и...

Секунды разорвались разноцветным конфетти мгновений, что-то кричал Козьявка, пули выбивали из стен куски обоев вперемешку со штукатуркой, застревали в полу, одна из них больно кольнула Юрку в предплечье, но это уже не имело никакого значения — он видел путь, и этот путь лежал вне остальных путей.

Панюшин с ревом высадил непрочную раму. Осколки стекла больно резанули руки, и вылетая во двор, Юрка краем глаза успел заметить метнувшуюся к нему тень. Падая, он перекатился через плечо, и резко выпрямив ноги, что есть силы, заехал в грудь бойцу спецотряда. Перекувыркнувшись, ухватился за ремень автомата, и перехлестнул брезентовую ленту, обматывая горло врага. Крутанул автомат, затягивая петлю, и извернувшись, выпустил длинную очередь, наполняя узкое пространство между стеной дома и забора свинцовой смертью.

Кто-то закричал, и Юрка, укрываясь за телом умирающего осназовца, с сожалением отпустил автомат. Толкнул поверженного бойца, и большой крылатой птицей перемахнул через невысокий забор.

Там его уже ждали. Огромный черный джип сверкал в лучах заходящего солнца. Дверь машины была открыта. Панюшин успел высмотреть знакомую фигуру водителя. На синюшной шее Гены блеснула золотом внушительных размеров цепь.

Сзади толкнули, сильные руки втянули его во внутрь, хлопнула дверь и автомобиль, взревев двигателем, рванул с места. Короткая очередь прошла заднее стекло, и Юрка

увидел, как враз обмяк сидящий рядом здоровяк.

— Давай, Гена, родной... Гони! — Запрыгнувший на переднее сидение качок в сиреновой безрукавке безумно оглядывался, даже не пытаясь выстрелить из пистолета, поскольку держал его почему-то левой рукой.

Гена делал что мог. Машина неслась по кривым переулкам, оставляя за собой тучу пыли. Панюшин трясся сзади, вцепившись руками в подголовник переднего сидения. Сидевший рядом парень застонал и начал заваливаться на Панюшина.

— Толика зацепили, суки — качок в сиреновом с ненавистью посмотрел на Панюшина.

Погони не было. Скорее всего, осназовцев привезли и оставили у дома, чтобы впоследствии забрать. Весьма разумное решение, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Джип свернул на главную дорогу. Асфальтированная двухсторонка пронзала город, начинаясь от привокзальной площади, и заканчивалась выездом на трассу, проходящую через лесной массив. Заехав в лес, Гена свернул на неприметную дорожку. Проехав с полкилометра, машина остановилась у добротного двухэтажного дома.

— Охотный Ряд, приехали, конец... — Качок повел пистолетом, приказывая не шевелиться.

Гена посигналил, выбрался из джипа. Подбежавшие крепкие парни вытащили наружу раненого, а Панюшин под прицелом оружия потопал к крыльцу.

До Карачун-горы Панюшин добрался затемно. Постоял наверху, любуясь картиной. Прямо к ногам Юрки бросили россыпь огней. Они перемигивались, словно пытаясь, что-то сообщить. Ночной город приветствовал незваного гостя.

— Ну, здравствуй, Славянск — Панюшин поклонился городу.

Город ответил ему всхлипом последней электрички. Юрий спустился с горы, прошелся долиной карьера, где каждый год проходили учебные стрельбы для школьников. Сейчас не рассмотреть ржавеющие останки бочек, пронзенные сотнями попавших пуль. Из меловых стен карьера после стрельб радостная ребятня выковыривала пули — Юрка улыбнулся новым воспоминаниям. Так глядишь и доберешься до главного — что, зачем и как.

Пока что он двигался навстречу неизвестному — город манил его, обещая дать ответ на все вопросы.

Сразу за горой шумела вода — захудалая речушка «Сухой Торец» уносила вдаль щепки, ветки и прочий мусор. Панюшин перебрался через шаткий мосток. От берега, почти сразу же начинались садовые участки. Юрий не стал испытывать судьбу и взял правее, обошел стороной, остановившись у плотной камышовой заросли. Дальше шли маленькие озерца-болотца, пришлось выбираться на дорогу. Справа темнели огромные складские помещения торговых баз, огороженные кирпичным забором. Далее дорога разветвлялась, уходя одной стороной в частный сектор, другой огибала заводские цеха, выводя к главному въезду в город.

Юрка не стал испытывать судьбу и вернулся назад. Прошел вдоль берега речушки, добравшись до железнодорожного пути, пересек насыпь, и некоторое время шел рядом, спотыкаясь на узкой тропинке.

Скорее вспомнил, чем увидел место, где следовало свернуть, побрел по мокрой траве. Под ногами зачавкало, в нос шибануло болотной гнилью. Снова потянулась стена из камыша. Панюшин брел вперед, разводя руками острые листья. Чуть дальше стало посуше, Юрка миновал небольшой участок, густо засаженный вербой, и вновь пошел по траве. Впереди забелела остатками известки кирпичная стена. Все правильно, воспоминания не врут...

Юрий пошел вдоль стены. Камыш уступил зарослям осоки, ноги враз промокли. Панюшин, чертыхаясь, добрел до конца, после чего завернул за угол, и, поднявшись вверх по дорожке, вышел к главному входу стадиона.

Собственно стена, вдоль которой он шел, отделяла заросшее травой поле от кромешных болот. Для Панюшина так и осталось загадкой кому в голову пришло построить стадион в этом месте. Память по этому поводу хранила умиротворенное молчание, поэтому Юрка двинул дальше.

Стадион соседствовал с участком обслуживания сигнализации и связи железной дороги. Панюшин подошел к бетонному забору. Там за забором гудели трансформаторы, а на продавленной лежанке дрыхли сторожа ночной смены. Забор выводил к железнодорожному переезду и уходил в сторону. Если следовать за ним, наверняка можно добраться до главного входа в участок, вот только Панюшин вовсе не собирался пить водку с гостеприимными сторожами.

Панюшин перешел переезд, и побрел вдоль ветки. Та начиналась где-то у вокзала, и

уходила в глубь города, где и терялась в густом замусоренном пустыре. Некогда узкоколейка пересекала город — дизель с парой вагонов могли довести желающих до самых соленых озер, но давно, еще до перелома, ветку закрыли, часть пути вообще убрали, часть пригодилась для производственных нужд. В паре километров от переезда некогда гудели керамический и изоляторный заводы, производя продукцию для граждан могучего допереломного государства. Это сейчас — тьфу! — плюнуть и растереть, все заброшено и растащено, а давным-давно...

Юрий не стал углубляться в воспоминания. Пройдя две сотни метров, он свернул в неприметный проход между двумя огромными зданиями складов не то бывшего райпотребсоюза, не то еще какого-нибудь многочисленного и сложно-произносимого гиганта, коих было не счесть раньше.

Ноги сами вели куда-то. Панюшин добрался до закрытого старого кладбища. Слева и справа высились домики жителей города — и охота же людям строиться рядом! Юрий пересек кладбище, ничуть не переживая по поводу неожиданных встреч. Мертвых Панюшин не боялся, куда больше он опасался встретить кого-нибудь из живых.

Кривая тропинка оборвалась у заболотившегося озерца. Панюшин почувствовал, как забилось сердце. Эти места были знакомы. Он пошел дальше, свернул в тесный переулочек, и остановился у углового дома.

Кособокая, закопченная мазанка. Реликт допереломной эпохи. Невысокий заборчик, покосившаяся калитка. В окнах темно. Панюшин подошел к калитке и тихонько постучал ручкой. В соседском дворе залаял пес.

Панюшин выругался сквозь зубы и постучал еще раз. В одном из окошек зажегся свет.
— Хозяйка... — негромко позвал Юрий.

* * *

Били Панюшина долго, но как-то без особого азарта. Юрка извивался на холодном бетонном полу, почти успешно закрывая важные органы, подставляя руки, плечи. Потом придется расплачиваться многодневной тягучей болью, но это лучше, чем мочиться кровью из-за отбитых почек. Впрочем, пару раз досталось и почкам. В голове Панюшина поселился чужой голос, который бесстрастно комментировал повреждения: сломан указательный палец левой руки, обширная гематома в нижней области спины, треснуто шестое ребро слева...

— Все... закончили — остановил побоище властный голос. Совершенно незнакомый.

Юрий хмыкнул разбитым ртом. Похоже, избиение незадачливого Панюшина становится доброй традицией. Сейчас вот передохнут немного, пораспрашивают, и снова примутся за дело.

— Поднимайте...

Ну вот, опять ничего нового под луной. Лишь бы яйца не отбили. Вспомнив Козявку, Юрий чуть не застонал. Ну, сука, даст бог свидимся еще.

Панюшина вытащили из подвала на божий свет. Усадили в кресло. После полумрака подвала глаза с трудом привыкали к свету.

В комнате было пусто, из мебели столик на гнутых ножках, да пара кресел. В окне чудесный вид — осень в лесу. Не хватает только трех медвежат и медведицы-мамы.

Напротив расселся весьма неприятный тип — коренастый, с бычьей шеей. Огромная цепь из золота — звенья в виде бочонков, с Панюшинский мизинец толщиной, украшенных причудливой гравировкой. Грамм за сто, поди. Из одежды — рубаха с широким воротом, позволяющим рассмотреть эту самую цепь. Что внизу, не видно под столом, ну оно и ни к чему. Нос расплющен, брови нахмурены — типичный воротила.

— Ну и кто ты такой? — поинтересовался хозяин дома.

Панюшин даже растерялся. Вопрос, заданный воротилой не меньше интересовал самого Юрия.

— Я не знаю — честно ответил он.

— Геннадий Сергеевич, может быть его... того? — спросил кто-то из-за спины Юрия.

Воротила задумчиво почесал расплющенный нос.

— Ну, давайте, только аккуратно. По голове не бить.

Его опять затащили назад, бросили на бетонный пол. Потом били. Отдыхали и снова били. Голос в голове начал сбиваться и повторяться. И все равно Панюшин улыбался окровавленными губами.

* * *

К старухе Панюшин не пошел. Постоял немного у калитки и отправился восвояси. Не место приметил. При случае он еще вернется, ногам-то оно виднее, не просто привели именно сюда. Из дома никто не вышел, впрочем, Панюшин особо и не настаивал.

Следовало задуматься о ночлеге.

Сентябрь выдался теплым, но ночевать на улице уже не хотелось. Панюшин решил отдаться воле случая, расслабил тело и изгнал из головы все мысли. Потом тихонько скомандовал самому себе:

— Вперед...

И ноги сами понесли прочь от старой мазанки. Тело молило об отдыхе, и Юрий с тоской ожидал, когда можно будет отдаться простому очищающему, восстанавливающему сну. Можно даже без сновидений...

Ночевал Панюшин в развалинах старого дома. Выбрал местечко поровнее, положил под голову сумку с разной всячиной, что неизбежно скапливается у каждого путника, и, засыпая, подивился самому себе — ну надо же, можно было переночевать у старухи, а вместо этого приходится ютиться в развалинах, словно какой-нибудь бродяга.

— А ты и есть самый настоящий бродяга без роду и племени — пробормотал Юрий, проваливаясь в сон.

* * *

— Кто ты такой? — в десятый раз спросил Геннадий Сергеевич.

Похожий на обрубок палец раздавил в пепельнице сигарету.

* * *

Утро осветило заросшее лицо Панюшина. Юрий открыл глаза — начинался новый день, быть может, не самый лучший, но судя по началу и не из худших. Почти ничего не болело, а значит — жизнь продолжается.

Денег было не очень много — Юрий придирчиво осмотрел ворох мятых купюр. Ничего — для начала сойдет. Нужно озаботиться жильем, привести себя в порядок, а там видно будет.

Выбравшись из развалин, Юрий побрел по улице. Протопав с километр, Панюшин услышал запах болота. Озеро «Лиман» поросло камышом, высокие «качалки» темнели сквозь острые листья. Пройдя вдоль берега, Юрий вышел к небольшому пляжу. Оглянулся — ни души. Дорога осталась позади, и с нее вряд ли бросалась в глаза неприметная фигурка Панюшина.

Вода пахивала тиной, наклонившись, Юрий увидел свое отражение. Н-да, видок тот еще. Коснулся воды — холодная.

Быстро скинув одежду, Панюшин с разбегу бросился в воду. Нырнул, попробовал задержать дыхание. В ушах зашумело. Открыл глаза — муть, не рассмотреть ничего...

Искупавшись, Панюшин почувствовал себя почти человеком. Наскоро оделся, присел на каменистую землю.

Итак, первый пункт — одежда. Побриться, причесаться — пункт второй. И последний, самый главный — жилье. Характер поисков предполагал множество встреч с различными людьми, соответственно внешний облик не должен вызывать подозрений. Ночевки же под открытым небом не добавляли изысканности его естеству, пусть и глубоко духовному внутри, но все-таки весьма отвратному снаружи.

До базара Юрий добрался окольными путями. Вернулся к железнодорожной ветке, и уже от нее, по прямой улице, мимо заводууправления, двинулся в центр города. Славянск — город контрастов. Улица вела мимо разрушенного цеха, небольшого болотца, обросшего все тем же камышом, заглядывала в частный сектор, где проживали унылые жители, и обрывалась перекрестком у самого базара.

Панюшин проскользнул мимо скучающих собачников, мимоходом погладив внушительного кавказца (почему-то с собаками Юрка всегда ладил лучше, чем с людьми), на миг остолбенел, окинув взглядом внутренности некогда колхозного рынка. Куда-то делись от входа подозрительного вида голубятники, торгующие летной птицей, не жгли таблетки сухого спирта под плоскими аквариумами любители водного мира, да и сами ряды изменились, следуя веяниям времени.

Тут Панюшину свезло. Прямо у входа разбитная тетка торговала бывшей в употреблении одеждой. Юрий без труда подобрал себе обновку, заплатив сущие гроши. Одежду насовал в объемный полиэтиленовый пакет, купленный у той же тетки. Пройдясь по рядам, купил маникюрные ножницы и пару одноразовых бритв.

Сортир оказался платным. Сунув контролерше мятую купюру, Панюшин закрылся в кабинке. Несмотря на платность услуги, внутри воняло хлоркой и нечистотами. Морщась от отвращения, Юрий принялся состригать бороду. Ножницы оказались тупыми — под конец Панюшин чуть не осатанел, но пересилил раздражение, и заставил себя окончить начатое. Морщась от боли, побрился насухо. Выглянул из кабинки. Над умывальниками было вмонтировано в стену небольшое прямоугольное зеркало — в отражении он увидел свое перекошенное лицо. Спутанные нечесаные волосы придавали Юрке странный вид — как будто он напялил на голову найденный на помойке парик.

Наскоро переоделся, стараясь не извозиться. Из сортира Юрий выбрался на божий свет совсем другим человеком. Старые лохмотья он небрежно бросил в углу кабинки. Кому надо, пусть забирает себе. Наскоро умылся, утерся рукавом. Долго смотрел в отражение — на него хмуρο взирал незнакомец.

Купил шипящий маслом чебурек, затем, не удержавшись, слопал еще один. Вкусно, но дорого...

Со стрижкой чуть не вышло конфуза. Парикмахерша критически осмотрела сальные патлы, в которых запутались кусочки тины. Панюшин как бы невзначай вытащил пачку денег, вроде бы собираясь переложить в другой карман. Тетка вздохнула и показала на кресло.

Зажужжала машинка, и в зеркале начал проступать новый облик. Выйдя из парикмахерской, Юрий погладил череп. Вот теперь порядок...

Он ехал в автобусе, и никому теперь не было до него никакого дела. Юрка растворился в толпе, стал на некоторое время своим. Это не могло не радовать. С жильем оказалось совсем просто — доехав до пединститута, Панюшин, тут же, на остановке, узрел объявление, из которого следовало, что сдается комната одному порядочному студенту, совсем не дорого, почти задаром. Позвонив по телефону, Юрий уточнил адрес, и уже через час обозревал внутреннее убранство будущего жилья.

В цене сошлись быстро. Панюшин не поскупился, отдал последнее. Главное крыша под головой, а деньги — материя тонкая, непостоянная, приходящая и уходящая.

Как только закрылась дверь за хозяином квартиры, Панюшин забрел, покачиваясь в спальню. Погладил рукой одеяло, и в чем был, не раздеваясь, рухнул на кровать. Прижавшись щекой к колючему одеялу, Юрий прикрыл глаза.

Кровать манила, обещала забвение в мягких объятиях. С трудом разлепив глаза, Панюшин отправился в ванную. Постоял, тупо хлопая ресницами. Потрескавшийся кафель местами отстал, унитаз пожелтел, а в ванне серебрилась паутина. Юрка улыбнулся — на допотопной стиралке, заваленной грязными тряпками, чудом удерживал равновесие лохматый рулон туалетной бумаги. Сердце Панюшина трепыхнулось — как ни странно, именно с бумагой было труднее всего в его многолетнем странствии в личине привокзального нищего. Это обстоятельство он, не задумываясь, добавил к длинному списку претензий. Осталось только найти того, кому предназначался этот список.

Кто-то должен ответить за все — так ведь, Юрка?

* * *

Боль была какой-то... ненастоящей что ли. Вроде бы и больно, а вроде и нет. Может быть, Панюшинская натура стала равнодушной к ней? Сам Панюшин не смог бы ответить на этот вопрос при всем желании — не до того было. Он лежал, накрытый невесомой простыней белого цвета, пытаясь удержаться, чтобы не сверзиться вниз, туда, где наверняка холодно и плохо. Впрочем, и под простыней было прохладно — Юрия знобило. В сгибах локтей торчали сверкающие иглы, от которых вверх уходили прозрачные трубки с какой-то прозрачной дрянью. Физрастор? Панюшин никогда не был силен в медицине, помнил только, что подобные трубки частенько показывают в кино. Есть, ну и ладно.

Он попытался открыть глаза. Не вышло — повязка закрывала верхнюю половину лица.

Юрка подвигал руками-ногами — без результата. Вариантов было два — или он утратил контроль над телом, либо его надежно зафиксировали. Впрочем, нет, первый вариант отпал — Панюшин ощущал, как непокорное ложе пытается сбросить его, похожее случилось с ним еще с молодости, когда сильно подвыпивший Юрка валился на кровать, пытаясь упокоиться после бурного вечера. Ух-ты, новые воспоминания — ну-ка, друзья закадычные, врежьте еще разочек, глядишь, и вернется память-то...

Юрий улыбнулся. Как ни странно, это ему удалось. Так, что там со временем? Внутренние часы как, оказалось, встали всерьез и надолго. Панюшин попробовал заглянуть за кромку света, в ту самую нужную темноту. Потыкался и так и этак, отчего в голове стрельнуло. Хорошо, хорошо — всему свое время. Закадровый голос принялся бубнить о полученных травмах, но Юрий досадливо отмахнулся, мысленно, разумеется — не до тебя сейчас. И так ясно, краше, наверно, в гроб кладут.

Оставалось восстанавливаться до полного восстановления. Придуманная фраза получилась забавной — Панюшин улыбнулся вновь, и тут же пожалел об этом, почуввав присутствие кого-то постороннего. Повязку сдвинули с Юркиного лица, и Панюшин заморгал, привыкая к свету.

— Ожил бродяга... Ну чего ты? Вижу же, ожил...

Улыбка медленно сошла с физиономии Панюшина — у кровати стоял капитан Козулин в белом халате, с букетиком гвоздик в одной руке, и сетчатой авоськой в другой. В авоське, обалдевший Панюшин заметил несколько апельсинов и пару бананов.

— А я вот фрукты принес — Козулин неловко потоптался у кровати, затем осторожно примостил авоську у крашенной белой краской тумбочки. — Апельсины, бананы — в них говорят, витаминов много.

Цветы Козулин поставил в стоящий на тумбочке стеклянный графин с водой. Панюшин сглотнул. Какой-то театр абсурда — не хватает только, чтобы сейчас открылась дверь, и Пашка-Бугай привел на цепочке дрессированную старуху-самогонщицу.

Козулин тем временем, притащил стул, сам примостился рядышком. Ни дать, ни взять — родственничек. Не хватает еще разговоров о драгоценном Панюшинском здоровье...

Козулин шумно вздохнул.

— Ну как ты, Юрка? — вопрос повис в воздухе...

Кстати, что это за место? Больница? — комната вроде не похожа на палату, какие-то нелепые обои, единственное сходство — два блестящих штатива по обе стороны кровати. В штативах укреплены вверх дном медицинские бутылки, из резиновых пробок торчат пресловутые прозрачные трубки. Ну, тумбочка — еще туда-сюда, хотя хрен его знает, какие нынче в больницах тумбочки стоят... Что еще? Ну, зеленеют сосны за окном. Теперь понятно — он в загородном домике давешнего громилы. Все вполне логично и объяснимо — избивали Юрку именно здесь, здесь же и определили в мягкую кроватку, зафиксировав как следует (Панюшин скосил глаза), широкими эластичными бинтами. Непонятно одно — какого хера, собственно, делает здесь командир спецотряда, и что это за дешевое представление он устроил?

Последний вопрос, очевидно, был нарисован на лице Панюшина, вернее на свободной от бинтов части лица, поскольку Козулин довольно ухмыльнулся и поскреб ногтем плохо выбритую щеку.

— Я это... ну типа извиниться хотел... Мы ж с тобой Юрка... — Козулин дернул кадыком, и пораженный Панюшин увидел, как под воспаленными веками капитана блеснули

крупные слезинки. — Эх были времена... А помнишь...

Козулин не выдержал и махнул рукой, очевидно от переполняющих его чувств. Он чего то бормотал, время от времени вытирая мокрое лицо, а Панюшин оторопело слушал, пытаясь понять — то ли он сошел с ума, то ли сошел с ума капитан, то ли все в порядке и этот мир просто встал вверх тормашками и нужно немножко подождать, чтобы вся абсурдность начала казаться чем-то вполне нормальным и объяснимым.

— Ну да ладно — сказал Козулин неожиданно твердым голосом. — Перейдем к делу. Бить тебя сейчас наверно бесполезно, разве что по яйцам зарядить, как следует, а?

Капитан аккуратно сдернул простыню, и Юрий завыл дурным голосом, предчувствуя страшное.

— Шучу, шучу... — успокоил его Козулин, и Панюшин ощутил, как покрывается потом. Переход от абсурдного к нормальному подействовал на Юрку, словно ушат с холодной водой.

Между тем Козулин неторопливо приподнялся со стула, и направился в другой конец комнаты. Панюшин попробовал, было проследить за Козьявкой, но в шее отчетливо щелкнуло, и Юрий решил остаться неподвижным. Козулин вернулся скоро. Не с пустыми руками — прикатил невысокий металлический столик, накрытый белой простыней, вероятно, той самой, снятой с Панюшина.

— Смотри, чего я тебе приготовил — Капитан жестом фокусника сдернул простыню, и Юрий увидел изогнутые эмалированные ванночки с медицинскими инструментами. Зажимы, скальпели и прочие (Панюшин не знал им названия) инструменты холодно поблескивали в свете затейливой люстры под потолком.

Как ни странно это успокоило Юрку. Куда страшнее бы все это выглядело в настоящей операционной, выложенной белым, потрескавшимся кафелем, с белыми шарами светильников, бестеновой лампой, автоклавом, и прочими бессменными атрибутами современной пыточной, здесь же демонстрация капитана отдавала дешевой показухой. Всему же должно быть время и место, наконец.

Капитан принялся перебирать инструменты, что-то тихонько приговаривая под нос.

— А ведь ты прав — нашел, наконец, силы пробормотать Панюшин. Увидев, как напряглась спина незваного гостя, он не смог удержать улыбки. — Были же времена, вот как сейчас помню...

Козулин с силой сжал скальпель и повернулся к Юрке.

— Издеваешься гад? — прохрипел капитан и приблизил к лицу Панюшина лезвие инструмента.

Панюшин моргнул.

— А чего я... Наше дело маленькое — подай, принеси...

Козулин обессилено опустил скальпель.

— Ладно, говнюк, отдыхай пока. Будет с тобой еще разговор — капитан бросил ни в чем не повинный инструмент на столик, и задумчиво почесал переносицу. Внезапно лицо его прояснилось — Слушай, а все равно ведь, неплохо я придумал с цветами-то?

Панюшин не мог не признать правоту командира спецотряда. По итогам встречи можно было смело озвучить результат — пока что один-один. Что будет дальше — одному Козьявке известно.

Характер поисков предполагал множество встреч, но Панюшину больше всего хотелось сжаться тугим клубочком на мягкой постели, и, зарывшись носом под одеяло спать, спать, спать...

Из-под одеяла его выгнал голод. Порывшись в карманах, Панюшин обнаружил лишь несколько смятых купюр самого низкого достоинства да пару блестящих пятак. Уставившись на мелочь, Панюшин неожиданно для самого себя всплакнул. Отбросил монеты прочь, протопал в ванную. Попытался включить воду — в кране зашипело, забулькало. Юрий почесал бритый череп. Что ни говори — город стоял в заболоченной низине, тут и там озера да камыш, речка рядом, а воды в кране нет. Впрочем, это было не единственной странностью Славянска.

На счастье Панюшина, прежние хозяева квартиры запасливо набрали полный таз воды. Юрий зачерпнул в ладоши, умылся. Постоял возле зеркала, внимательно изучая свое отражение, привыкая к новому образу.

В животе заурчало — Юрий заглянул в холодильник. Подозрительного вида сосиски в вакуумной упаковке, засохший кусок сала да выдавленный до половины тюбик майонеза — царское угощение для бывшего скитальца. Пока варились соски, Панюшин, ловко орудуя ножом, нарезал сало. Заглянул в допотопную хлебницу — пусто.

Отобедав, Юрий вышел на балкон. На улице галдела ребятня, толстозадая тетка в халате развешивала белье, в трухлявой беседке лениво потягивали пиво подозрительного вида молодые люди. Обритые затылки сверху казались похожими на страусинные яйца. Панюшин улыбнулся, сладко потянулся — если постараться, можно представить, что жизнь прекрасна и удивительна, но Юрий знал, иногда реальность обманывает кажущейся простотой. Стоит только расслабиться на мгновение, и...

И все.

Как Панюшин вообще влез во все это дерьмо? Раньше бы Юрий ответил просто — чистая случайность. Некоторое время спустя, признал бы некую закономерность в случившемся. А еще позже был бы уверен, что иначе и быть не могло.

Если бы Юрка задал этот вопрос сейчас, то ответ оказался бы весьма интересен. Но... сейчас Панюшину не до рефлексии.

* * *

На выздоровление Панюшину выделили неделю. Козулин каждый день навещал больного, правда, уже без халата и цветов. Фрукты Юрка так и не попробовал — скуповатый Козулин забрал их обратно после первого же посещения. Ну и не больно-то хотелось.

Голос в голове утомился, лишь только изредка вспоминал о том или ином повреждении. Ну, Панюшину не привыкать — не бьют и ладно. Брутальный Геннадий Сергеевич на деле оказался полным ничтожеством, пускай и обладал некоторыми полезными связями. Спецотряд осназа блокировал дачный домик — на всей территории действовал односторонний пропускной режим. Впускали всех, выпускали только своих. С хозяином дома беседовал лично Козулин. Сергеевич пробовал, было гнуть пальцы, но фирменный Козулинский удар в пах оказался доходчивее всех словесных аргументов. Вернувшись в сознание, несостоявшийся пахан согласился с обоснованностью претензий капитана, и задекларировал полную лояльность высоким убеждениям командира спецотряда. Панюшину выделили комнату с видом на лес, самого хозяина определили в комнату поплотнее. Обслуживающий персонал согнали в служебное помещение, где тот бесполезно томился, ожидая развязки. С неугомонными «быками» была проведена спецбеседа, по результатам которой, незадачливые вояки были оттранспортированы в хозблок, до выяснения.

Сам Козулин ходил гоголем, отдавая короткие распоряжения. Бестолково разодрал дорогое сукно на бильярдном столе, перепробовал экзотические напитки в баре. Мыслями Козявка находился в небольшой спальне, где выздоравливал Панюшин. Смерть доктора Мезенцева внесла коррективы в нестройный план капитана. Собственно, какой план? Так, бестолковое метание по заданному вектору. Тем более направление этого злополучного вектора как раз и определял ныне покойный доктор. Со смертью Мезенцева, командир спецотряда попадал в щекотливое положение. Действовать как раньше, на свой страх и риск он не мог, не хватало информации, выбивать же оную из тьюфяка Панюшина — занятие бесполезное и неблагодарное. Да и опасное в какой-то степени. Для себя капитан усвоил одно железное правило — знания преумножают скорбь, другими словами — меньше знаешь, лучше спишь, ешь и живешь.

Возвращаться к первоначальному заданию Козулину не хотелось — как правило, работа в проекте оканчивалась одинаково. Консервация или еще хуже — полная санация. Правда после перелома жизнь стала немного проще, тем не менее, рисковать не стоило. Говорят, некоторые традиции чрезвычайно живучи. Взять, к примеру, историю с тем же Панюшиным.

Каждый раз, когда Козулин вспоминал Юрку, ему хотелось громко выматериться, да так, чтобы слышно было аж там, наверху. Но ничего не поделаешь — скажет родина «надо», капитан Козулин ответит «есть». Работа, мать ее...

— Командир, связь... — осназовец протянул маленькую прямоугольную коробочку.

Козулин закусил губу. Черт, как не вовремя — опять придется мямлить в трубку, придумывая все новые оправдания.

— Алле, нах?

Голос в трубке не отличался оригинальностью.

— На связи... — Козулин решил не умничать. Это только в кино бравые ребята бойко рапортуют разную чушь вроде «Вепрь, я Питон» или «Семнадцатый, я База, ответьте» — кому есть, что скрывать ни за что не будет засорять эфир подозрительными позывными.

— Ну что там у вас, ироды? — голос в трубке наливался раздражением.

— Объект не найден — лениво процедил Козулин, тем не менее, холодея в душе.

— Кто б сомневался... Козьявка, еб твою, вы там что, спите на ходу? Дай сюда доктора...

Настал момент истины.

— Доктор... он не может подойти — дрогнувшим голосом произнес командир спецотряда.

Наступила тишина. Недолгая, минуты на две...

А последующие десять минут, Козулин слушал непрерывный поток ругательств. Некоторые из них следовало запомнить — не каждый день услышишь такое. Сам Козулин, лепетал что-то в ответ, проклиная тот день, когда появился на свет.

В соседней комнате могучий Панюшинский организм пытался, как можно эффективнее использовать отведенные ему семь дней. Сам Юрий пребывал в тихой уверенности, что там, впереди много чего интересного как лично для него, так и для всех остальных. С доктором, конечно, он поторопился, сейчас Панюшин даже жалел о сделанном. Ну, подумаешь, врезали разок, с кем не бывает. С другой стороны, Мезенцев давно нарывался на грубость — этот безумный взгляд, и вообще. Сейчас Панюшина интересовало только одно — пауза во взаимоотношениях с неугомонным капитаном Козулиным. Что-то здесь было не так. Вообще будущее рисовалось Юрке исключительно в темных оттенках, но вот уже третий день он наслаждался покоем, пускай и был надежно зафиксирован на кровати.

Шумели сосны за окном, по зеленым ветвям носились белки. Где-то вдалеке стучал дятел, а в прихожей задумчиво вышагивал туда-сюда-обратно капитан Козулин. Ничего не скажешь — идиллия. Тем не менее, Панюшин не собирался достигать равновесия, с него было достаточно того, что никто не лез с вопросами, на которые все равно не было ответа.

Бойцы осназа равнодушно следовали указаниям командира спецотряда — вот уж кого меньше всего волновали душевные терзания капитана. Что и говорить — погоны они и есть погоны. Нацепил и радуйся — теперь ты в ответе за тех, кого не убил. Хотя следовало бы... Ох следовало! Козулин не мог навскидку определить степень Панюшинского участия во всей этой мерзости, с него было достаточно того, что замазались все, причем по самые макушки. Не озвученные потери составили два человека — собственно доктор Мезенцев, и один безвинно загубленный боец. Теперь следовало притормозить, чтобы как следует обдумать ситуацию.

Давай Юрок, выздоравливай скорее.

Второй день пребывания в Славянске, Юрий решил посвятить воспоминаниям. Прогуляться по городу — чем не занятие для гостя?

Панюшин вышел из дома, вертя на пальце цепочку с ключами. Пересек неширокую дорогу. Сразу же, у дороги, расположился небольшой рынок. Куда меньше центрального, колхозного — более сонный что ли. Юрий бесцельно потолкался у прилавков, даже по старой памяти стащил у зазевавшейся тетки кривой пупырчатый огурец, тут же устыдился, но огурец все-таки съел. От базара вниз уходила разбитая крутая улочка, та самая. Панюшин спустился по ней прямо к Лиману. Постоял у берега, вспоминая, как давеча купался в мутной воде. Бросил на счастье камешек.

До вокзала Юрий добрался минут за сорок. Шел не спеша, прогуливался по пыльным Славянским улицам. На привокзальной площади постоял немного, насыщаясь специфической атмосферой. Что ни говори — вокзал есть вокзал. Будь то столица, или забытая богом провинция — звуки, запахи всегда одинаковы. Если закрыть глаза, можно представить себя в любом городе страны. Такое себе путешествие сквозь пространство — Панюшин даже не думал расстраиваться по пустякам, но людская суeta вокруг вызывала странную ностальгию. Умом Юрка, конечно же, понимал, что не стоит тосковать о прошлой вольной жизни, но что-то на миг коснулось огрубевшей Панюшинской души, и с уголка глаз сорвались маленькие слезинки.

Черт знает что. Панюшин улыбнулся — ну вокзал, ну шумят электрички, и в репродукторе совершенно невразумительно орет чей-то голос. Он гость, и ему ли обращать внимание на несущественные детали.

К остановке подкатил стареющий троллейбус. Юрий приподнял в изумлении бровь — старичок едва дышал, подрагивая железным корпусом. Да еще народу набилось — в основном толстые старухи да неряшливые тетки с баулами, для которых смысл жизни занять сидячее место, и дышать, оттирая пот похожими на окорока ручищами. Куда они ездили каждый день, оставалось загадкой. У Панюшина была своя теория на этот счет — зловредные тетки питались отрицательными эмоциями, отчего еще больше грузнели, наливались ненавистью ко всему существу.

Как бы то ни было, в троллейбус Панюшин втиснулся с трудом. Зашипели, закрываясь двери, и холодное железо вдавило Юрку в чью-то липкую потную спину. Всю дорогу до автовокзала, Юрий провел, сдерживая дыхание. Хотелось поскорее выбраться на свободу, но Панюшин сердцем чувствовал, что мучения не напрасны.

На автовокзале, Юрий почувствовал легкий укол в сердце. Выбрался из железного монстра, и некоторое время стоял на остановке, пытаясь прийти в себя. Эмоции переполняли ранимую душу Юрия — действительно, черт знает что! В век невероятных достижений человеческого разума приходится терпеть подобное...

Усевшись на скамью, Панюшин сумел сообразить, что же сбивало с толку — где-то в глубинах подсознания созрела одна весьма своевременная мысль. Она перекатывалась в Юркином черепе, пытаясь ухватиться мохнатыми жвалами — время проверить старые закладки.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

К выбору места для закладки нужно подходить взвешенно. Можно даже сказать

творчески — место должно быть с одной стороны доступным, и в то же время никто посторонний не должен обнаружить содержимое тайника. Место должно оставаться неизменным по времени — никаких новых построек, заграждений, перепланировок, и так далее. Место не должно привлекать чей-нибудь нездоровый интерес, и при этом сам факт проверки закладки не должен вызывать подозрения у случайных свидетелей.

Вспомнить бы еще где многострадальный Панюшинский разум разместил закладки, и каким было содержимое — наверняка что-нибудь необходимое и весьма ценное... И тут до Панюшина дошло.

Где человек прячет лист? Правильно в лесу! А где человек прячет документы? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Скорее всего, прятать документы стоит среди других документов.

Городской архив? Ну, нет, слишком уж тривиально. Центральная библиотека — отдает дешевой банальщиной. Запасники краеведческого музея? Черт возьми, а почему бы и нет?

Панюшин улыбнулся — время пересаживаться на другой маршрут.

* * *

— С тобой вообще можно как с человеком поговорить? — любопытствовал Козулин, присаживаясь на краешек кровати.

Панюшин невинно хлопнул ресницами. Поговорить-то можно, но смотря о чем.

— Чего тебе надобно, старче? — Козулин шутку не оценил, взглянул на паховую область Панюшина. Юрий вздрогнул, и постарался поплотнее закутаться в тонкую простыню, как будто надеясь, что она сможет защитить.

— Короче, Панюшин. Слушай внимательно и не перебивай. Шуточки давай оставим на потом, если оно вообще будет у нас с тобой.

— ?

Козулин зачем-то оглянулся, и приблизил некрасивое, рябое лицо.

— Тебе мудака дают единственный шанс. И имя у этого шанса — капитан Козулин. За доктора с тебя отдельно спросят, и спрашивать буду уже не я. Расклад пока что такой — продолжай делать то, что начал. Спецотряд тебе в помощь, но учти — шаг влево, шаг вправо, и твои яйца будут медленно стекать в сапоги. Всосал?

Юрий поспешно кивнул.

— Хорошо, двигаемся дальше. С информацией у тебя действительно туго, ты как вообще расконсервировался, чучело? Ладно, неважно — насколько успел сообразить доктор, тебя озаряет понемногу, возможно следует просто ждать, хотя скажу честно — времени немного. Там, наверху, требуют результат — и совсем не тот, который нужен тебе. Мля, падла ты такая, ну зачем доктора тронул?

— А что мне оставалось? Слушать ваши причитания? — Панюшин рывком сбросил покрывало и взвился с кровати, Козулин тут же, не меняясь в лице, ткнул пальцем в грудь, и Юрка рухнул обратно в гостеприимное ложе.

— Молчи, сука, молчи... Я за тебя, жизнь положил чужую, и не одну, так что слушай и не возникай. Сейчас вставай потихоньку, резких движений не делай. На тебя уroda, ящик спецраствора израсходован, цени... Дальше — не вздумай чудить, на территории спецрежим, сунешься, куда не надо — пристрелю, будешь возникать — пристрелю. На

втором этаже есть тренажерная — тебе день на восстановление. С завтрашнего дня работаем совместно, обо всех изменениях докладывать по факту. Все, свободен...

Козулин развернулся, и вышел из комнаты. Юрий соскользнул с кровати и опустился на пол. Попытался встать на ноги — получилось. Прислушался к ощущениям — голос молчал, что не могло не радовать. Интересно, что за дрянь циркулировала сейчас в его крови. Козулин знал свое дело — Юрий попрыгал, с удовлетворением ощутив необычайную легкость в теле. Ничего не болело, если не считать фантомную боль в паху, которая возникала каждый раз при приближении Козьявки.

Панюшин не вышел — перетек в коридор. Замер, вслушиваясь. Если нагнать побольше темноты, можно будет немного поиграть в жмурки, хотя капитан Козулин личность сама по себе неординарная, способная на экспромт, к тому же приятно, когда прикрывают твою спину, пусть и до поры, до времени. Хитрит командир, ох хитрит. Не иначе свой интерес имеется, хотя зачем командиру спецотряда ненужные хлопоты? Видать Козьявка придумал сам себе цель, и теперь не в силах свернуть с пути.

Решено — пускай игра будет командной. Так даже интереснее. И легче всем заинтересованным сторонам. Знать бы только цель этой игры — пока что все действия Юрки напоминали попытки прошибить лбом кирпичную стену. И страшно, и больно, и деваться некуда.

Ладно, что там Козулин рек про тренажеры?

* * *

Содержимое закладок мало чем помогло Юрке. Ни денег, ни оружия, ни документов — вернее деньги были, но допереломные, им самое место в музее; оружие — ну если можно назвать оружием пару запасных магазинов для ПМ; документы — мятые листочки с непонятными схемами. В общем, дупель пусто. Панюшин не стал огорчаться, вернул закладки в первоначальное состояние — мало ли что.

Тем не менее, следовало определиться с дальнейшими поисками. Вернувшись к вокзалу, Панюшин уселся в троллейбус, на этот раз, успев занять место у окна, и прилип к стеклу, высматривая хоть что-нибудь знакомое. За время после перелома город изменился — Юрий подмечал каждую мелочь. Мощенная камнем дорога стала асфальтовой, вместо работающих заводов — ощерились разбитыми стеклами пустеющие цеха. Пересекая город по прямой, Юрий испытывал странное чувство — он словно возвращался назад в место, в котором не был никогда. Проехав маршрут по кольцу, Панюшин озадаченно выбрался из троллейбуса. Что-то было не так.

Плюнув, Юрий решил пройтись по городу пешком. Часа за полтора дотопал до центра. Заглянул на рынок, выбрался на центральную площадь, постоял возле серой громадины горисполкома, бросил пятак в пустой фонтан.

Хотелось есть — Панюшин засунул руки в карманы. Денег осталось только на билет обратно, но Юрка не привык сдаваться. Вернее всю свою жизнь он только и делал что сдавался, но не теперь — будет день, будет пища.

Юрий добрался до остановки. Подкатил дребезжащий троллейбус. Панюшин забрался вовнутрь, внимательно ощупывая взглядом тесное пространство. Сразу же перед ним уместилась средних лет тетка. Ненавистный Панюшину типаж, тем более от тетки разило

потом, несмотря на осеннюю прохладу дня. Через плечо тетка перекинула сумочку, в которой уместился вызывающе красный кошелек. Панюшин задержал дыхание — кошелек притягивал взор. Он казалось, увеличивался на глазах, и шептал: возьми меня.

Панюшин облизал губы, и воровато посмотрел по сторонам. Вроде никто и не смотрит, но предосторожность не помешает. Осторожно, двумя пальцами, Юрий ухватил кошелек за краешек и понемногу начал вытаскивать из сумки. Троллейбус тряхнуло, широкая спина тетки подалась вперед, и кошелек оказался у Юрия в руках. Открыть его было делом двух секунд. Хоп — Панюшин оказался обладателем нескольких купюр, тут же спрятал деньги в карман, а кошелек вернулся обратно в сумку. На следующей же остановке Панюшин вывалился из транспорта, и замер, широко открыв рот.

Он смотрел на высокое коричневое здание, на котором большими белыми буквами был написан типичный допереломный лозунг. Что-то про электрификацию всей страны. Панюшин медленно закрыл рот — ну, конечно же. Как он сразу-то не вспомнил.

Научно-исследовательский институт высоких напряжений — так официально называлось предприятие. При институте имелись собственные производственные площади — как раз то самое высокое коричневое здание с лозунгом на фасаде. К цеху примыкала маленькая кирпичная будка проходной, а с другой стороны ворот высился четырехэтажный административный корпус. Юрий засунул руки в карманы и независимой походкой направился к входу.

Охранник находился в приятной обеденной полудреме. Панюшин не стал мешать — мышкой проскользнул мимо, чуть тронув блестящую вертушку. Оказавшись во внутреннем дворике, Юрий задумался. Слева ржавела небольшая дверка в цех, справа, через дорогу отбрасывал тень козырек служебного входа в админкорпус. Куда идти?

Конечно же, в цех. Панюшин осторожно потянул на себя ржавую дверку, и оказался в небольшом коридорчике. Тот оканчивался овальной дверью, похожей на люк космического корабля. Юрий открыл ее, и вошел в полутемный цех.

Внутренние пространства цеха поражали — фантастического вида агрегаты зловеще поблескивали металлическими поверхностями. Огромные сферы с торчащими молниеотводами, громадные кольца основ — при должном освещении здесь можно было бы снимать какой-нибудь кибер-апокалиптический боевик. В прежние времена все это шумело, гудело, плевалось огромными сизыми молниями — в цеху испытывались высоковольтные изоляторы. Сейчас, после перелома, цех с трудом держался на плаву. Видать руководство института еще не созрело до того, чтобы пустить все это научное великолепие на металлолом. Людей почти не было — лишь в дальней части цеха, приспособленной под склад, автопогрузчик перевозил с места на место деревянные ящики с остатками готовой продукции, да пара чумазных рабочих с лентой наблюдали за работой.

Панюшин не стал привлекать лишнего внимания. У боковой стены, притаилась неприметная дверка с запорным колесом. Как на подложке. Юрий крутанул колесо — хорошо смазанный замок не издал ни звука. Это не было хорошим признаком — выходит, дверь все же пользовались. Панюшин выглянул из-за ящика — его вторжение осталось незамеченным. Можно продвигаться дальше.

Сразу же за дверью уходили вниз разбитые бетонные ступеньки. Юрий отмахал добрый десяток лестничных пролетов, продвигаясь, тем не менее, осторожно — здесь не было света, приходилось ощупывать ногами каждую ступеньку. В самом низу, скрывалась еще одна дверь. Юрий толкнул ее — заперто. Попробовал крутануть колесо — раздался протяжный

скрипучий звук. Колесо вращалось свободно. Панюшин покрутил в обе стороны — похоже, колесо присутствовало скорее для порядка. Юрий еще раз толкнул дверь. С таким же успехом можно было бы толкать стену. Дверь заварили, заклепали или еще каким-нибудь способом зафиксировали. Причем намертво.

Наверх Панюшин взлетел молнией, и как раз вовремя. Закончив погрузку, рабочие направились к выходу. Юрий сумел опередить их, и выбрался из цеха за несколько секунд до того, как у выхода послышался незатейливый производственный мат.

Оставалось административное здание.

Войдя через служебный вход, Панюшин миновал неработающую рамку металлоискателя. То, что он сломан, Юрий понял, запоздало, засунув руки в карманы — можно было уже не выгребать мелочь из штанов, но все равно это был минус Панюшину. Давай, Юрок, соберись. Что-то подсказывает правильность выбранного пути. Несмотря на перелом, некоторые аспекты жизни Славянска, могли остаться без изменений. Как это на самом деле, выяснять, право не стоит. Лучше побереги себя Юрка...

В длинных коридорах корпуса было прохладно. Пожалуй, даже прохладнее, чем в цеху. Внимательное око Панюшина усмотрело грязные разводы на разбитом паркете — кто-то все же убирал здесь, пускай и неряшливо. Да и вообще, если служебный вход открыт, значит, кто-то в здании есть, не так ли?

Черт, да соберись же, Юрка!

Коридор оканчивался вестибюлем. У дальней стены начиналась широкая лестница. Панюшин поднялся на второй этаж, прислушался. Где-то настойчиво звонил телефон, гудел факс — работа кипела. Юрка прокрался по коридору, нашел нужную дверь. Попробовал толкнуть — заперто. Ничего страшного — уж эту дверку мы одолеем. Панюшин вытащил из кармана металлическую пластинку, подобранную в цеху — как чувствовал, что пригодится. Ковырнул замок. Гм... Ладно, а если так?

Замок щелкнул и открылся. Ерунда-замок, так, скорее декорация. Панюшин вошел вовнутрь. Подсобное помещение, ничего сверхъестественного — пылятся веники, с ручки швабры свисает неряшливая тряпка, пара жестяных ведер, какие-то мятые газеты в углу. Юрий задумчиво почесал нос. Подошел к стене, постучал пальцем — кирпич. Странно...

Что-то было не так. То ли память подводила Юрку, то ли действительно после перелома произошло много перемен. Панюшин вышел из подсобки, постоял немного в коридоре, вернулся обратно. Ну что еще, ну?

Веники, швабра, тряпка, ведра... Думай, Юрок, думай!

Панюшин потрогал тряпку — пыльная, сухая. Видать подсобкой давно не пользовались. Нагнулся, вытащил газетный лист. Ого, допереломное издание — раритет. Пожелтевшая бумага пахла старостью. Юрий отбросил газету, носком ботинка несильно пнул мусорную кучу. Поднялась пыль, Юрий чихнул и присел на корточки. Газеты, стопка грязно-серой бумаги, какие-то таблицы, заполненные химическим карандашом, ага, а это что?

Под руками расползся клочками полиэтилен. Панюшин осторожно разодрал пальцами пакет — есть! Внутри пакета лежала сложенная во много раз карта. При взгляде на лиловые окружности и черные цифры на темно-зеленом фоне Юрий обмер.

Бесконечные скитания обрели смысл.

Гостеприимный дом покидали без суеты. Аккуратно зачистили персонал — каждому нашлось место в предполагаемом сценарии. Козулин лично выкрутил вентиль конфорки, наполняя здание газом. Хитроумный механизм сработает через пару часов, как раз тогда, когда объем газово-воздушной смеси достигнет критической величины. Выезжали двумя машинами — Панюшина определили между двумя осназовцами. Юрка хранил молчание — негоже рыпаться, когда в руках карты, масть которых далека от козырной. Двое осназовцев остались, чтобы проконтролировать процесс зачистки.

Козулин провел вводный инструктаж, и обалдевший Панюшин отбыл восвояси, зажимая под мышкой драгоценную карту. Со слов Козулина, от пожара пострадала мазанка старухи-самогонщицы. Занервничавший Панюшин был успокоен коробкой с сегментами, продолговатый сверток командир спецназа оставил себе. Огонь уничтожил следы деятельности бродяги-Панюшина, но, тем не менее, Юрка почувствовал странную грусть — как будто погасла маленькая звездочка, которая прежде тешила взгляд. Впрочем, заглядывая в будущее можно предположить, что таких звездочек будет много.

Или мало — как бог даст, если принять за аксиому его существование. Сейчас Панюшин больше верил в другое — смысл скрывается в бессмыслице, и его, Юрки, цель — копать как можно глубже.

Панюшину сняли дом где-то на окраине Славянска. Козулин смотрел выжидающе, вот только чем мог порадовать его Юрий? Картой, на которой обозначено то, что обычно скрыто от посторонних глаз? Так известно ведь — лишние знания рожают... Что еще? Сегменты в коробке? Что есть, то есть — хотя Панюшину в последнее время начало казаться, что он топчется на месте.

Оставалось только ждать...

На обратной стороне карты Панюшин обнаружил несколько написанных от руки фамилий. Одна из них намертво отпечаталась в голове — Лановой Игорь Ильич. Может быть, порция новой информации так повлияла на Юрку, но с того самого момента, как в пыльной подсобке он обнаружил карту, Панюшин твердо решил для себя — обратной дороги нет.

Посетив Ильича, Панюшин стал счастливым обладателем ключа. Вот только в голове все смешалось. Впервые с Ильичем Юрка встретился давным-давно, еще тогда, когда о переломе никто не думал.

Вчерашний выпускник профессионально-технического училища — Юрка радовался жизни. Мир распахнул объятия, и счастливый паренек думал, что все подвластно его желаниям. Их было и в самом деле много. Что-то такое, нереальное, как у большинства подростков пубертатного возраста, вот только реальность оказалась намного жестче.

Вспоминать, с чего все началось — дело неблагодарное, но нужное. Не зная начала, не обрести конца.

— Эй, доходной, иди сюда.

С такого окрика обычно начинаются неприятности. Будучи мирным человеком, Юрка как мог, избегал ненужных встреч, но иногда судьба не спрашивает, как ей поступать.

Юрка оглянулся. Ничего нового — быть сегодня битым. Компания подобралась та еще — троица хулиганов оккупировала лавочку. Сидели, расслабленно поплеывая в сторону. И, главное, никого вокруг — аллея городского парка была пуста.

— Ну, чо, тупой что ли?

Панюшин, тоскливо сглотнул. Убегать стыдно, оставаться страшно — как ни кинь, всюду клин...

Главный из троицы — долговязый, с тупым лицом лениво замахнулся, и Юрка увидел россыпь ярких звезд. Во рту стало солено, и мир словно затих, чтобы взорваться оглушительным взрывом. Били умело, пытаясь сбить с ног. Юрка как мог, закрывался руками, прятал голову. От сильного удара в ухо на время оглох. Кто-то закричал. Падая, Юрка успел заметить убегающих хулиганов.

— Ну, ты как, живой? — Юрка еще не знал, что эту фразу во множестве вариаций, будет слушать всю свою жизнь.

— Вроде...

Средних лет мужик помог Юрке приподняться. Заботливо усадил на ту самую лавку, на которой не так давно сидела злополучная троица. Сам присел рядом.

— Знаешь их?

Юрка мотнул головой.

— Ага... — непонятно к чему сказал мужик, и вытащил из кармана клетчатый платок. — Ну-ка погодь, минутку.

Мужик сбегал к фонтанчику с питьевой водой, смочил платок.

— Держи...

Панюшин кое-как обтер разбитые губы. Хорошо, хоть нос не зацепили. Протянул платок мужику.

— Оставь себе — отмахнулся тот. — Зовут-то тебя как?

— Юрий — говорить было трудно, болели губы.

Панюшин языком осторожно коснулся зубов — вроде не шатаются.

— Лановой Игорь Ильич — мужик протянул руку.

Панюшин вяло пожал влажную ладонь.

— Работаешь, учишься? — с интересом посмотрел Игорь Ильич.

— Училище закончил только. Пятнадцатое.

Лановой удовлетворенно кивнул.

— В армию осенью? — Панюшин пожал плечами. Куда ж без нее...

Мужик ненадолго задумался.

— Значит так. Дуй завтра в военкомат, спросишь Пацюка, скажешь ему, Ильич прислал.

Он поймет...

Юрка удивленно посмотрел на Ланового. Тот понимающе хмыкнул.

— Не бойся, плохого не посоветую.

Вот так началась Юркина взрослая жизнь.

* * *

— Алло...

В трубке затрещало. Сквозь шум помех, пробился едва слышный голос.

— Чего тебе, урод?

— Я... мне...

Помехи разом стихли, и голос рывкнул так, что Юрий чуть не оглох.

— Рука в говне. Причем по самый локоть. Нахера с Козявкой связался?

— Откуда... — начал, было, Панюшин, но тут же сообразил, что задавать подобные вопросы — признак дурного тона.

— Это точно — ворчливо согласился голос в трубке.

Панюшин мысленно выругался.

— Значит так — политика поменялась. Будем действовать в обратном порядке...

Юрий замер. Жизнь продолжалась.

* * *

Следующий, после визита на керамический комбинат, день он посвятил отдыху. Покормил голубей на площади. Неторопливо, почти наслаждаясь, вытащил из кармана зазевавшегося мужичка солидный, увесистый бумажник. Внутри Юрий обнаружил несколько пластиковых карт, много денег и пару визиток с золотистыми разводами. Карточки, Панюшин, с некоторым сожалением выбросил в ближайшую урну. Туда же последовали визитки. Бумажник, после некоторого внутреннего сопротивления, Панюшин решил оставить себе. За работу, так сказать.

Упокоив Ланового, Юрий испытал чувство некоторого сожаления. словно где-то внутри перегорел кусочек самого Панюшина. Юрий не был в курсе всех тонкостей в работе Ильича, но пятой точкой ощущал некоторый дискомфорт. Перелом внес некоторые изменения в отношения внутри социума, суть этих изменений не была ясна. Бравые парни на

джипе являли собой типичный образчик — кто они такие, и какая система взаимоотношений существовала у них с Ильичем, Юрий не знал. Ясно было одно — к проекту парни отношения иметь не могли. Не тот уровень...

Правда оставался невыясненным один момент — санация Ланового не могла пройти незамеченной в определенных кругах, а, следовательно, стоит ожидать гостей. Гости нагрянули бы в любом случае, но Юрий подозревал, что своими дилетантскими действиями несколько ускорил это событие.

Ну и черт с ними — искать Юрку в стотысячном городе — дело пусть не безнадежное, но достаточно хлопотное. Это только в кино каждый встречный поперечный будет тыкать пальцем в случайного прохожего и громко кричать в толпу — «Смотрите, вот она преступная морда с плаката». Насколько было известно Юрию, даже в таком небольшом городе никому ни до кого не было никакого дела. Каждый сам за себя — таковы постпереломные реалии.

Помимо Ланового, на карте значились несколько адресатов, которые следовало посетить. Разброс адресов не смущал — овчинка стоила выделки. Для себя Юрий твердо решил довести дело до конца. Знать бы только в чем суть этого дела — насколько было бы легче жить. А может быть и наоборот.

Солнце светило в глаза. Несмотря на осень, жарило так, что хотелось растечься растаявшим куском мороженого. Юрий развалился на скамейке. Лениво бросал ненасытным голубям жареные семена подсолнечника, купленные считай задаром у дебелых торговков — прожорливая птица не отказывалась от угощения. Под успокаивающее воркование даже думалось как-то легче. Панюшин чуть не задремал.

— Время не подскажете? — раздался рядом голос. Юрий неохотно разлепил глаза.

Неопределенного возраста тетка нависла над скамейкой — Юрий заметил, как под длинным рукавом кофты сверкнул краешек циферблата часов. Все понятно — мадам решила осчастливить вниманием пройдоху Панюшина. Ох, тетка, тетка...

— Бубырнадцать минут кубырнадцатого — невнятно пробормотал он.

Тетка озадаченно нахмурила выщипанные брови.

— Чего?

— Семь ебут восьмого — Юрий разозлился. — В уши долбишься, что ли?

Тетка испуганно отпрянула. Секунду думала, открыть рот или отправиться восвояси в поисках очередного простофили. Разумное победило чувственное, быть может, не последнюю роль сыграл красноречивый Панюшинский взгляд. Тетка развернулась на каблуках и отбыла прочь.

— Мудак... — донеслось на прощание.

Юрий хмыкнул. Тетка немного развеселила сумрачное Панюшинское бытие. Иногда стоит немного отвлечься от забот, чтобы ощутить себя почти нормальным, здоровым мужиком. Конечно, логичнее было бы сводить престарелую давалку куда-нибудь в кафе, но для Юрки дело было превыше всего. Может быть в другой раз, с другой теткой.

Тут Панюшин немного кривил душой — интуиция подсказывала, что никаких свиданий в Юркиной жизни не предвидится. Сама суть ухаживания не была заложена в Юркину программу. Если в данный момент объект не представлял угрозы, следовало его игнорировать.

Проигнорировав тетку, Панюшин сладко потянулся. Бросил остатки семян голубям. Бумажный кулек бросил в мусорку. Промахнулся, но поднимать не стал. Прошелся по

площади. Заглянул зачем-то в фонтан. Сухо и грязно — некогда фонтан радовал взгляд разноцветными струями, улетающими в небеса, ныне же — большая яма для мусора. И не совестно людям...

На миг Юрке захотелось заскочить на бортик фонтана, и оббежать по кругу. Ничего такого он не сделал — это было бы уж слишком. Юрий ограничился тем, что бросил в фонтан еще один сверкающий пятак. На счастье, чтоб вернуться еще.

Возвращаясь в квартиру, Юрка обратил внимание на стоящий у подъезда черный джип. Настороженно остановился неподалеку. Машина казалась знакомой. Юрий решил, было прокрутить в голове последнюю встречу с братками, но потом передумал. Судя по обшарпанным окнам малосемеек, жили здесь исключительно пролетарии. Сам же джип казался лишней деталью в дешевом конструкторе. Гм, оперативно работают сволочи.

Панюшин задумался. Как поступить — слинять по хорошему, оставив нехитрый копеечный скарб, или... И тут же его обожгло:

Карта!

Она осталась в квартире. Юрий побоялся носить ее с собой. Никто не должен видеть карту. Тем более молодчики с керамического комбината — в памяти Юрия надежно запечатлелись поползновения Ланового сотворить себе некое подобие оригинала. Того самого, что остался в квартире, черти вас дери!

Далее Панюшин действовал на автомате. Взбежал по ступенькам, разгоня сердечную мышцу. На площадке никого не было. Юрий сжал голову руками. Быстрее, ну... еще быстрее.

У двери властвовала темнота, но Панюшину было этого мало. Он надавил кнопку звонка и одновременно провалился в бурую муть. Как только в двери щелкнул замок, Панюшин ворвался в квартиру, неся муть за собой. Кто-то закричал в прихожей, но было поздно. Муть растеклась по комнатам, и взорвалась багровой пеленой. Жирные кровавые кляксы налились и затрепетали. Их было немного — штук пять или шесть. Панюшин даже не стал считать — он пронесся по комнатам маленьким разрушительным смерчем.

Нечеловеческие вопли сменялись тошнотворным хрипением умирающей плоти. Кляксы тускнели одна за другой. Юрий работал, словно взбесившийся механизм — поднырнуть под занесенную руку, одновременно тычком указательного и среднего пальца ударить в нужную точку ниже ключицы. Удар ногой по голени — сухой треск кости. Ребром ладони по шее, разворот и нырок в темноту.

Грохот ломаемой мебели, выстрел, еще один. Пороховой дым, и звон в ушах. Юрий никогда не закрывал рот, так что ничего страшного.

Как известно в пределах одной комнаты, конечное число противников всегда располагается в определенных точках пространства. Определить эти точки — суцая безделица. Все имеет начало и конец — кому как не Панюшину знать об этом. Удар, всхлип, чье-то нераздельное бормотание. Пули впиваются в дрожащее от страха тело. Они растеряны и испуганы, тем лучше. Но не для них — для Юрки. Времени мало. Кляксы размазываются пропадают. Нужно успеть забрать карту. Все остальное несущественно.

Вот она...

* * *

Двигаться с конца к началу даже интереснее. Знать бы только где он, этот конец — так

думает Панюшин, опустив трубку телефона. Он не один в комнате — рядом капитан Козулин. Ловит каждое слово, но при этом смотрит с каким-то недоумением, даже с опаской.

Это пугает Юрку. Он ведь старается изо всех сил.

* * *

Майор Пацюк оказался той еще крысой. Вернее крысом. Мордочка хищная, глазки бегают, под носом рыжеют майорские усики. Панюшин разыскал майора в полутемных коридорах военкомата. В стены этого чересчур гостеприимного заведения, Юрка всегда вступал с опаской. Среди ребят ходили страшные легенды о похищенных допризывниках, тут же обритых и отправленных куда-нибудь к черту на кулички. Родина — она-то велика, места всем хватит. Если бы Панюшина спросили — а хочет ли он собственно в армию, то Юрка не задумываясь, ответил бы утвердительно. Не потому, что очень уж хотелось, а просто так было принято.

В военкомате было людно. Толпились полуголые допризывники. Юрка заметил пару знакомых. Разговорились — в очереди возбужденно шептались, что в одном кабинете молоденькая медсестра показывает грудь, а старая бьет по члену линейкой — проверяет, стало быть, твердость характера. Еще рассказывали о безымянном допризывнике, умудрившемся заблевать кабинет во время проверки вестибулярного аппарата на минцентрифуге — причем благодаря действию центробежных сил испачкалось все — пол, стены и сами врачи.

Наслушавшись ужасов, Юрка оробел. К счастью ему не пришлось долго рыскать по кабинетам. На первой же двери, блестела медью табличка, извещающая о том, что именно здесь обосновался нужный ему человек.

Панюшин медленно выдохнул, оглянулся — в конце коридора столпились Юркины сверстники. Ладно, будь что будет...

Он осторожно постучал. За дверью раздался противный дребезжащий голос:
— Войдите.

Панюшин тихонько прикрыл за собой дверь. Кабинет оказался завален посеревшими от времени папками на завязках. Папки громоздились вдоль стен, на подоконнике, даже у стола, за которым восседал Пацюк. Слева у стола примостился ободранный стул.

— Чего тебе? — поднял голову Пацюк.

До появления Панюшина, майор что-то писал на тетрадном листе. Бросив недовольный взгляд, Пацюк с видимым сожалением отодвинул тетрадь.

— Я от Игоря Ильича — запинаясь, пробормотал Панюшин.

Пацюк скривился.

— От кого?

Юрку бросило в дрожь. Неужто давешний спаситель решил подшутить над ним — да нет, с виду вроде солидный мужик...

— От Игоря Ильича я.

Майор вздернул верхнюю губу, отчего усы затопорщились, придавая большее сходство с крысом.

— От какого, нахер, Игоря Ильича?

Панюшин понял, что еще немного, и майор стукнет по столу тяжелым кулаком и заорет нечто нецензурное в его, Юркин, адрес.

— Ланового... — в последнюю минуту вспомнил Панюшин.

Наступила нехорошая тишина. Пацюк задумчиво забарабанил пальцами по столешнице. Юрка остолбенел, и сам не заметил, что держит руки по швам, как нашкодивший курсант военного училища.

— Угу — промычал, наконец, Пацюк и ткнул пальцем в сторону стула. — Сидай.

Панюшин аккуратно обошел ближайшую бумажную кучу и присел на краешек стула, от чего тот подозрительно заскрипел. Майор задумчиво почесал крысиный носик.

— Значит так — произнес он. — Слухай сюда. Как засунуть в холодильник жирафу в три приема, а?

Панюшин удивлено воззрился на майора.

— Чего? — выдавил он из себя.

Пацюк досадливо мотнул головой.

— Дебил, что ли? Повторяю вопрос — как засунуть в холодильник жирафу в три приема?

Эту детскую шутку Юрка знал, но не мог понять, зачем Пацюк спрашивает такую ерунду. Ну ладно, спрашивает — ответим.

— Ну это... Открыть холодильник, засунуть жирафа, закрыть холодильник.

— Ага — удовлетворенно кивнул Пацюк. — Тогда второй тебе вопрос — как засунуть слона в холодильник в четыре приема?

Панюшин пожал плечами.

— Открыть холодильник, вытащить жирафа, засунуть слона, закрыть холодильник.

Пацюк ощерился крысиной улыбкой.

— Ну вот, а говоришь, что дебил...

Ничего такого Панюшин не говорил, но на всякий случай не стал спорить.

— Так, третий вопрос. Лев собрал, значит, всех зверей на собрание. Кто не пришел?

Юрий задумался. В вопросе чувствовался подвох. Но какой? Он осторожно взглянул на майора — тот вновь пододвинул тетрадь, и принялся что-то черкать дешевой шариковой ручкой.

— Сам лев не пришел — выдавил, наконец, он.

— Это еще почему? — заинтересовался Пацюк.

— Ну, это... — застеснялся Панюшин. — Он же царь зверей — хочет, приходит, хочет не приходит...

Пацюк удивленно отодвинул тетрадь.

— Нет, все-таки дебил. Как фамилие твое?

— Панюшин — огорченно ответил Юрий.

— Не пришел слон. А знаешь почему?

— Почему? — послушно переспросил Юрка.

— Да потому, нахер, что в холодильнике сидит! — заржал Пацюк, вытаскивая из пачки сигарету. — Куришь?

Юрий кивнул.

— Н-да...

Майор покрутил между пальцев не зажженную сигарету, и аккуратно положил ее на краешек пепельницы.

— Ладно, последний вопрос. Тебе нужно перебраться через речку. В речке обычно водятся злые крокодилы. Моста нет. Что делать будешь?

И тут Панюшина осенило.

— Дык крокодилы на собрании у льва, наверное...

Пацюк открыл рот. Посмотрел на Юрку, словно увидел инопланетянина. Панюшин с испугом взглянул на кабинетного крыса. Неужели ошибся? Майор закрыл рот, и потянулся за сигаретой. Закурил, выпуская дым неряшливыми кольцами.

Тишина действовала на нервы. В кабинете пахло сыростью. И грызунами.

— Ведь правильно? — не выдержал первым Панюшин.

Пацюк равнодушно кивнул. Не спеша, затушил сигарету и откинулся в кресле.

— Иди, погуляй пока — майор махнул рукой в сторону двери.

Юрий на негнущихся ногах поплелся к выходу.

— Стой!

Панюшин медленно опустил ногу. Оглянулся.

Пацюк вышел из-за стола.

— Зовут-то тебя как, Панюшин?

— Юрка.

— Юрий, значит — наклонил голову Пацюк. — Меня тоже Юрием кличут. Ну, давай тезка, иди, покури. Заглянешь, через часок. Разговор будет...

* * *

Панюшин вывалился из квартиры, сжимая драгоценную карту. Позади остались живые и мертвые. Последних больше...

В организме каждого более-менее вменяемого члена общества присутствует орган, ответственный за выработку специального гормона ссыкливости. Даже самый здоровый мужлан, в глубине чувств подвластен действию того самого гормона. И скисает на глазах, когда более наглый сородич без всякого зазрения совести бьет по сопатке вчерашнего супермена.

В самом Панюшине, данный орган некогда занимал доминирующее положение. Выбрасывал зараза в кровь ненужный гормон, занижал самооценку. Но ведь отучили Юрку. Помогли тренировками, или еще чем-то, сейчас не вспомнить.

Как бы там ни было, Юрка не боялся. Небольшой тремор имел место быть, но скорее, как реакция организма на стресс. Нечто вроде переключения с рабочего режима на холостой — только не сразу, а постепенно.

Лестничные пролеты Панюшин проскочил все более замедляя темп. Вышел из подъезда уже полностью расслабленным. В голове крутились отголоски содеянного — Юрка так и сяк прогонял ситуацию, анализируя, подмечая неточности и неправильности. Быть может, в будущем, это поможет заработать дополнительные баллы. Сноровка уже не та, что раньше — какая она должна быть Юрка вряд ли вспомнит, знает только, что время не щадит никого.

В квартире полно отпечатков Панюшина — но это ерунда. Он никто — гражданин мира, без жилья, без документов, без прошлого и возможно без будущего. Юрка живет настоящим, не думая о том, что впереди, пусть и тоскует о том, что было когда-то.

Плохо то, что местечковые бандюки сумели выследить Юрку. Но это уже издержки

сделанного выбора — городишко небольшой, и пускай всем начхать друг на друга, все равно каждый на виду. Панюшин постарается, чтобы этого больше не произошло.

Постарается от души.

Заскочив в автобус, Юрий прислонился лбом к холодному стеклу. За окном пробегали серые пятиэтажки, а в голове Юрия трезвонил на все лады маленький, но противный звоночек: давай дружок, время идет, шевелись, не останавливайся...

Быть может самое время наведаться по местам боевой славы?

К старухе Юрий пошел не сразу. Встал на две остановки раньше, прошелся, отмечая подозрительные детали. Вроде чисто, но подстраховаться лишний раз не помешает.

Подошел к забору. Посмотрел в щелку — ничего не разобрать. Толкнул хлипкую калитку, прошелся по двору, оглядел по-хозяйски — черт знает что. Такое ощущение, что он прожил здесь всю жизнь, а начинаешь вспоминать — так вроде все как в первый раз. Подобная двойственность ощущений отвлекала и могла оказаться отвлекающим фактором. Ну-ка Панюшин, вспоминай...

Решение пришло мгновенно. Крыша у мазанки была старая — кое-где сквозь лопнувший шифер проглядывала порыжевшая толь. Юрий запрыгнул на покосившуюся собачью конуру (самой собаки внутри не оказалось — околела видать давным-давно), оказавшись вровень с низкой крышей. Ухватился большим и указательным пальцами за торчащую головку ржавого шиферного гвоздя и одним резким движением выдернул его.

Тенью слетел вниз и постучал пальцем в окно.

— Открывай хозяйка. Гости пожаловали...

В доме что-то стукнуло. Раздался скрип отодвигаемого засова, и в узкую щелку дверного проема глянул любопытный старушечий глаз. Юрий не сплеховал — всадил в него гвоздь по самую шляпку, одновременно толкнул дверь.

Старуха не успела упасть — Юрий подхватил грузное тело, и потащил вовнутрь. Вернулся, аккуратно прикрыл дверь, щеколду задвигать не стал. Постоял у окна в прихожей, подглядывая из-за грязной, закопченной занавески. Никого...

Как только хозяйка дома перестала мычать и сучить ногами, Юрий не выдержал, и принялся срывать с нее одежду. Отбросив смердящие тряпки, он овладел старухой, после чего с отвращением поднялся, пытаясь не дышать носом. Это было похоже на вспышку — начиная с той самой минуты, когда Панюшин запрыгнул на собачью будку.

Он оглянулся — на секунду показалось, что он в доме не один. Быть может непутевая старухина душа, покинув старое тело, все еще оставалась поблизости, наблюдая за Юркой.

Панюшин скривил лицо в некое подобие улыбки — в подобную чушь он, конечно, не верил, с другой стороны участие в проекте само по себе казалось дурным сном. Все та же чертовщина, просто подведенная под научное обоснование. Еще неизвестно, что хуже — поповские бредни, или кошмарные реалии сумасшедших мудаков в белых лабораторных халатах.

Посредине залы разместился округлый стол на гнутых ножках. Юрий расстелил карту — до сих пор у него не было времени подробно рассмотреть свою добычу. Не считая списка фамилий с обратной стороны. Все дела, дела...

Циркуль, линейку и пару карандашей Юрка приобрел заранее — знал, что пригодятся. Вот только, как правильно работать с картой?

Ладно, подождем вдохновения, а пока...

Насколько было известно Юрке, покойница приторговывала самогоном. Порывшись в

кухне, Панюшин нашел литровую бутылку, заполненную до половины прозрачной жидкостью, судя по запаху первачом. В разваливающемся от старости холодильнике, Юрка обнаружил большую луковицу да полкольца кровяной колбасы. Кроме того, нашелся еще кусок сала, завернутый в газету.

Все это добро Юрка забрал с собой в залу. Взял в руку стакан, с неожиданным удовольствием ощущая огрубевшими пальцами стеклянные грани. Налил до краев. Выпил.

Хорошо — Юрка вонзил зубы в луковицу. Лук оказался ядреным — сразу же защипало в глазах, а во рту разгорелось пламя. Панюшин медленно вдохнул носом. И тут зазвонил телефон. Юрка бросился к телефону, с трудом переводя дух.

В трубке шумно дышали. Панюшин вслушивался в дыхание, замирая и пьянея от собственной наглости.

— Алло — наконец пробормотал он, все еще не веря в удачу.

Ему ответили. Круг, наконец, замкнулся.

— Итак, мудака, последняя контрольная точка...

— Не надо так... — попросил Панюшин.

— Как так?

Голос в трубке все так же глумился над ним. Юрий не знал, что будет потом, но то, что было сейчас, нравилось ему все меньше.

— Как с дебилом...

Голос стал тише. Он говорил что-то, но Панюшин не мог разобрать ни слова. Помехи усилились, заполнили собой короткие паузы между словами. Панюшин вслушивался в неразборчивое хрипение, пытаясь выудить хоть капельку смысла.

— Алло?

Голос не слушал. Он существовал сам по себе, абстрагировавшись от Панюшинского восприятия, словно все то, что говорил голос, было ценным и без напрасных попыток уловить суть. Слова проваливались в измученный мозг многотонными глыбами, чтобы раствориться на самом дне, оставив горький осадок и бессмысленную пену.

Юрий похолодел. Сейчас, когда каждое мгновение приобрело особую цену, это было смерти подобно.

— Алло?

Бесконечно просительное и жалостное.

Голос говорил, не останавливаясь, казалось, с особой тщательностью проговаривая слова. Юрий закрыл глаза — на том конце трубки ясно дали понять кто ведущий, а кто ведомый. Менять императивы местами — дело заранее проигрышное.

Эй, Юрка, ну сделай же что-нибудь...

— Пожалуйста...

Голос в трубке начал затихать, пока вовсе не стал призрачным, невесомым. Юрий ощутил, как дергается левая часть тела. Тик оказался неконтролируемым. Юрий захотел дунуть в трубку, но не решился отнять ее от уха.

— Ю...й, сл...шь ты д...л...

Панюшин сжал пальцы, словно собираясь раздавить пластмассовую гадину, но в трубке отчетливо щелкнуло, и в ухо ворвался длинный протяжный гудок:

— Тиинининь... трр..., тиинининь... трррррррррррр...

В трубке затрещало. Панюшин отпрянул — не слушать, ни в коем случае не слушать. Он сразу понял что это — длинный гудок пилот-тона, и короткий заголовочный блок, опять пилот-тон, и собственно основной блок данных. Некогда используемая технология передачи данных, ныне же — устаревший способ причинять неприятности. Юрий отставил трубку, дожидаясь конца передачи.

В трубке пикнуло в последний раз, и помехи стали стихать.

— Алло? — Юрий понял, что еще немного, и заплачет. — Ну пожалуйста. Я...

— Что? — вкрадчиво поинтересовался голос.

— Я больше не буду — выдавил из себя Панюшин, тыльной стороной ладони утирая предательскую слезу.

— А... ну ладно — как ни в чем не бывало, пробубнил голос. — Тогда последняя контрольная точка — спецобъект.

Юрий осторожно ущипнул себя за нос.

— Какой из?

— Панюшин, делаешь успехи — скупно похвалил голос. — Впрочем, сколько дебила не учи, он все равно на сторону смотрит. Цель — первая и вторая лаборатории, — какая из них, определишься на месте.

Панюшин хмыкнул.

— Не выйдет.

Голос в трубке замолчал. Очевидно, опешил от подобной наглости.

— Там режим консервации — быстро заговорил Панюшин, стараясь исправить оплошность. — Это подземный уровень НИИ, я, когда карту забирал, заглянул — там никак не пройти...

— Да мне насрать на все твои режимы! — рявкнул голос. — Повторяю для умственно отсталых — первая и вторая лаборатории. Время связи через двадцать четыре часа ровно. Действуй сам или подключай Козявку — решать тебе. Давай, мудака, начинай работать, наконец...

Панюшин осторожно положил трубку.

— Ну, чего? — Козулин нахмурил брови, вопросительно поглядывая на Юрку.

— Ничего... — выдохнул Панюшин. — У нас проблема.

* * *

Есть мнение, что принципы функционирования объекта определяются особой информацией поступающей на вход совместно с другими необходимыми для правильной работы данными. Сущность этих данных не совсем ясна, так же как и порядок подачи самой информации. До сих пор неясен принцип обработки данных. Исследования в рамках проекта «ГО-12» показали возможность построения сложной логической цепочки, однако при этом нет полной уверенности в том, что она будет содержать в себе хотя бы частичное приближение к действительности.

Вообще данное направление исследований характерно в первую очередь тем, что теоретическая часть по своему содержанию, и возможно даже значимости, заметно уступает практической. Наиболее перспективными из исследований представляются средмашевские разработки («Проект-365»), а также работы по проекту «Радуга».

«Проект-365» можно рассматривать как попытку анализа, выраженную в практическом воплощении. В результате последовавших катастроф отсутствует возможность восстановления теоретической базы проекта. Все имеющиеся основные данные утеряны. Инструментарий не подлежит восстановлению. В настоящее время работы по проекту свернуты полностью. Спецобъекты, ключевые объекты и персонал подвергнуты процедуре санации. Остаточная информация после восстановления передана в разработку в рамках проекта «Ленинград-28».

В связи с накоплением критического объема данных, проекты «Радуга» и «ГО-12» остановлены. Основная информация и инструментарий переданы в разработку в рамках проекта «Ленинград-28». Спецобъекты законсервированы, ключевые объекты и персонал подвергнуты процедуре санации.

Установленное основное направление разработок — проведение практических

исследований с целью систематизации результатов для создания теоретической базы проекта. Оперирование имеющейся информацией в рамках проекта «Ленинград-28» привело к целому ряду необратимых последствий. В настоящее время работы по проекту временно приостановлены до получения более-менее реальной картины происшествия. Спецобъекты законсервированы, ключевые объекты переведены в «спящий» режим, персонал в основном подвергнут процедуре санации.

* * *

Выкурив пару сигарет, Панюшин чуть не решился на побег. Впрочем, какой побег — насколько понял Юрка, разговор с Пацюком пока ни к чему не обязывал. Что-то подсказывало, что лучше не играть с огнем, рвануть побыстрее домой, и, получив повестку, радостно идти отдавать долг родине. Без участия Пацюка. К сожалению, Юрка не послушался внутреннего голоса. Вернулся в холодный коридор и просидел еще минут сорок, наблюдая за тем, как бродят по кабинетам полураздетые допризывники. Подошел к двери, прислушался — вроде тихо.

Постучал.

— Войдите.

Панюшин бочком-бочком протиснулся в дверь. Пацюк все так же восседал за столом, что-то черкая в тетради, а на кургузом стуле расселся худощавый мужик в белом халате. Он быстро протирал стекла очков, подслеповато рассматривая вошедшего Юрку.

— Где тебя хуи носят? — недовольно буркнул Пацюк. — Вот он, самородок. Рекомендую...

— Николаева протеже? — доктор надел очки и уставился на оробевшего Юрку.

— Не, Игорек сосватал... — заелозил в кресле Пацюк.

Доктор хмыкнул.

— Ну да, Ильич плохого не посоветует... А мне куда его девать?

Майор отодвинул тетрадь. Аккуратно положил ручку на столешницу.

— Может Пухлякову?

— Сдурел, майор?

Пацюк наклонился, и начал что-то шептать доктору на ухо, при этом бросая косые взгляды на Панюшина. Доктор хмурился, всем видом показывая, что Юркина личность ему не интересна.

— Думаешь, подойдет? — скептически поинтересовался он, наконец.

— Пробовать нужно — флегматично ответил майор и откинулся на спинку кресла.

Доктор наклонил голову, рассматривая Панюшина.

— Иди-ка сюда дружок — сказал он, и для верности поманил пальцем.

Панюшин заморожено шагнул вперед.

— Да быстрее, еб твою! Раздевайся.

Юрка сбросил футболку, торопливо расстегнул ремень. Попрыгал на одной ноге, снимая брюки. Поискал глазами, куда можно положить вещи. Не нашел.

Доктор потрогал Юркины плечи. Ткнул пальцем в живот. Хлопнул ладонью по спине, заставляя выровняться.

— Открой рот.

Юрка открыл.

— Угу... закрывай. Сколько будет четырежды семь?

— Э... двадцать восемь.

— Одевайся.

Пока Юрка одевался, доктор безразлично смотрел в окно. Пацнок достал сигареты, протянул доктору. Тот вытащил одну, поблагодарил кивком.

— Ну что?

Доктор пожал плечами.

— Что я могу сказать... Физические данные в норме. Сколиоз, гастрит и так далее. Легкая олигофрения, в начальной стадии.

— То есть годен?

— Да как скажешь... Бумаги подготовлю потом — сейчас работы полно. Так куда его определим?

Пацнок довольно улыбнулся.

— Определим, док, не волнуйся. Тащи раствор.

— Да ну, у тебя тут срач. Самому-то не противно?

— Не-а... Ладно, забирай сокровище.

Доктор засунул не зажженную сигарету за ухо, и направился к выходу. Панюшин вопросительно посмотрел на майора.

— Чего встал, родимый? Иди с богом...

Человек в халате отвел Панюшина в медицинский кабинет. Усадил на кушетку. Юрий опасно заерзал на расцарапанном дерматине. Доктор подошел к двери кабинета, зачем-то выглянул наружу, затем осторожно закрыл ее. Повернул ключ, запирая кабинет.

Из автоклава доктор вынул небольшой стеклянный шприц. Достал из стеклянного шкафа коричневый пузырек спирта и вату. Перехватил Юркину руку выше локтя резиновым жгутом. Порывшись в ящике письменного стола, доктор нашел маленькую ампулу. Не спеша, отколол кончик. Набрал содержимое ампулы в шприц.

— Что это? — заволновался Юрка.

Доктор бросил на него косой взгляд и надавил поршень, выпуская воздух.

— Сиди спокойно. Это витамины... Давай лучше кистью поработай...

Панюшин несколько раз сжал и разжал кулак. Человек в белом халате смочил спиртом клочок ваты, и легкими касаниями протер руку в предполагаемом месте укола. Быстро, почти не больно ввел иглу в вену. Чуть оттянул поршень — в нижней части шприца появился красный след.

— Ну, с богом — негромко сказал доктор, и содержимое шприца попало в Юркину кровь. — Согни руку и посиди пока.

Панюшин послушно согнул руку, ощущая кожей ватный тампон. Руку холодило. Доктор убрал шприц, вытащил из-за уха сигарету и закурил. Юрий смотрел, как дымные кольца медленно плыли по наполненному сиянием воздуху, понемногу растворяясь в нем.

Сияние стало сильнее, приобрело золотистый оттенок. Оно приближалось к Юрке, окружало, пытаясь растворить в себе, как дымовое кольцо. Панюшин закрыл глаза, но все равно продолжал видеть его. Сияние окутало Юрку и все звуки, зрительные образы и даже мысли куда-то пропали.

В этом золотистом сиянии Юрка провел почти три десятка лет.

— Первая и вторая лаборатории — сказал Панюшин. — Это «объект-4».

— Никаких проблем! — Козулин с силой хлопнул Юрий по спине, заставив поморщиться от боли. — Проблемы это не то, что нужно сейчас, да Юрок?

— Ага...

Юрка посмотрел на карту. Все верно — лаборатории подземного уровня НИИ, обозначенного в сопутствующей документации как «Объект-4». Та самая железная дверь с красным штурвалом, открыть которую вряд ли представляется возможным.

— Объект законсервирован — осторожно сказал он. — Возможны трудности с проникновением...

Козулин заржал.

— Трудности закаляют человека. Кстати по твоим перемещениям можно еще одну карту нарисовать.

— В смысле? — не понял Панюшин.

Вместо ответа Козулин махнул рукой. Выглянул в окно. Поправил грязную гардину.

— Что там?

— Дверь в цеху, справа. За дверью лестница, внизу еще одна дверь.

— А за дверью?

— Скорее всего, толстый слой бетона — пожал плечами Юрий. — Объект законсервирован, так просто не попасть.

В комнате стало тихо. В соседней комнате несли службу бойцы спецотряда. На улице лаял соседский пес. Идиллия...

Панюшин сумел оценить незамысловатый юмор капитана — Козулин выбрал дом в северной части города, неподалеку от кладбища. Въезжали поздно вечером, чтобы не привлекать внимания. Юрий попытался, было проявить самостоятельность в выборе места, но пара тычков под ребра заставили поумерить пыл. В глазах бойцов, Панюшин видел непримиримое желание рассчитаться за павшего товарища. Сама идея совместных поисков выглядела абсурдной, но выбирать не приходилось. Могло быть и хуже — еще с того самого дня, как Юрка обнаружил крепкую фигуру капитана у своей кровати.

— Идеи?

— Никаких — честно ответил Панюшин.

Козулин задумался.

— Мля, придется подключать мудаков из центра...

— Каких еще мудаков?

— Самых мудаковых, какие только бывают.

Капитан широко улыбнулся и подмигнул Юрке.

— А... так можно? — робко поинтересовался Панюшин. Насколько он помнил, именно с попытки связаться с центром, начались все его приключения.

— Можно... если осторожно. Время сейчас другое... — туманно объяснил Козулин.

Панюшин пожал плечами. Время как время — ни быстрее, ни лучше чем до перелома. Разве люди с гнильцой, так она и раньше присутствовала, другое дело, что не выпирала, как сейчас, когда каждый мудака кичится своим мудацтвом. Взять, к примеру, командира спецотряда — вот уж кого грохнуть нужно поскорее...

Козулин подозрительно взглянул на Юрия, и тот постарался убрать с лица мечтательное выражение. Силен командир, тут не отнять, жалко только, что мудака...

— Связь — требовательно произнес капитан, ни к кому конкретно не обращаясь. Тем не менее, мгновением спустя, один из бойцов опустил в руку командира трубку передатчика. Дисциплина...

— Умри на пять минут — скомандовал Козулин, и Юрок поспешил убрать с глаз долой.

Он заглянул в соседнюю комнату. Осназовцы разложили прямо на столе странного вида автоматические винтовки. Панюшин всегда был равнодушен к оружию, но тут прямо застыл изваянием.

Сделал шаг под пристальным взглядом одного из бойцов.

— Чего тебе?

— Мне... — Панюшин внезапно охрип.

Что за чертовщина... Оружие манило. Гм, странная для винтовки форма, обтекаемые линии... Они притягивали взгляд, оружие словно шептало ему — эй приятель, возьми меня в руку...

— Можно? — Панюшин осторожно протянул руку к столу.

Осназовец равнодушно пожал плечами.

— Попробуй... Только не дури.

Панюшин погладил полимерный корпус. Ласково, как ребенка взял в руки. Ох, и красота...

— Откуда такое чудо?

— Оттуда... — лаконично ответил осназовец. — Оружие будущего, епть!

Юрий вскинул винтовку, попытался поймать в прицел фигуру бойца. Ничего не вышло — компьютеризированный модуль оказался выключен.

— Какой патрон?

Осназовец посмотрел на Юрку с нехорошим прищуром.

— Гулял бы ты отсюда, парень. Твой патрон еще тебя дождется.

Панюшин медленно положил оружие. Сделал шаг назад, не отводя взгляда от стола. На всякий случай постарался запомнить расположение кнопок и рычагов — мало ли что, вдруг выпадет счастье пострелять по движущимся целям.

— Где этот урод? — донеслось из соседней комнаты, и Юрий поспешил на голос.

Козулин стоял у стола, покачиваясь с пятки на носок.

— Ну что?

— «Объект-4» находится в режиме консервации. Основные точки входа-выхода заблокированы. Возможность проникновения только через служебные каналы — вспомогательные системы вентиляции и канализации.

— Добираться, стало быть, по вентиляционным каналам? — заинтересовался Панюшин. — Будем пыль глотать?

Козулин хмыкнул.

— Скорее дерьмо. Вентиляционные каналы не рассчитаны на перемещения крупных объектов. Другая понимаешь специализация...

— Дерьмо так дерьмо — философски заметил Юрий. — Вся наша жизнь — круговорот дерьма в природе.

Командир спецотряда «Челябинск» возражать не стал.

Что есть реальность?

Черeda коротких мгновений, угасающих в памяти.

Что есть память?

Бездонная черная дыра,местилище угасших мгновений.

Что есть мгновение?

Кусочек вечности...

Точку «заброса» Панюшин определил самостоятельно, следуя скудной информации, полученной от Козявки. Карта безбожно вралa, пускай и была добыта с некоторыми трудностями. Пришлось потратить целый вечер на вычисления.

Готовый результат был предоставлен на утверждение капитану Козулину. Невозмутимый командир спецотряда задал несколько уточняющих вопросов, но в целом остался доволен Юркиным усердием.

Выдвигались опять же ночью. Раздолбанный с виду ПАЗик довез до кооперативных гаражей, сразу же за которыми начинался узкий проулок, ведущий к цели. План проникновения осложнялся тем, что производственные помещения НИИ находились непосредственно в спальном районе, что поделаешь, — специфика Славянска. Из автобуса выбирались по одному, с интервалом в три-четыре минуты. Последними оказались Козулин с Панюшиным — капитан Юрке не доверял, посему было решено, что пойдут они вместе.

Сразу же кирпичным забором админкорпуса, начиналась территория специнтерната — пара тройка двухэтажных зданий, небольшое футбольное поле, и за покосившейся решеткой ограды, огромный, поросший сорной травой пустырь. Проулок, по которому двигались осназовцы, выходил на дальний конец пустыря, к покосившемуся кирпичному зданию насосной.

Прогнившую дверь вскрыли с одного удара. Отставили в сторону, чтобы вернуть потом на место. Внутри оказалось тесно даже для спецотряда в неполном составе — пять человек специально отобранные Козулиным для выполнения задачи, заполнили весь внутренний объем насосной. Панюшин с трудом протиснулся предпоследним — Козулин буквально вдавил его вовнутрь, и даже умудрился прикрыть вход снятой с петель дверью.

Включили фонари — яркие овалы запрыгали по растрескавшемуся бетонному полу, по ржавым останкам оборудования.

— Где-то здесь... — Панюшин присел, исследуя пол. Провел пальцем по глубокой трещине. — А ну-ка...

Юрий протянул, не глядя руку. Кто-то из бойцов вложил в ладонь небольшой ломик.

Панюшин ковырнул бетон. На полу выделялся квадратный след ржавчины. По вершинам квадрата торчали толстые болты — здесь некогда крепилось основание двигателя насоса. Где-то тут, в пол уходили трубы. Странно — похоже, после демонтажа оборудования кто-то залил отверстие бетоном.

Ага, вот здесь совсем свежее пятно. Юрий еще раз ковырнул ломиком, для верности.

Точно оно.

— Здесь.

— Работаем...

Панюшина оттеснили. Один из осназовцев достал из рюкзака странный прибор, похожий на утюг. Сходство дополнялось проводом, торчащим из рукоятки прибора. Другой конец провода скрывался в рюкзаке.

Боец нажал на кнопку — раздалось еле слышное жужжание. Осназовец принялся водить прибором по полу, словно действительно гладил белье. Жужжание стало тише, но вместе с тем Панюшин ощутил, как к горлу подкатывает тошнота.

— Готово...

Осназовец убрал прибор, и на глазах у изумленного Панюшина, зачерпнул полные ладони белесой муки, в которую превратился бетон.

— Здесь крышка люка.

Люк вскрыли специальным домкратом. Снизу запахло канализацией.

— Надели противогазы и вперед... — негромко скомандовал Козулин.

В бетонной трубе шумела вода. Бойцы один за другим спускались в узкое отверстие. В трубе пахло. Можно даже сказать воняло. И совсем не фиалками. Панюшин полез вниз, содрогаясь от запаха дерьма. Фильтр противогаза помогал слабо, кроме того, начали запотевать стекла. Юрий попробовал оттянуть резиновый край маски, но тут же чуть не задохнулся от удушающей вони.

Кроме того, продвигаться вперед можно было, только скрючившись в три погибели — диаметр трубы составлял чуть больше метра. Панюшин полз, не разбирая дороги, молясь только об одном — скорее бы кончилась эта чертова труба. Фонарь, укрепленный на голове, выхватывал бетонные стены, обильно поросшие серым мхом. По дну трубы, мутным потоком, навстречу неслись сточные воды. Отдельные фрагменты фекалий приставали к промокшим ботинкам. Панюшин старался не думать о плохом, но даже в противогазе его мучило. Впереди тихонько ругаясь, ползли такие же мокрые и вонючие осназовцы.

Если б не вонь, Юрий бы улыбнулся — по крайней мере, не одному ему тяжело. Что ж братцы — у каждого свой хлеб. Кто-то ест понемногу, а кто-то жрет полной ложкой, зачерпывая из вонючего потока голенищами сапог. Как говорят французы — такова се ля ви, или как там правильно у них...

Труба закончилась накопительной камерой. Огромный бетонный куб с отверстиями в трех стенах. В четвертой — ржавые скобы лестницы, ведущие наверх, к люку. Козулин показал на него пальцем — туда?

Панюшин отрицательно качнул головой. В камере шум был сильнее, но и без того, Юрий догадался, что Козулин грязно выругался.

Ничего, брат — тернист путь, но тем слаще его (пути) конец. Нырять вон в то, левое отверстие — добрых два десятка метров трубы ждут героев. Утешало одно — последний участок пути обещал быть сухим.

Не повезло — не иначе строители решили сэкономить, и подключили к канализационному каналу ответвление от находящихся рядом многоэтажек. Так и оказалось — проползая мимо развилки, Юрий убедился в правильности своих предположений. Из правого отверстия неслись все тот же дерьмовый ручей, зато из левого тянуло сыростью.

Путь завершился кирпичным резервуаром, из которого наверх вела небольшая лесенка, похожая на ту, что была в накопительной камере. Юрий указал пальцем на ближайший

участок стены. Козулин кивнул.

За кирпичным простенком, оказался спрессованный шлак. Двухметровый участок прошли относительно быстро, потом уперлись в бетон. Снова выручил ультразвуковой утюг — сверху просыпалась знакомая уже Панюшину бетонная крошка, и тяжелые куски строительного мусора — обломки кирпичей, застывшие куски бетона с вкраплениями битого стекла.

Железные части опалубки разрезали гидравлическими ножницами, остатки бетона пришлось выбивать вручную. Снова шлак — на этот раз совсем немного — чуть меньше метра. За шлаком битый кирпич. За кирпичом бетон. За бетоном керамическая плитка. А за плиткой узкое пространство воздухозаборника.

Уф, пробились, наконец!

* * *

В золотистом сиянии, Юрка провел почти три десятка лет. Для него это время пролетело одним мгновением. А если даже и не одним — все равно об этом Панюшин не помнит. Вроде бы и было что-то там, в золотистом сиянии, а что и не разобрать толком.

Из сияния Юрка вынырнул после перелома, когда уже никому не был интересен. Собственно отсутствия интереса к скромной Юркиной персоне и оказалось причиной возвращения в новый злой мир. Правда, догадался он об этом значительно позже.

Мир поменялся, и Юрий оказался в нем непрощеным гостем. Он обнаружил себя сидящим в городском парке Славянска. О том, что парк находится в Славянске, Юрий узнал у первого же встреченного прохожего. Тот терпеливо ответил на основные Юркины вопросы, и долго еще глядел вслед, неодобрительно качая головой.

Так Юрка узнал, что случился перелом, что год на дворе нынче совсем не тот, как думалось в сиянии, что он, Панюшин, (а быть может и не Панюшин вовсе) находится в чужом незнакомом городе, один, без документов, и голова его похожа на бильярдный шар — вроде бы и не пуста, но одна сплошная кость. Он попытался сообразить, как оказался на лавке, но помнил лишь одно сияние. В нем было уютно и спокойно, не то, что сейчас.

Что касается города — то он был незнаком и знаком одновременно. Юрий мог бы поклясться, что никогда не был в нем раньше, но тем не менее гуляя по центральным улицам чувствовал себя как дома.

Ноги сами привели к покосившемуся домику. Белая мазанка, в которой торговала самогоном старуха. Увидев Юрку, старая торговка запричитала, почти насильно уложила (внука?) на продавленный диван. Заботливо поднесла стакан, до краев наполненный какой-то отвратно пахнущей жидкостью. Юрий послушно выпил, ощущая, как по телу разливается приятное тепло.

Отвратная жидкость вскоре стала вполне сносной. Юрка пил самогон, пытаясь заполнить пустоту внутри. Он жил у старухи, помогал по хозяйству. На все вопросы старая карга отвечала уклончиво, тем не менее, Панюшин сумел выстроить некую картину собственного бытия — он здесь родился и прожил всю жизнь. Самогонщица приходилась ему не-то двоюродной бабкой, не то троюродной теткой. Родители померли, когда Юрка был еще маленьким, видать потому и не помнит. Старуха обещала сводить на могилку, но так и не сподобилась, а Юрка особо и не настаивал — не до того было.

Как оказалось, работает он на керамическом заводе, оператором туннельной печи — огромного кирпичного коридора, внутри которого бесновалось пламя газовых горелок, и медленно двигались железные вагонетки с обжигаемой плиткой. Директором на заводе числился Игорь Ильич, мужики в раздевалке частенько поругивали его за дурной характер, и незнание основ производства. Ланового назначили указом сверху еще до перелома, приходилось терпеть. К тому же дела на заводе шли так себе — в перспективе маячила остановка производства. Что и говорить — оборудование давно уже устарело и морально и тем более, физически. Плитку гнали второсортную — то кривую, то пережженную. Складывалось впечатление, что завод работал сам по себе, без всякой цели изготавливал некачественный товар, который никому и на хрен не был нужен.

Юрка заморожено смотрел на огонь, провожая взглядом вагонетки. Иногда ему хотелось нырнуть туда, в оранжевое пламя, чтобы все наносное, чужое, ненужное обгорело в огне, осыпалось пеплом, и он вышел бы обновленный, очищенный. Когда он рассказывал старухе о своих мыслях, та спешила отвлечь его самогоном.

Кроме того, заметил Юрка еще одну странность. У него была какая-то особая сноровка. В смысле — ему ничего не стоило провисеть пару часов на турнике, зацепившись одним пальцем. Руками он мог гнуть гвозди. А, гуляя по парку, зацепился однажды с пьяной компанией — что-то щелкнуло в голове, и Панюшин окунулся в кровавую темноту, в которой мелькали с невиданной быстротой руки, ноги; он наносил удары, ломая кости, вырывая глаза. К счастью инстинкт позволил Юрке вовремя остановиться — он успел убратсья прочь до того, как аллею осветили всполохи мигалок. Его не искали — в пьяной компании не оказалось ни одного вменяемого человека, кто мог бы более-менее описать Панюшина.

С тех пор Юрка затаился, стал осторожнее. Начал собирать воспоминания, чтобы найти самого себя.

Поиски самого себя дела благородное, но неблагодарное.

Панюшин проверяет эту мудрость на себе.

Иначе нельзя...

* * *

Через узкий лаз проникли в камеру воздухозаборника. Такая себе комнатка, метра полтора высотой, выложенная керамической плиткой. В потолке десяток отверстий, сужающихся кверху — вентиляционные каналы.

В боковой стене огромный круглый лаз, забранный крупной решеткой. В комнатке ощутимо сквозило. Панюшин сдернул маску противогаса и тут же согнулся, не в силах побороть приступ рвоты. Его выворачивало наизнанку, он казалось, был готов выблевать собственные кишки.

Осназовцы деликатно отвернулись, но Юрке было плевать. Он был главным здесь, в этом пропахшем дерьмом подземном мире.

— Туда — прохрипел, наконец, Панюшин, показывая на решетку.

Козулин хмыкнул.

— А больше и некуда.

Юрий промолчал. Разговаривать совершенно не хотелось. Куда-либо идти тоже. Хотелось сдохнуть прямо здесь и сейчас — лишь бы только не дышать этим смрадом.

— Ничего, сейчас выветрим — понял причину Юркиных переживаний командир спецотряда.

По знаку Козулина, один из бойцов достал из сумки небольшой баллончик. Юрку обдали едким облачком спецсредства. Панюшин, было, дернулся, но тут же с удивлением заметил, что не ощущает больше запаха.

Баллончика хватило на всех.

Двинулись дальше. Вырезали решетку — ржавый металл стонал и плакал раскаленными слезами, пока не грохнул наземь, обдав присутствующих пылью. Первым полез знакомый уже Панюшину осназовец. Козулин легонько подтолкнул Юрия к лазу.

— Давай братан. Не задерживай народ...

Бетонная труба уходила вниз под углом и казалась куда шире канализационной, но все равно Панюшин продвигался, пригнув голову — мало ли что. Козулин неслышно двигался сзади, и Юрий только сейчас обратил внимание, что слышит только звуки, издаваемые им самим. Это не понравилось ему — слишком уж быстро терялась сноровка.

Что будет дальше? — подумал он. И тут же нашел ответ — дальше не будет ничего. По крайней мере, лично для него. Если было бы можно сейчас позвонить, то голос в трубке наверняка подтвердил бы Юркины сомнения.

Что-то было не так. Сам факт присутствия Панюшина на спецобъекте, да еще в компании спецотряда осназа наводил на определенные размышления. Слепленный догадкой Панюшин чуть было не остановился, но, вовремя сообразив, постарался скрыть секундное замешательство.

— Ты там чего? — раздался сзади голос командира.

Профессионал — с уважением подумал Юрий. Жалко только, что мудаком Козулин был тоже профессиональным.

— Двигайся, давай... — почувствовал неладное Козулин. От Панюшина можно было ожидать чего угодно, поэтому лишняя осторожность не мешала.

По мере продвижения отряда лаз сужался, стали появляться узкие ответвления одинакового диаметра. Отсчитав шестое, Юрий остановился.

— Здесь... — не совсем уверенно произнес он.

— Угу — промычал Козулин.

Трубу пробили быстро. Сказывалась приобретенная сноровка. Ничего нового — бетон, земля, шлак, кирпич, плитка, тесное помещение сортира.

Они ввалились внутрь, и Юрий наконец-то с удовольствием выпрямился в полный рост. В туалете воняло тухлятиной — в пожелтевших унитазах давно уже высохли гидрозатворы. От стен местами отстала плитка — возможно из-за сырости. Весь пол оказался усеян битым кафелем — Юрий попытался ступать бесшумно, но осколки хрустели под ногами.

— Да тише ты! — взъярился Козулин.

Юрий послушно застыл. Следовало соблюдать осторожность — они попали, наконец, на территорию спецобъекта.

Командир спецотряда сделал условный знак, и один из осназовцев (тот самый, что все время двигался первым), осторожно ступая, пробрался к выходу. Почти неслышно отворил дверь — выглянул. Постоял немного, изучая обстановку, затем махнул рукой — все в порядке, и скрылся в темноте.

— Пошли — скомандовал Козулин, и оставшиеся четверо бойцов один за другим выскользнули наружу.

Панюшин чуть замешкался у выхода. Козулин остался сзади — Юрка шеей чувствовал его дыхание.

— Что братан, очко играет? — спросил капитан.

— Есть немного...

Из темноты раздался еле слышный протяжный звук. Он царапнул нервы и затих, умирая в облупленном кафеле стен.

«Объект-4» встречал гостей.

* * *

В золотистом сиянии было хорошо — тепло и уютно. Там все казалось простым. Он делал что-то, теперь не вспомнить что, совершал, по-видимому, какие-то поступки, бывал в странных местах, теперь и не упомнить все. Там в сиянии, все было подчинено одному простому правилу — делай, что велят. Молча. И он молчал, поскольку сама мысль о том, что можно поступать иначе даже не закрадывалась в Панюшинский череп.

Сейчас он был предоставлен самому себе. Без денег, без документов. Вернее деньги были — старуха сунула однажды ворох мятых купюр мелкого достоинства. Так, на первый случай. Что было в сиянии, да и само сияние Юрка не помнил.

Каждый раз, возвращаясь назад, он восстанавливал свой путь по мгновениям, но все воспоминания начинались с простой деревянной скамьи в городском парке. Что еще? Ну,

тение сверчка, да доносящийся смех молодой компании, гуляющей неподалеку. Да и не смех — так, скорее ржание.

Он вынырнул откуда-то (из темноты?) в качающийся круг света фонаря на столбе. Фонарь покачивался с тихим скрипом. Панюшин поднял голову — в свете электрического солнца сновала мошкара. Для них нагретая лампа была источником живительной силы — манила, влекла на погибель.

От скамьи уходила вдаль мощеная бетонными плитами аллея. Плиты лежали неровно, стыки между ними обильно поросли болотной травой. Вообще в парке было сыро и противно. Громко квакали лягушки, ветер доносил шум камыша.

Юрий встал и сделал первый шаг. На мгновение ему показалось, что сейчас он упадет лицом в раздолбанные бетонные плиты, но мир в его глазах, лишь на мгновение качнулся, чтобы встать на место.

Следующий шаг дался совсем легко. Юрий пошел по тропинке, чувствуя легкость движений. Ноги сами несли прочь отсюда. От прохожих Панюшин узнал, что находится в Славянске. Это название он слышал впервые.

Юрий был готов поклясться на чем угодно, что никогда раньше не был в этом городишке. Почему-то Панюшин с первых минут возненавидел его. Город отвечал взаимностью. Он показывал свои улицы, словно дразня — ну как тебе, Юрок, все знакомо?

Двойственность ощущений убивала Юрку. Ему хотелось кричать от страха. Он никогда, (слышите?) никогда не был в этом городе раньше. Но отчего все так знакомо? Вон там, справа, окажется автобусная остановка. Чуть дальше развилка.

Кто бы сомневался...

Все было так, как подсказывали воспоминания, которых и быть не могло. Панюшин брел по улицам, прижимая ладони к вискам. В голове звенела ошеломляющая пустота. Мысли были — но первые, робкие, они словно примеривались к новому месту, где им отныне придется жить.

Даже потом, когда Юрий обнаружил в себе удивительную способность возвращать прошлое, вертеть его так и сяк перед мысленным взором, даже тогда картинка замирала, чтобы показать то единственное, что было в начале — качающееся пятно света да разбитые бетонные плиты аллеи. Ну, еще неприличное слово, которое кто-то заботливо вырезал умелой рукой на деревянной спинке скамьи.

В отделе кадров, куда Панюшин пришел за информацией, его встретили с прохладцей. Как оказалось, устроили Юрку под честное слово, причем со слов начальницы отдела оформлялся он самостоятельно, без чьей либо помощи. Услышанное повергало в оторопь — Панюшин словно родился на той треклятой скамье.

В паспортном столе ему выдали временное удостоверение личности — обычную бумажку с синей печатью. Ее можно было сложить, чтобы поддержать иллюзию настоящего документа, но все равно бумаженция казалась филькиной грамотой. Как туманно объяснили Панюшину — из-за отсутствия бланков, придется довольствоваться тем, что есть. И вообще, по-хорошему нужно еще разобраться, кто он такой. Может быть проходимец вовсе, или даже скрывающийся преступник?

В словах служащих скрывался вполне ясный намек — на этом Панюшин решил временно приостановить поиски. Не хватало еще влипнуть в какую-нибудь историю. Куда безопаснее было дразнить старую самогонщицу, задавая, казалось бы, безобидные вопросы. Ловить хозяйку мазанки на мелочах оказалось проще простого — старуха путалась в

воспоминаниях, словно ребенок, собирающий кусочки мозаики. Юрий даже начал находить в этом особое удовольствие. Под его пристальным взглядом, старая карга начинала сбиваться, называла неверные фамилии, тут же пыталась вернуть новые, но Юрий не верил. Так бы и жил он дальше, пребывая в этом новом странном мире, вот только мир не стоял на месте.

* * *

— Что там? — пролаял в рацию Козулин.

В динамике еле слышно хрипнуло. Козявка выругался.

— Командир — протиснул голову в дверь один из бойцов — рации сдохли...

— Не было печали — впрочем, не сильно опечалился капитан. — Что со светом?

— Ищем — лаконично ответил осназовец и скрылся в темноте.

Юрий прижимался к холодной стене. Ему здесь было неудобно.

— Не тоскуй Юрок — догадался о чувствах Панюшина капитан. — Скоро все будем веселиться.

Вот в этом как раз Юрий не сомневался — очень скоро веселье затопит унылые помещения объекта. Веселиться действительно будут все и не только здесь. Быть может, малая толика веселья просочится наружу — на радость всем унылым мудакам.

— Стойте — прохрипел он.

Козулин напрягся.

— Пусти...

Юрий оттолкнул капитана — в узком проходе не разминуться двоим, и вывалился из туалета. В лицо дохнуло запахом гнили.

— Эй, герой, ты куда? — Козулин ухватил Панюшина за шею.

— Щитовая... знаю где... — он вырывался из цепких пальцев командира спецотряда, словно что-то там, в темноте, тянуло к себе, наперекор всем законам физики.

Козулин неохотно ослабил хватку. Юрий выскользнул в темноту, которая вмиг перестала быть таковой. Плевое дело — пронзть темноту, что ярче тысячи солнц. Куда хуже найти себя в дрожащем круге где-нибудь в парке, на скамье.

Темнота сейчас была родной — Юрий зажмурился, но видеть не перестал. В сероватом свечении, он нарисовал границы нового мира — бетонные стены коридора, ржавую лестницу, что вела на решетчатую платформу, железные крюки, на которых лениво провисали, блестя смолистой кожей, электрические кабели. Справа коридор обрывается шахтой грузового лифта, слева... нет, слишком далеко, не разобрать.

— Замерли все — Козулин осторожно выглянул из сортира. Это место было не совсем обычным, поэтому командир спецотряда не видел ничего зазорного в своей предосторожности.

Бойцы застыли на местах, сейчас Юрий ощущал биения красных брызг — сердца осназовцев гоняли по венам насыщенную адреналином кровь. Место изрядно действовало на нервы, впрочем, в этом не было ничего удивительного. «Объект-4» изначально создавался не как место для увеселительных прогулок.

— Пошел... — это уже команда ему, Панюшину.

Юрий прокрался к лестнице, поднялся по железным ступеням. Вверху платформа была

заставлена оборудованием — Юрий протискивался между приборами, переступал через толстые связки проводов. Каждый шаг отдавался пронзительным гулом. Ногами Юрий ощущал вибрацию платформы, в глазах же сквозь серую муть проступали расплывчатые очертания осточертевших приборов. Ближе к выходу (или входу — кому как нравится) платформа оканчивалась невысоким бортиком, неряшливо сваренным из металлических прутьев в палец толщиной. Сбоку уходила вниз еще одна лестница, точная копия той, по которой Юрий поднялся наверх. Можно было бы и не подниматься на платформу, но тогда пришлось бы пробираться вниз сквозь непроходимые завалы огромных деревянных ящиков, в которых хранилось черт знает что.

Вспомогательное освещение (только для верхнего, технического этажа — на котором они находились сейчас) включалось поворотом рубильника. Панюшин с трудом открыл дверку короба и потянул на себя рукоятку.

Брызнули нестерпимо яркие искры, и пару раз мигнув, зажегся желтоватый свет. Теперь можно было увидеть причину, по которой спецотряду пришлось вдоволь нахлебаться дерьма — коридор обрывался бетонной пробкой. Серая стена перегородила полукруг тоннеля. Там, за стеной, должна была находиться еще одна платформа грузового лифта — по ней раньше доставлялось оборудование для лабораторий. Сразу же у щитовой, Панюшин обнаружил небольшую железную дверь. Юрий толкнул ее плечом — узкий коридор обрывался уходящими вверх ступенями. Застывший бетон образовал неряшливые наплывы на ступенях — где-то там, выше, залили еще одну пробку, законсервировав вспомогательный проход — тот самый, где дверь с круглым штурвалом.

Назад Панюшин возвращался уже понизу — тусклые светильники горели через один, но все равно теперь можно было не бояться ушибов. Юрий карабкался через ящики, ломая голову над их содержимым. По всей видимости, в них находилось подготовленное к эвакуации оборудование. Что же помешало завершить начатое?

Память молчала, впрочем, Юрий и не надеялся на чудо. Всему свое время — будет день, будет пища...

* * *

Мир не стоял на месте, более того несея вперед головокружительными скачками, оставляя позади разную требуху — неудачников вроде Панюшина. Поначалу он пытался не отставать, но силы торможения, заложенные предыдущей программой жизни, не давали ни малейшего шанса. Сама жизнь рушилась на глазах. Старуха ожесточилась, и даже разговаривать начала сквозь зубы. Юрий дивился таким изменениям, но сам не препятствовал — ворочался только на продавленном диване, ощущая острые края пружин. Все в доме пропахло сивушными маслами — иногда Юрий сам замечал во рту прогорклое послевкусие. Дела на работе шли неважно. В конце сентября пришлось остановить одну из печей — ту самую, которую обслуживал Панюшин.

Жизнь вносила коррективы — на глазах у изумленного Юрки, кирпичный туннель разбирали хваткие работяги в брезентовых перчатках. Острые ломы вбивались в щели между огнеупорными кирпичами, сильные руки выворачивали стены.

На все про все ушло не больше пары дней. Все это время Панюшин слонялся без дела по цеху, отмечая признаки упадка. Что-то грозное нависло над производством. Рабочие

шептались о возможных сокращениях, все чаще и чаще на территорию завода приезжали дальномеры, с заляпанной грязью номерами. Вывозили продукцию — грузили даже некондиционный товар.

Вскоре Юрку вызвали в отдел кадров, где ушлая кадровичка выдала заполненную трудовую книжку — запись о пребывании Панюшина в стенах керамического комбината оказалась единственной. Выйдя за проходную, Юрий недоуменно оглянулся — даже та куцая, купированная жизнь, что была у него, давала трещину. Его не провожали — слишком уж ничтожным болтиком был Панюшин в огромной машине завода, только выезжающий за ворота дальномер напугал длинным гудком.

Дома ворчала старуха. Панюшин пытался помогать по хозяйству, но тут же признал свою никчемность. Сколько того дворика — поросшая виноградом беседка, да столик со скамейкой. При всем желании не разгуляться. Панюшин пробовал, было начать пить, но наткнулся на молчаливый протест хозяйки. Как оказалось мифическое родство никак не могло служить оправданием бесплатной выпивке.

Помог случай — один из постоянных клиентов старухи, подбил Юрку устроиться в посудный цех. Новое начинание пришлось по душе жителям города — посудные цеха возникали тут и там, словно поспевшие ягоды земляники. Юрку взяли без вопросов. Как оказалось, для работы в цеху требовались голова на плечах и крепкие руки-ноги. В небольшом производственном помещении заливали шликер в гипсовые формы, замывали полуфабрикаты, тут же молоденькие лепщицы приделывали ручки и прочие декоративные излишества, чуть дальше заготовки покрывали глазурью и загружали в похожие на чемоданы каменные печи для обжига.

Юрий носился как угорелый, выполняя сразу несколько работ — обжигал в печах готовые сервизы, таскал тяжелые глинистые блины, из которых изготавливали шликер для заливки, выносил на двор пришедшие в негодность формы.

Платили неплохо — хватало и на еду и на выпивку. Коллектив подобрался специфический — потерявшие молодость лепщицы, несмотря на юный возраст, выглядели усталыми тетками, плечистые заливщики и синие от наколок обжигальщики смотрели искоса. Пару раз Панюшин умудрился после смены закадрить одну из теток, но удовольствие показалось смазанным — после работы тянуло завалиться где-нибудь подальше от ненавистного цеха, да и силы были уже не те. Да и покачиваясь сзади, Панюшин чувствовал не ахти какое удовольствие, главным образом сосредоточившись на теткиной шее, где пульсировала голубая жилка. Юрка поймал себя на мысли, что неплохо было бы обхватить тонкую шею, сдавить сильными пальцами, да так, чтобы серые бельма выползли из глазниц, обвиснув на окровавленных ниточках нервов. Похоже, любовь не была Панюшинским хобби.

Юрку волновало другое — от высокой температуры портились зубы и безвозвратно уходила сноровка. Ее было жалче больше всего. По крайней мере, до сих пор Юрка не боялся никого — даже матерые уголовники как-то враз сникали, чувствуя безумную внутреннюю силу Панюшина.

Проработав полгода, Панюшин, как водится, влип в неприятности.

* * *

Один из осазовцев забрался на платформу. Стоя внизу, Юрка мог видеть рифленые

подошвы ботинок бойца. Он легонько постучал по металлу, привлекая внимание — осназовец заметил его и не торопясь принялся спускаться.

Собрались внизу небольшим тесным кружком. Тон задавал Козьявка. Пятерка бойцов внимала ему с преувеличенным вниманием. Не отставал и Панюшин. Не то, чтобы командир спецотряда мог сказать что-либо новое для Юрия — при желании он сам мог бы вспомнить пару-тройку сомнительных моментов, но привычка сделала свое дело.

Капитан Козулин был краток:

— Порядок такой: Поляков, Ноздрев, Бачило — идут первыми. Затем я и вот этот полудурок. Оставшиеся Игнатенко и Фарафутдинов прикрывают сзади. Вопросы?

Панюшин открыл было, рот, но кто-то из осназовцев вовремя ткнул его в поддых. Юрка выкатил глаза, пытаясь вдохнуть.

— Ну и ладно — довольно произнес Козулин. — Двинули...

Впрочем, двинули не сразу. Проверили оружие (те самые, понравившиеся Юрке винтовки), фонари выключать не стали — сразу же у платформы лифта скудный свет терялся в полумраке. Самому Юрке, оружия не досталось, тем не менее, подобревший Козулин сунул ему в руку гвоздодер.

— Будешь ящики вскрывать — загадочно сообщил капитан.

Юрий пожал плечами. Ящики остались позади, быть может, на нижних уровнях спецобъекта и попадетса несколько, но сама цель их пребывания здесь вряд ли заключалась в банальном грабеже. Кстати о цели — Юрий не забыл странные мысли, пришедшие в голову там, в трубе. Позвонить бы — запоздало подумал Панюшин, и обжегся об пронзительный взгляд капитана. Руки непроизвольно сжали гвоздодер крепче. Козулин понимающе ухмыльнулся.

— Все потом — многозначительно пообещал он. Панюшин сглотнул. Капитан как бы ненароком положил руку на приклад винтовки (черт, и делает же кто-то такую красоту) и рассеянная улыбка не предвещала ничего хорошего.

Потом так потом — Юрке не привыкать. Пока что они все вместе один отряд. Панюшин засунул руку в рюкзак — коробка с сегментами на месте. Промасленный пакет у Козулина. Работаем, значит.

До грузового лифта добрались без приключений. Да и сколько там до него — пару десятков метров преодолели в молчании. Говорить не хотелось — округлый потолок давил на нервы. Слева от платформы, Юрий заметил пульт управления — продолговатый пенал, свисающий на длинном, в металлической рубашке, проводе. Три кнопки — вверх, вниз и остановка. Проще простого. Жаль только, спускаться придется по технической лесенке, вернее по лесенкам, соединяющим этажи.

— Игорек, пошел.

Осназовец ухватился руками за перекладину, и начал спуск. Укрепленный на голове фонарь, беспорядочно пронзал темноту, выхватывая отдельные предметы. Остановился этажом ниже.

— На месте...

— Следующий — Козулин оглянулся, выискивая Панюшина.

Юрий недобро улыбнулся. Никак соскучился капитан.

Спускались долго. Юрий насчитал добрый десяток остановок. Наконец ноги нащупали бетонный пол нижнего этажа. Юрий неохотно отлепился от ставшей родной лестницы. Уходить в темноту не хотелось совершенно, но сверху уже спускался Козьявка.

— Где генераторная?

Панюшин пожал плечами. Ему-то откуда знать?

Козулин выругался. Мудаки из центра давали информацию дозировано, можно подумать от себя отрывали по крупинке — приходилось соображать на месте.

— Ладно, разберемся... Игнатенко!

— Здесь...

Козьявка хмыкнул.

— Понятно, что здесь. Где ж еще? Задача — обеспечить освещение. Ищи генераторную — вот этот мудак тебе в помощь.

Под мудаком, знамо дело, подразумевался Панюшин. Юрий вздохнул — нездоровый цинизм капитана утомлял.

— Есть.

— В жопе шерсть. Выполнять...

Осназовец нырнул в темноту. Семь лучей света пронзали ее, но не в силах были рассеять полностью. Юрий послушно поплелся за Игнатенко. Тот ловко перебирал ногами, высматривая сквозь компьютеризированный прицел винтовки неведомых врагов. По мнению Козулина, они таились во мраке нижнего яруса. Если бы спросили у Панюшина, тот, скорее всего, признал, что здесь нет ни души. Не считая семерки неудачников, рыскающих сейчас в поисках приключений на свои особого назначения задницы.

Нижний ярус тянулся в обе стороны от платформы. Сейчас платформа была наверху, поэтому ярус разделила неглубокая шахта лифта. В шахту можно было спуститься по лесенке. Игнатенко показал рукой в дальнюю сторону.

Панюшин кивнул. В шахте стояла черная вода, отчего казалось, что они находятся на берегу квадратного озера. Ступеньки уходили в воду, словно приглашая искупаться. Юрий осторожно посветил — дна не видать. Впрочем, должно быть неглубоко — там, на дне установлены демпферные пружины. Судя по толщине платформы, последняя проседала где-то на метр ниже уровня пола, следовательно, общая глубина шахты не больше двух метров.

Лезть в воду не хотелось. Осназовец и Панюшин переглянулись и поняли друг друга без слов.

— Ну что там? — Козулин широко расставил ноги, отчего его коренастая фигура казалась еще более угрожающей.

Юрий оглянулся.

— Сей момент, герр командор...

— Яйца оторву — спокойно пообещал Козулин.

Игнатенко вздохнул.

— Этот оторвет... — Панюшин подмигнул осназовцу, но тот все равно ничего не увидел, махнул рукой и, выругавшись, с отвращением опустил в вонючую воду.

Как оказалось подсчеты Панюшина верны. Игнатенко брел по пояс в воде, оставляя руками расплывающиеся круги. Панюшин поморщился и подошел к лесенке. Три ступеньки вниз — Юрий отсчитал их, погружаясь в ледяное озеро.

Выбрались мокрые и злые. Дальше коридор расширялся. Лучи фонарей выхватывали вертикально стоящие баки, с обвивающими их трубами. Трубы извивались огромными железными змеями, уходя к потолку. Накопительные резервуары что ли...

Коридор вывел в прямоугольный холл, который прямо посередине пронзала шахта вспомогательного лифта. Обойдя бетонные стены шахты, Юрий заметил, наконец, железную

дверку генераторной. Внутри было тесно, у пульта управления валялся прогнивший стул. Панюшин посветил — множество различных кнопок, рычажков... а вот и главный рубильник.

— Идем.

Они вернулись в холл. В левой стене обнаружился высокий проход. Игнатенко махнул рукой:

— Чисто...

Проход вывел в машинный зал. Огромные баки с топливом были полны — Юрий постучал гвоздодером и удовлетворенно кивнул, услышав глухой звук. Динамо-машины на первый взгляд выглядели рабочими.

— Ну что... поехали.

Панюшин указал на пусковой двигатель. Осназовец ухватился за рычаг запуска. Дернул. Двигатель чихнул.

— Еще...

Игнатенко ухватился за рычаг, словно собираясь вырвать его ко всем чертям. Дернул сильнее. Есть...

Пусковой двигатель наполнил комнату громким басовым рыком.

— Посвети...

Панюшин внимательно посмотрел на работающий двигатель. Вроде бы все, как и должно быть.

— Следующий...

Они запустили все шесть двигателей. От рева закладывало уши. Ладно, пора... Мысленно перекрестившись, Юрий включил передачу. Двигатели зарычали, захлебываясь от натуги. Где-то там, за бетонной стеной, сдвинулись огромные, тщательно отбалансированные маховики. Еще несколько мгновений, и под ногами дрогнул пол.

Юрий рванул ручку декомпрессора — пусковые двигатели обиженно всхлипнули и умолкли. Они были больше не нужны — в машинном отделении, там, за стеной, заработали, наконец, огромные двигатели. Еще немного, и многотонные маховики раскрутят приводы генератора, выведя последний на рабочую мощность.

Дело оставалось за малым. Они вернулись назад, в комнату управления генераторами. Пульт ожил — переливался сигнальными лампочками, шкалы приборов светились ровным зеленоватым светом, стрелки медленно, но уверенно уходили вправо, показывая увеличение мощности. Еще самую малость, и...

— Да будет свет! — Панюшин дернул рычаг главного рубильника.

Что-то ухнуло у них за спинами, заставив одновременно оглянуться. Стрелки приборов дернулись было, к началу шкалы, но тут же вернулись обратно.

И вокруг стало светло.

* * *

Вообще Панюшин мастак попадать в разные непростые ситуации.

Что делать, и кто виноват? Ответ на эти два вопроса равноценен обретенному смыслу жизни.

Так думает Панюшин, и так, наверно, оно и есть на самом деле.

А там кто его знает...

Неприятности никогда не обходили Юрку стороной. Так, однажды, возвращаясь с работы, встретил Юрка Бугая.

Пашка заматерел. Раздался в плечах, а мышцы казалось, выпирали отовсюду. Впрочем, Панюшину что — скользнул безразличным взглядом и пошел дальше, по своим делам. Там, в золотистом сиянии было много чего интересного, только ничего с собой не забрать. Вот и внушительная Пашкина фигура не произвела никакого впечатления на Панюшина — не помнил он его, хоть убей.

Впрочем, Бугай все равно окликнул первым:

— Эй, доходной, куда пошел?

Юрий остановился. Остатки сноровки поддерживали самоуважение — в последнее время Панюшин обрел смысл в нехитрых потасовках. Хотелось выплескивать из себя ярость маленькими порциями, иначе он просто не мог. Ярости хватало с избытком — она заполнила ту часть, что осталась в сиянии. Отсутствие воспоминаний бесило само по себе, но как бы там ни было, кулаки чесались.

Видимо что-то такое почувствовал и Бугай, отчего тут же сбавил обороты. Подошел танцующей походкой, и ожегся о вопросительный взгляд. Остановился в полуметре, не зная, что делать дальше.

— Хотел чего? — Юрий выплюнул из себя эти два слова, уже заранее примеряя разбитые костяшки кулаков к широкой переносице Бугая.

— Панюшин, ты чего? — удивляться было поздно.

Что-то показалось знакомым в почти незнакомом облике, и Бугай, почувствовав это, попятился. Панюшин же наоборот, потянулся навстречу, сам не зная, отчего сжимая кулаки. В ушах громко щелкнуло, и остатки сияния на миг всколыхнулись в голове. Как будто морская волна отхлынула от берега, оставив на мокром песке вязкую тину, битый ракушечник и отшлифованные до матового сияния бутылочные осколки.

Перехватив обалдевший Юркин взгляд, Бугай понял все. Рука сама потянулась к поясу, но Юрий предугадал это движение, и рванулся навстречу. Пашкино лицо еще хранило остатки радостного выражения, когда сильные Юркины руки сомкнулись на мускулистой шее.

— Кто ты? — Панюшин шипел, брызгая Пашке в лицо. Бугай даже не собирался освободиться из захвата. Он посмотрел на Панюшина, его губы чуть шевельнулись.

Панюшин затрясся. Он почувствовал, что еще немного, и окончательно потеряет контроль. Уже сейчас ему хотелось рвать сильными руками чужую плоть, как тогда, когда синяя жилка пульсировала на теткиной шее, а капельки пота сбегали по жировым валикам бывшей талии.

Мир качнулся, и Юрию на мгновение показалось, что его сейчас вырвет. Он с трудом удержал рвотный позыв, но Бугай, очевидно, почувствовал Юркино состояние. Он захрипел, пытаясь, что-то сказать.

— Не слышу... — Юрий ослабил хватку.

И тогда Бугай сказал.

И был свет. И была радость в глазах командира спецотряда «Челябинск». Вернувшиеся Игнатенко и Панюшин предстали пред благосклонным взором капитана, и были поощрены улыбкой.

Гвоздодер Панюшин решил пока попридержаться. Чем черт не шутит, вдруг и в самом деле придется вскрыть кому-нибудь черепную коробку. С некоторых пор содержимое головы капитана Козулина стало чрезвычайно интересовать Панюшина. Покопаться бы в хитроумных извилинах капитана.

— Ну что, Панюшин, о чем задумался герой? — Козулин как всегда был на высоте. — Держи план...

Обалдевший Панюшин, дрогнувшей рукой взял сложенный в несколько раз тетрадный листок. На нем, от руки был начертан план нужного им уровня — того самого, на котором располагались первая и вторая лаборатории.

— Минус первый этаж — со значением произнес капитан. — Ну что обмер? Вызывай транспорт...

Пульт управления висел на проводе — точная копия найденного наверху, на техническом этаже. Юрий осторожно взял его в руки. Палец надавил на кнопку, в ней зажегся рубиновый индикатор, а сверху раздался тихий гул — это начала неспешный спуск платформа грузового лифта.

Пока опускался лифт, Юрий осматривался — в тоннеле было не так уж и светло, как показалось поначалу. Некоторые светильники не горели, отчего на бетонном полу световые пятна чередовались с овалами темноты. Казалось, что в темноте срываются неведомые твари, но на самом деле это было не так — Панюшин как мог, протянулся во тьму, но никого там не нашел. Просто воображение, ничего больше. Юркина убежденность не коснулась бойцов отряда — осназовцы заметно нервничали, без всякой нужды держали оружие наизготовку, готовые дать отпор невидимому врагу.

Тоннель оказался практически пустым — не считая участка с резервуарами там, на другой стороне, за лифтом. В обеих боковых сторонах виднелись металлические двери — очевидно от главного тоннеля отходили вспомогательные коридоры. Юрий наудачу дернул ближайшую — заперто. Ну да ладно, не его забота — главное там, в лабораториях, как сказал голос в трубке.

Подъехал лифт — Юрий не без опаски вступил на металлическую платформу. Отошел подальше от края — осназовцы во главе с Козьявкой последовали его примеру.

— Поднимай... — капитан Козулин был предельно лаконичен.

— Поехали — Юрий нажал на верхнюю кнопку. Пол дрогнул, и платформа поползла вверх.

Бортик платформы доходил Юрке до пояса, Панюшин представил как не так давно, его откидывали, и тягачи завозили большие деревянные ящики с оборудованием, сустились люди в белых халатах, а в закрытых уровнях, в секретных лабораториях творились чертовски странные...

— Приехали, тормози!

Юрий машинально вдавил кнопку в пульт. Платформа убавила ход. Находясь между уровнями, нужно было поймать нужное положение платформы — от этого зависело, где остановится лифт.

— Спишь что ли, еб твою... — Козулин недовольно взглянул на Юрия.

Юрий почувствовал приятную тяжесть гвоздодера в руке, и мысленно послал капитана

подальше. Но очень осторожно — да и не послал... просто, захотел на миг, чтобы с тем произошло что-нибудь нехорошее.

Вообще Козулин пугал своей непредсказуемостью и страшно огорчал солдафонской грубостью. Не то чтобы деликатная Панюшинская натура страдала от этого, просто, если каждый мудака начнет кичиться своей мудаковатостью, наступит полный неуправляемый хаос. Хаос Юрий не любил, он любил порядок — когда каждое воспоминание находится на своем месте, и в любой момент может быть доступно для обозрения. А не так как сейчас — выплывают какие-то отдельные фрагменты, не желающие выстроиться в одну картину. Память словно бегает по кругу, время от времени выпрыгивая на новый виток, чтобы вновь закольцевать воспоминания.

Впрочем, не для этого ли он здесь — чтобы разложить все по полочкам, чтобы каждое мгновение его непутовой жизни заняло предназначающееся ему место? Вспомнить все — значит, найти самого себя.

— На выход.

Минус первый этаж. Выше — нулевой, технический, уставленный ящиками и оборудованием. Даже отсюда, сквозь отверстия в потолке виден тусклый свет — скоро батареи разрядятся, и автоматика подключит их на подзарядку и переведет этаж на общее питание.

Сразу же у платформы, начиналась широкая площадка. Если остальные уровни спецобъекта представляли собой узкие тоннели, то этот отличался от собратьев. Справа, за стеклянной перегородкой, располагался вычислительный зал — сквозь пыль виднелись выключенные мониторы, в высоких прямоугольных ящиках стримеров чернели бобины.

От площадки во все стороны расходились широкие коридоры. Юрий развернул листочек — на плане нетвердым Козулинским почерком были нанесены обозначения коридоров и комнат. Интересно, откуда информация?

— Информация верная, не сомневайся — капитан, как всегда неслышно подошел сзади, и заглядывал через плечо.

— Мне то что? — Юрий равнодушно пожал плечами.

Козулин хмыкнул.

— А... ну-ну...

— Туда — показал пальцем Юрий.

— Знамо дело — загадочно ответил командир спецотряда и махнул рукой.

Проходя мимо вычислительного центра, Юрий против воли замедлил шаг. Оглянулся, ожегся об насмешливый взгляд капитана.

— Заходи чего уж там... Мы ж не звери!

— Я... быстро... — пролепетал Панюшин.

— Ага. На вот тебе... подарочек — Козулин метнул в сторону Юрки плоский предмет.

Юрий машинально поймал его. Предмет оказался картонной коробкой. Панюшин торопливо оторвал клапан — внутри обнаружилась магнитофонная бобина.

— Что там?

Вопрос повис в тишине минус первого уровня. Молчали бойцы спецотряда осназа, улыбался широкой, нехорошей улыбкой их командир.

— Там то, что ты ищешь, мудило — разлепил, наконец, губы Козулин. — Не все, но многое...

Панюшин прижал бобину к груди. Глаза защипало.

— Ну только не плачь, милая... Ну не надо, слышишь? — комично пропищал капитан.

Козулин вытащил из воздуха носовой платочек — сиреневые цветочки на нем выглядели издевательски.

— Сейчас мы носики оботрем, и все будет заебись...

Юрий вяло отмахнулся. Проехали...

— Как скажешь, крошка — спрятал платочек Козулин и добавил нормальным голосом. — Давай уже, только быстро...

Панюшин толкнул стеклянную дверь. Внутри оказалось пыльно. Ну и куда можно приспособить чертову бобину?

— Магнитофон в углу — крикнул через стеклянную перегородку Козулин.

Ага, вот он. Юрий вытащил магнитофон, взгромоздил его на стол, предварительно смахнув пожелтевшие листы бумаги, исписанные мелким почерком. Закрепил бобину. Отмотал немного пленки, вставил в щель головки звукоснимателя. Закрепил конец пленки в пустой бобине, вытер испарину со лба.

Ну, с богом!

Тьфу ты, забыл включить магнитофон. Надо же...

За стеклянной перегородкой скалится всепонимающий и всепрощающий капитан Козулин, а под столом ноги нащупывают розетку удлинителя. Панюшин воткнул в нее вилку магнитофона — внутри деревянного корпуса загудело, зажглась лампочка питания.

Вот теперь точно, с богом!

Бобины дернулись и завертелись. В динамиках зашуршало, зашипело. Тонкий, неприятный голос доктора Мезенцева произнес:

— Блок первый...

* * *

Память Панюшина подобна черному ящику. Никогда не знаешь толком, что можно в нем найти. Под руку лезет разная дрянь, как ни старайся, не извлечь ничего толкового. Словно кто-то забрал по кусочку от каждого воспоминания — вроде бы и много всего, но все какое-то... неполное.

Это бесит Юрку.

* * *

И тогда Бугай сказал... впрочем, неважно, что он сказал. Всего лишь несколько слов, но каждое из них било по голове молотом. Большим железным молотом.

— А теперь руки убрал! — процедил Пашка, и Юрий к своему удивлению послушался.

В голосе Бугаева было что-то такое, от чего подгибались колени, и хотелось беспрекословно выполнять каждое требование.

— Вот так-то лучше, гнида стоеросовая — в ненавистном голосе чувствовалось удовлетворение. — Пойдем потихоньку, не оглядывайся...

Бугай увлек Юрку за собой. Они вышли к школьной ограде. Бугай оглянулся и поманил пальцем — Юрий следовал за ним, потихоньку перебирая ослабевшими ногами.

По периметру футбольного поля были вкопаны до половины автомобильные покрышки, покрашенные в разные цвета. Бугай указал на ближайшую. Юрий послушно уселся, Пашка подошел поближе и встал перед ним так, что нос Панюшина чуть ли не упирался в выпирающий пах Бугая.

— Сиди тихо — предупредил тот.

Впрочем, сейчас Юрке даже в голову бы не пришло сделать что-либо самостоятельно. Бугай оглянулся — никого. Обычно в это время школьная ребятня гоняла мяч после занятий, но сегодня юные футболисты, очевидно, нашли другое, более нужное занятие. Тем лучше.

Бугай внимательно рассматривал сгорбившегося на колесе Юрку. Перелом не мог не сказаться на судьбах людей — сейчас не время искать виновных. Но и случайная встреча наводила на определенные размышления — в том числе была ли она такой уж случайной? Сейчас Пашке нужна была информация, и существовал только один способ ее получения. Сейчас прямо перед ним сидел источник той самой, что ни на есть нужной и важной информации. Вот только почему в глазах этого недоноска пустота?

— Говори... — Бугай перечислил все то, что, по его мнению, было необходимым узнать от Панюшина, и присел на корточки, всматриваясь в Юркино лицо. Ну и харя, никакого проблеска мысли в глазах...

Юрий сжался. Пашкины слова вызывали какой-то непонятный внутренний протест. С одной стороны он готов был отдаться с потрохами обладателю сего чудного голоса, с другой — часть сознания вскипала при мысли о том, что Бугай вот так вот, запросто, получит желаемое, к которому у самого Панюшина, не было доступа.

— Ну? — заволновался Пашка.

Панюшин захрипел. Он дергал головой, чудом удерживая равновесие. Бугай вскочил на ноги, и теперь нависал над ним, контролируя каждое движение. Юру затрясло, на губах появилась пена.

— Черт! — зарычал Пашка. — Стой, стой... Уймись, ну!

Панюшин затих, и начал медленно сползать с колеса. Бугай ухватил его за плечи.

— Сиди спокойно! Где живешь?

Юрий ответил. Бугай задумчиво пошевелил губами — работы по проекту свернуты, следовательно...

— Мля... — только и смог прошептать он.

Мысль, только что пришедшая в голову, обжигала огнем — холодным и страшным. Бугай с трудом отогнал ее.

— Все, все... вставай...

Он помог Юрке встать. Панюшин пьяно покачивался — Пашке пришлось придерживать его.

— А теперь слушай внимательно — Бугай оглянулся и приблизил свое лицо к Юркиному. — Слушай и запоминай...

* * *

— Блок первый...

Тишина, нарушаемая треском помех. Затем вой пилот-тона и заголовочный блок:

— Тиинининь... трр...

Снова пилот-тон и блок данных:

— Тиинининь... трррррррррррр...

Панюшин медленно открыл рот, но уже было поздно.

Старый, давно не используемый но, тем не менее, по-прежнему действенный способ передачи информации. Той самой, забыть о которой мечтало множество людей — самых разных, объединенных одной целью.

На цель Панюшину было плевать — он видел свет.

Не тусклый свет люминесцентных ламп на потолке, не дрожание резервных светильников технического этажа — настоящий, яркий, обжигающий. Свет растворял в себе остатки Юркиного разума, просвещал насквозь.

По мере того, как перематывалась пленка с одной бобины на другую, Панюшинский разум наполнялся новым смыслом. И свет становился все ярче, жестче. Он обжигал мысли, от него хотелось умереть. Собственно это и было маленькой смертью — сейчас Юрий не думал, не существовал. Свет подменил собой смысл существования.

Его было много, куда больше той тьмы, что раньше пугала, а теперь стала почти родной. В темноте можно было все, там он был всемогущ. Для света же, все его могущество оказалось не стоящим ничего.

Свет был жесток. Он пронзал Юркину сущность, подменял ее своей решимостью. Панюшин барахтался в нем, умирая и воскресая вновь.

— Блок второй...

Пронзительный вой пилот-тона — сигнала для синхронизации приема-передачи, потом заголовочный блок с информацией: что да зачем да для чего...

И:

— Тиинининь... трррррррррррр...

Света все больше. Он причиняет страдания. Сжигает дотла, чтобы возродить вновь.

— Блок третий... четвертый... пятый...

Голоса...

Вначале еле слышные, они становятся громче. Говорят вразнобой — сразу и не разобрать.

Или нет — это свет пытается говорить с ним. Нужно только не сопротивляться и слушать. Слушать внимательно, не отвлекаясь на боль и прочие ничего не значащие мелочи. Голос поможет... он не может не помочь!

И огненная вспышка, от которой сгорают нервные окончания. И вообще все, что только может сгореть — все то небольшое, что осталось от Панюшина.

Ох, Юрка — многие знания таят в себе печаль. Ты сам на себе проверял эту нехитрую мудрость, описанную в тысяче книг, повторенную в тысяче слов — так отчего же тоскливо сейчас, когда не осталось ничего?

— Тиинининь... трр..., тиинининь... трррррррррррр...

Эх, Юрка, Юрка!

— Блок восьмой...

Свет не постоянен — он изменяется во времени. Меняется яркость. Нет, он вовсе не становится тусклее, наоборот — с каждым мгновением его все больше и больше. Странно, как такое возможно — ощущать его присутствие, ведь даже мельчайшие крохи разума сгорели в той вспышке.

Хотя... сейчас она кажется полуночным отражением луны в стоячей воде.

Да — этот свет стал еще ярче, он уже не пронзает — он уносит прочь. Не то в ад, не то еще дальше...

— Блок одиннадцатый...

Ты давно уже умер — еще тогда, когда доктор Мезенцев ввел в вену каплю золотистого сияния. Все, что было потом — бред умирающего мозга. Ты веришь в это, потому что быть мертвым намного легче, чем жить вот так, умирая ежесекундно на протяжении целой вечности. Пускай она и поделена на блоки. Вот кстати:

— Блок двенадцатый...

В этой вечности светло — чего-чего, а света здесь с избытком. И никуда, понимаешь, не скрыться — все на виду. Ну, так что, Юрок? Есть ведь чего скрывать сукин ты сын?

Ничего, всему придет время, потому что:

— Тиинининь... трррррррррррр...

А еще свет опять стал ярче. Настолько ярче, что ты различаешь в нем крупинки темноты — в этих местах свет был настолько ярким, что само пространство не выдержало, выгорело ко всем чертям.

Вот так-то, а вот еще:

— Блок пятнадцатый...

Крупинки ширятся, и ты не радуешься темноте — эта не та темнота, что привечала тебя. Это смерть, что бродила за тобой по пятам с самого первого дня. Хотя... ты ведь и так мертв, не так ли?

Наконец долгожданная тишина...

Все Юрка — свет умер вместе с тобой. Вставай сукин сын, открывай глаза.

* * *

— Слушай и запоминай — сказал Пашка.

И Юрий слушал. И запоминал, конечно же, — куда деваться.

И несся потом, не чуя ног под собой — спешил домой, к старухе самогонщице, чтобы выполнить первое поручение Бугая. Какое поручение? Гм, ну это секрет, не то чтобы большой, но и не маленький. Старухе бы поручение не понравилось точно, хе-хе...

Юрий перебегал дорогу, бормоча под нос. Он что-то тихонько спрашивал и сам себе отвечал разными голосами. Подхихикивал в предвкушении. Так замечтался бедолага, что не услышал рев клаксона.

И даже потом, когда мир завертелся в глазах, а асфальтовое покрытие то приближалось, то улетало ко всем чертям, а тело стало враз невесомым — даже тогда Панюшин искал точку опоры, чтобы оттолкнуться, чтобы преодолеть, наконец, несчастные сотни метров, что отделяли его от заветной мазанки.

Мир не останавливался — вертелся гад, рассыпался цветастыми фрагментами — мелькали незнакомые лица, кто-то на кого-то кричал, выла сирена скорой помощи.

Панюшин упрямо отталкивал руки, что лезли в лицо, пытаясь щупать, теревить, отвлекать от поставленной цели. Он злился, кричал что-то несусветное, называл фамилии, звал кого-то по имени-отчеству, а потом и вовсе понес такую чушь, что вытянулись лица у прибывших на место происшествия работников скорой помощи — и побежали они перепуганные звонить куда следует, и уносили его торопливо, подальше от любопытных

глаз.

Машина неслась по улицам города; руки в резиновых перчатках умело переломили ампулу, и тонкая иголка шприца проткнула огрубевшую Юркину кожу.

А потом уже была темнота, в которой раздавались голоса. Вернее не так — сначала была тьма, и потом уже ее отделили от света. Света оказалось много, и уже из него раздавались голоса.

Два голоса — знакомый и не очень.

* * *

— Живой?

Панюшин неохотно разлепил веки. Носки ботинок командира спецотряда оказались заляпаны дерьмом. Вернее один носок — второй покачивался в воздухе. Козулин сидел на стуле, заложив ногу за ногу. В руках он держал подобранный с пола листок. В глазах капитана светилось нездоровое любопытство.

— Слушай, Юрка, тут такого понаписано — ни хрена не разобрать. Например — что такое «оператор реальности»? Не знаешь?

Юрий оттолкнулся от грязного пола. С трудом принял вертикальное положение.

В глазах все плыло, из носа потянулись к подбородку две кровавых дорожки. Уши заложило, отчего все звуки казались отраженными от множества поверхностей. Панюшин машинально поднес руку — вот черт, из ушей тоже текло. И только увидев кровь на пальцах, Юрий тихонько завыл:

— Суки... твари!

Козулин нахмурился.

— Хорош придуриваться. Вижу же, — все в порядке!

Панюшин не ответил. Он покачивался в стороны, уставившись безумным взглядом в пространство.

Козулин зевнул. Равнодушно смял листок и бросил его на пол. Потянулся.

— Мля, как же долго-то! Засиделся... Час почти ждали тебя мудака. Ладно, вставай уже... меломан.

Вычислительный центр представлял собой продолговатое помещение. В несколько рядов стояли столы без ящиков, уставленные остатками аппаратуры — все как один треснувшие мониторы с пожелтевшими корпусами, покрытые пылью системные блоки компьютеров с выломанными платами, обрывки проводов там и тут — кто-то основательно постарался привести в негодность все оборудование центра.

Юрий сидел, упираясь коленями в холодный бетон — пластиковое покрытие пола оказалось местами содрано, словно неизвестные разрушители искали нечто важное, ради чего стоило поднапрячься. Крови было немного — всего-то несколько капель, застывших на полу бурыми пятнами. Отчего же тогда так страшно? Панюшину казалось, что сама жизнь выходит из него, вытекает кровавыми дорожками, пачкая щеки и подбородок.

Голос в трубке определил контрольные точки — первая и вторая лаборатории. Уже сейчас, Панюшин догадывался о том, что найдет там. Он ухватился за краешек ближайшего стола и попробовал подтянуться.

— Ух, ты! — подал голос капитан. — Уже лучше. Ну-ка, Юрка, соберись!

Панюшин ухмыльнулся. Похожие пожелания, только в разных интерпретациях, он слушал всю жизнь. Вот только следовать им получалось не всегда. Сейчас именно нужно собраться, но как сделать это, когда в ушах гул, в глазах серая муть, а в теле поселился чужак, который решил взять на себя управление мышцами, но при этом совершенно не соображает, как правильно осуществлять задуманное.

Он попробовал еще раз. Стол дрогнул и закрипел, принимая тяжесть Юркиного тела. Панюшин скосил глаза — гвоздодер лежал на полу. Жаль не дотянуться сейчас. Ох, капитан, капитан — улыбнись что ли. Ты же сам обещал, что придет время веселиться. Что-то подсказывает Юрке, что это время на подходе. Дайте только сообразить что к чему.

Или хотя бы подняться с гребаного пола.

Он ухватился обеими руками за угол стола. Ну-ка старик, поддержи на время непутового товарища — и ты, и я лишь обломки прошлого. Сейчас только, отдохну немного...

Мир менялся в глазах, неизменным было только одно — присутствие ненавистного капитана. Тот уже давно встал со стула и наблюдал за попытками Юрия, даже не думая помочь. Издевался гад.

Юрий встал на ноги. Ну, как сказать встал — уперся локтями в грязную столешницу, ухватившись пальцами за край. Гул в ушах и не думал стихать — просто поменял тональность, стал тоньше, противнее. Ноги дрожали, словно отвыкли от тяжести тела, во рту появился кислый привкус, а на лице хитрая улыбка. В одном командор-Козьявка не соврал — на бобине оказалось многое, но к счастью не все.

Только сейчас, приняв более-менее устойчивое положение Юрий понял — его обвели вокруг пальца. Гул в ушах начал стихать, но сотни голосов ворвались в уши — достойная замена. Некоторые из них были смутно знакомы, но среди них не было того, единственно нужного — голоса, который мог бы объяснить, где искать недостающее. Голоса, который звучал в трубке телефона.

Воспоминания Панюшина — россыпь разноцветных картинок-пазлов. Собрать из них нечто цельное — задача не из легких. Да и занятие это, наверняка раздражает — но иного способа обрести себя, у него нет.

Копаться в воспоминаниях — дело неблагодарное. Никогда не знаешь, что отыщешь. Вот и Юрка не знает.

* * *

Свет и голоса в нем. Спорят о чем-то, переругиваясь хриплым шепотом. Пахнет лекарствами и хлоркой — самое плохое сочетание запахов, какое только можно представить.

Юрка разлепил глаза — блестящий кафель на стене. Стыки между кафельной плиткой грязно-серого цвета. Кафель не новый — видны трещинки и бурые пятнышки засохшей крови. Их не много — можно даже попробовать сосчитать.

Руки надежно зафиксированы кожаными ремнями. Панюшин попробовал приподнять голову — это ему почти удалось. Ноги оказались тоже связанными. Вот так влип...

Голоса не унимались:

— ...не будем спорить. Мы все работаем на один результат!

— Результат? Да, результат впечатляющ, иначе и не сказать... Что там у нас в сухом остатке, напомнить?

— Слушать вашу демагогию? Увольте...

— Нет уж, я скажу... Раз уж речь зашла о результате вот вам — масштабные разрушения на территории спецобъекта, я не говорю уже об инструментарии, бог с ним. Но утрата теоретической базы исследований... А еще — ключевые объекты в состоянии коллапса, оставшийся в живых персонал невменяем, и это только малая часть, выраженная локально. А глобально?

— Послушайте, ваша теория насчет перелома заслуживает всяческого уважения, но давайте вернемся к тому, что имеем.

— О, имеем мы действительно очень много! Кстати, что у нас с сегментами по ключевому объекту?

Пауза.

— Доктор, вы сами отлично все знаете... И вообще...

— Надеюсь, вы не собираетесь вспоминать о том случае?

— Не волнуйтесь, профессор, я не любитель дешевых приемов. Вот только...

— Сразу хочу сказать, простите, что перебиваю...

— Ну?

— Операция не даст стопроцентную гарантию...

— Ну, так что теперь?

— Имейте в виду — я настаиваю на полной санации. Полной!

Голоса стали тише. Юрий повернул голову — небольшое помещение операционной заливал свет бестеневой лампы. В помещении двое — доктор в белом халате, перебирает

инструменты в эмалированной кювете, второй, незнакомый Юрке, расселся на стуле, ковыряет пальцем в зубах. Голова стрижена накоротко, по-военному.

— Не будьте кровожадным доктор, ни к чему губить превосходный материал...

— Вы никогда не соглашались со мной. Когда я говорил, что все пойдет прахом, тогда...

— Полноте, профессор. Я сам не сторонник полумер, но в данном случае есть маленький шанс на возврат.

— Вы шутите?

Доктор отставил инструменты и с любопытством взглянул на незнакомца.

— Вовсе нет. Перелом еще не означает потерю всего. Считайте это временным изменением курса. Более того, скажу по секрету, — есть мнение, что перелом это что-то вроде оздоровления.

— Ну да, ну да... А всеобщий крах — проявление этого мифического оздоровления? В общем, свое мнение относительно материала я донес до руководства, что там считают наверху не мое дело, это в общем, а что касается этого конкретного сукина сына в частности — сделаю согласно решению. Но, как я уже сказал, результат не гарантирован.

— Короче, профессор. Не будем терять время. Работайте...

Доктор (Мезенцев?) пожал плечами.

— Берите халат, будете ассистировать.

Коротко стриженный покачал головой.

— Сами, профессор, сами.

— Что так?

Стриженный не ответил.

— Имейте в виду, нас здесь двое. Работать без ассистента я не смогу. Вам напомнить, что я не просил привозить его сюда?

— Ситуация профессор... Никто не виноват, если вам так будет легче. Ключевой объект вышел из «спящего» режима, что теперь?

— Крови боитесь? — скривился доктор.

— Нет, не боюсь — спокойно ответил незнакомец. — Особенно чужой. Давайте не будем искать причины, пусть каждый делает свое дело...

— В таком случае, повторяюсь еще раз — результат не гарантирован. Тем более после аварии!

Стриженный пожал плечами.

— Помогите хотя бы перетащить его на операционный стол.

— С удовольствием, профессор... О, кстати, наш красавец очнулся.

Незнакомец подошел к лавке, присел.

— Ну что Юрка, готов к переменам?

Доктор хмыкнул.

Панюшин сглотнул. В голове все перемешалось — свет сбивал с толку. Тьма всегда была более благосклонна к нему, сейчас ее не доставало.

— Ну?

— Кто вы? — прохрипел Панюшин.

Слышимость была отвратительной — голос с трудом пробивался сквозь помехи. Панюшина мутило, в спине и ногах поселились злющие осы, которые при каждом движении втыкали в тело ядовитые жала. Ко всему в придачу, болели глаза и уши. Даже слабый свет ламп обжигал, не давая сосредоточиться на главном. На голосе.

— Алло?

— А вот и наш герой нарисовался... Ну здорово! Как оно ничего?

— Херово — простонал Панюшин.

Тонкий писк, и громкий шорох, как будто кто-то решил протащить через трубку бумажное полотенце. Голос ответил.

— Что? — не расслышал Юрка.

Пятнадцать минут назад он сумел оторваться от спецотряда «Челябинск» и теперь прятался в плохо освещенном коридоре на одном из уровней. На каком именно, он не знал — убегая Юрка с трудом удерживал рассыпающееся сознание, лишь мимоходом отмечал проносящиеся мимо пустые коридоры, ржавые лестницы. Уже то, что он здесь один — маленькое чудо. Где-то рыщут озлобленные осназовцы, рвет и мечет капитан Козулин, отчаянно ругая проштрафившихся бойцов.

Юрке-то что — его дело малое. Ушел ведь, ушел сукин сын. Чудо, иначе и не сказать...

— Не слышу!

— ...ся, ур...!

— Что?

— Мля, ты реально заебал! Иди уши почисти, мутило...

— Пожалуйста...

— Наша песня хороша — начинай сначала.

Панюшин выругался.

— Что? — удивленно протянул голос.

— Ничего — Панюшин прикрыл глаза.

Чей же это голос? Не сообразить сразу. Там, в вычислительном центре, во время прослушивания, что-то на миг промелькнуло в сознании и тут же исчезло, обоженное вспышкой.

— Ох, Панюшин, Панюшин — засмеялся голос в трубке. — Сказать тебе, так не поверишь...

Юрий отмахнулся от голоса.

— Что здесь происходит?

— Ты что, до сих пор еще не понял? — удивился голос. — Вроде бы пора начать соображать, хотя согласен, это слово к тебе неприменимо.

— Контрольные точки... — начал, было, Панюшин, но голос не дал закончить:

— Забудь. Твои новые друзья уже давно там побывали. Да ты и сам все видел.

Панюшин кивнул. Он ушел в отрыв сразу же после посещения лабораторий. Увиденное там послужило толчком — он еще сам не понял что к чему, но где-то в подсознании маленькие кусочки головоломки встали на место с пронзительным щелчком.

— Верно — согласился голос. — Уже теплее...

Остались еще несколько вопросов, и Юрий не знал с чего начать.

— Смелее — подбодрил голос.

— Что мне делать? — выдавил из себя Юрка, и тут же почувствовал, как щеки обдало жаром.

Наступила тишина. Вернее шум помех никуда не делся, просто голос затих, очевидно, находясь в ступоре от Панюшинской тупости.

— Приплыли... — пробормотал, наконец, голос. — Прав был покойный Мезенцев — потенциальных дебилов нужно абортировать на ранних сроках.

— Не понял? — заволновался Панюшин.

— Кто бы сомневался... Скажи-ка друг Панюшин, неужели ты и в самом деле думал, что все останется как есть?

— Я...

— Заткнись мудило и не перебивай старших!

Панюшин послушно заткнулся.

— Значит о чем я... гм, так вот — перелом еще не означает потерю всего. Были временные трудности на пути осуществления поставленных задач, в связи с которыми пришлось отложить (на время Панюшин, только на время!) разработки в рамках проекта... Я не слишком сложно объясняю?

Юрий мотнул головой, как будто собеседник мог его видеть.

— Еще как могу — развеселился голос. — Почему сейчас сам поймешь... Кстати, это чудное время еще не наступило, нет? Жаль... Так вот — есть мнение, что некогда отложенные задачи требуют своего выполнения. Теперь понятно?

— Не совсем... Я...

— Мля... — разозлился голос. — Панюшин, ты дебил! Ты шизофреник, мать твою, ясно?!!

Юрий стиснул зубы.

— Пожалуйста, я прошу... Все сделаю, только...

— Что ты сделаешь, мудило? Да ты посмотри, наконец, на себя со стороны. Ты дегенерат — и даже не в состоянии осознать этот простой факт.

Панюшин открыл рот. Что-то менялось там, в глубине его разума. Возможно, те самые кусочки воспоминаний возвращались на свои места, встраиваясь в одну общую картину Панюшинского бытия. И голос... еще мгновение и Юрка сообразит, чей он...

— Сообразит... — задохнулся от смеха голос. — Ну и урод, я просто не могу! Соображай лучше, как дальше быть — или думаешь, Козявка тебе просто так бобину подсунул?

Тут и соображать было нечего — мифический интерес капитана на глазах съеживался до банального выполнения приказов. Чьих? — уже другой вопрос. Не все так гладко в королевстве битых зеркал — перелом никто не отменял, но и надеяться на отсутствие интереса к своей персоне — верх наивности. Что-то будет, ох будет — дайте только сообразить что.

— Ух, ты! — восхитился голос. — Наш герой научился думать копчиком. Какие замечательные выводы! Как там, в документации — теоретическая часть по своему содержанию, и возможно даже значимости, заметно уступает практической, так ведь придурок?

Панюшин не ответил, он лихорадочно соображал. Ведь может сложиться ситуация, когда различные интересы находятся в одной плоскости, и тогда... мысль, пришедшая в голову обжигала похлеще давешнего света.

— Значит... — пробормотал Юрий. — Значит, проект может быть возобновлен?

— Может быть... — продолжал смеяться голос. — Знаешь в чем твоя беда, Юрок?

Сказать? Только без обид.

Вместо ответа Юрий растянул в улыбке рот. Догадка забрезжила багровым свечением на горизонте.

— Твоя беда в том, что ты больной ублюдок, Панюшин. И попробуй только не согласиться!

Юрка не стал возражать. Голос в трубке говорил правду — тем более он сообразил, наконец, кто владелец голоса.

— Может быть возобновлен... — продолжал глумиться голос. — Да он идет полным ходом с того самого момента, как в твоей больной башке наступило просветление.

Голос был прав — только больной ублюдок слушает голоса, разговаривая сам с собой. Панюшин медленно опустил телефонную трубку — ту самую, выдранную с мясом на привокзальной площади в Дружковке. Голос никуда не делся — теперь Юрка мог слушать его и без ставшей ненужной трубки, ведь голос в ней принадлежал ему самому.

* * *

— Кто вы?

Широкое некрасивое лицо стриженного осветила улыбка.

— Ну, с доктором, допустим, ты уже знаком. Может, подзабыл просто. А что касаето меня — не нужно тебе этого знать, хлопче.

— Генерал... — подал голос доктор.

Стриженный нахмурился.

— Время... давайте начинать уже.

Внезапно Панюшин вспомнил — имя, и внешность незнакомого генерала остались там, в золотистом сиянии. Найти бы способ забраться туда, в закрытые для него воспоминания.

— И то верно — согласился генерал.

Вдвоем с доктором они перетащили связанного Панюшина на операционный стол, застеленный сомнительной чистоты простыней. Почувяв неладное, Юрий забился в судорогах. Он извивался, как мог, но проклятые ремни ограничивали свободу движений.

— Ну, чего ты, дурачок? — ласково пропел стриженный. — Больно не будет... или будет?

Он вопросительно взглянул на доктора.

— Как получится... — равнодушно пожал плечами тот. — Скорее второе... Помогите зафиксировать. Работать буду без анестезии, особенности процедуры, знаете ли, ...возможны эксцессы.

— Конечно, конечно — генерал быстро и ловко приматывал туловище Панюшина крепкими резиновыми жгутами. — Привяжем так, что и не дернется. А что с головой?

Профессор кивнул в сторону стеклянного шкафа. На верхней полке разместился специальный зажим. Генерал (как же звать-то тебя?) установил зажим, приподняв Юрке голову. Осторожно прикрутил зажимы.

Панюшин замычал — плоские головки зажимов сдавили виски.

— Потерпи немного... — посоветовал генерал. — Сейчас полегчает, да профессор?

Доктор не ответил. Он готовился к операции — подкатил столик на колесиках с разложенными инструментами, натянул резиновые перчатки.

— Должен заметить — осторожно начал он — подобного рода операции никогда не производятся в таких условиях. Все равно, что на коленке вырезать аппендикс.

— Доктор... — укоризненно вздохнул военный. — Не мне вам объяснять специфику нашей с вами работы. Имеем то, что имеем.

Мезенцев рассеянно кивнул.

— Ладно... пора приступать... Ну что, голубчик? — он приблизился к Юрке и тот замер, погрузившись в пронзительную серую муть профессорского взгляда. — Готов?

Юрий не ответил. Молчал он, когда доктор сбрасывал пряди волос на лбу и на виске. Молчал, когда химический карандаш оставил на голой коже тонкий след разметки. Не пикнул, когда скальпель разрезал тонкую кожу и сильная рука доктора оттянула край скальпа специальным зажимом.

И только когда завизжала дисковая пила, и кончики бешено несущихся зубчиков коснулись черепной кости, он не выдержал и закричал. Но, даже проваливаясь в бездну, подмечал каждую мелочь — неприятную ухмылку стриженного, сосредоточенное лицо доктора Мезенцева, и маленькие кровавые брызги, что растеклись по стеклам очков.

Потом ему стало плохо. Очень плохо.

— Так, замечательно — удовлетворенно произнес доктор. — Сейчас мы заблокируем некоторые участки мозга, и закодируем зоны перехода. Запускаю блок первый...

* * *

Что произошло в лабораториях, Панюшин толком и не разобрал. Это больше всего походило на какой-то внутренний толчок — как в случае со злосчастной старухой.

После того, как Юрка с трудом смог подняться на ноги, Козулина словно подменили — если прежде неутомимый капитан всячески демонстрировал свое отношение к Юркиной персоне, и преобладали в этом отношении нотки превосходства, то теперь, командир спецотряда пребывал во внутреннем напряжении. Панюшин как никто другой замечал перемены в поведении Козявки.

Подойдя к перегородке, Юрий, сам не зная зачем, прижался лбом к холодному стеклу. Осназовцы несли службу, расположившись в коридоре — поджидали сукины дети, готовые в любой момент умереть по сигналу командира.

Почему-то эта мысль развеселила Панюшина. Он оттолкнулся от перегородки и увидел на стекле кровавые отпечатки. С носа уже почти не текло, но шум в ушах не стал тише — голоса шумели, ругая на чем свет стоит, самого Панюшина и все его дурные затеи. Кроме того, Юрий почувствовал неладное в работе вестибулярного аппарата — почему-то его все время клонило влево, словно сместился центр тяжести.

— Долго еще? — поинтересовался сзади Козулин. — Время-то идет...

Время и в самом деле уходило безвозвратно. Здесь, в подземельях НИИ, оно казалось, жило по своим законам — то плавно текло болотной жижей, то несло галопом, увлекая за собой остальных.

Перебирая руками, Панюшин окончательно запачкал стеклянную перегородку, но сумел добраться до выхода из вычислительного центра. Вышел в коридор. Остановился, покачиваясь — осназовцы блокировали основной проход, словно предполагая худшее.

Козулин вышел следом, контролируя каждое движение Панюшина. Юрий не видел его,

но чуял — шаг капитана стал упруг, а глаза, небось, прищурены. Нехорошо так прищурены — по Козулински.

Юрий хохотнул. В глазах опять качнулось, но он устоял — ухватился руками за стену. Пыль смешалась с грязью. Тут и там, некогда белую побелку испачкали отпечатки Юркиных ладоней.

Козулин махнул рукой, указывая направление движения. Грозные фигуры без шума растаяли в глубине коридора.

— Двинули! — Юрий не стал оглядываться, протянул руку назад. Козявка вложил в ослабевшие пальцы, ставший почти родным гвоздодер.

Одной рукой упираться стало тяжелей. Юрка старался, как мог. Отталкивался от стены, но тут же приваливался обратно, стараясь в это время переставить непослушные ноги. Шаг, еще шаг — так гляди и доберешься до цели, брат-воjak. Впрочем, Юрка лукавил — не так уж страшен черт, как представления о нем. Можно и оттолкнуться посильнее, да и пальцы уже сильнее сжимают гвоздодер. Еще бы немножко времени — и станет Юрок, как новый, или даже лучше. Время, оно ведь лечит, говорят...

Коридор сузился. По обе стороны белели двери с потемневшими табличками: «Операционный участок», «Технический отдел», «Лаборатория N1»...

— Стоп... — прохрипел Юрий, на секунду опередив уже было раскрывшего рот Козявку.

Козулин подошел к двери. Зачем-то приложил ухо. Толкнул рукой — заперто. Кивнул ближайшему осназовцу:

— Ломай, Ринат.

Тот навалился плечом — дверь треснула.

— Еще... — одобрительно скомандовал Козулин. — Игорек, помоги...

Вдвоем дело пошло веселей. Взяв приличный разбег, бойцы ввалились во внутрь помещения. Панюшин осторожно заглянул следом.

Так и есть — перевернутые столы, останки разбитой аппаратуры. Из стен торчат обрывки проводов, из полов выглядывают перекрученные ржавые трубы. Под ногами хрустят осколки химической посуды, скрытые пожелтевшими страницами, разлетевшимися по всей площади лаборатории. Уныние и разруха.

Они обшарили весь внутренний периметр лаборатории, очевидно надеясь на чудо. Впервые мысль сформулировал один из бойцов спецотряда:

— Ну и какого хера мы сюда вообще приперлись?

Что и говорить, рассуждали бойцы здраво. Правда оставалась еще вторая лаборатория.

— Пошли... — устало вздохнул капитан.

Вторую лабораторию нашли с трудом. Пришлось вернуться — Панюшин ковылял впереди, пятерка осназовцев шла с оружием наперевес, готовые в любой момент стегануть очередями. Замыкал шествие командир спецотряда.

— Нашел! — возбужденно выдохнул Юрка.

Шум выбиваемой двери, мерцание испорченных ламп, та же самая печальная картина.

Панюшин остановился посередине помещения. Оглянулся.

Разруха действовала на нервы. Было в ней что-то... Панюшин и сам не мог сформулировать мысль, пришедшую в голову. Как ответить на множество вопросов, возникающих при одном только взгляде по сторонам. Вот, например, зачем переворачивать столы? И металлические щупальца труб — кому понадобилось скрутить их в один большой,

ржавый узел?

В голове треснуло. Юрий дернулся — в шее хрустнуло. Из носа потекла сукровица.

Тьма, а она оставалась маленьким невесомым пятнышком где-то на периферии сознания, закружилась сильнее, Юрий даже задумался о том, не нырнуть ли в спасительное забвение.

— Не дури... — посоветовали сзади. В который раз.

Вот уж неутомимый Козулин — встал у двери, не зайти не выйти.

Помимо Юрки, в лаборатории были двое осназовцев — Ноздрев и Бачило. Он запомнил их еще во время спуска на нижний уровень. Трое оставшихся — снаружи. Плюс командир спецотряда в проходе.

Картина безрадостна и бесперспективна.

Да что же происходит-то? — одернул самого себя Юрка. Они в пустой, разгромленной лаборатории, внимательно изучают последствия (разрушений?), заняты делом так сказать... Почему же тогда в голову лезет разная чушь?

Голос в трубке мог бы подсказать правильное направление. Вот только как его услышать? Очень просто — уйти в темноту.

— Подними руки — опять подал голос командир спецотряда.

Панюшин улыбнулся, но просьбу капитана удовлетворил.

— Игнатенко, Фарафутдинов — контролируют коридор. Поляков — ко мне. Ноздрев и Бачило — держите комнату. А ты мудило, стой и не вздумай шевельнуться.

— А места-то знакомые, капитан? — насмешливо спросил Панюшин. Догадка пронзила мозг раскаленным шилом. — Это же ты посетил все контрольные точки, одну за другой? Вот почему двигаемся с конца — там ничего не было, так ведь?

— Заткнись...

— А бомж в резервуарах, небось, засланный? — не унимался Панюшин. — То-то он чересчур деятельным оказался!

— Глохни, сука — посоветовал Козулин. — Прикрой хавальник, пока я не сделал это сам.

Пятнышко тьмы дернулось, и размазалось, погружая комнату во мрак. Юрий медленно закрыл глаза, накрываясь темнотой, словно одеялом. Козулин не мог видеть его лица, а оставшиеся внутри лаборатории осназовцы не сразу сообразили, что к чему.

Сзади послышался шорох — к Панюшину медленно приближался командир спецотряда. Но это уже не имело никакого значения.

Во всяком случае, так думал Юрка, проваливаясь в темноту.

* * *

Какая-то часть его умерла. Большая часть. Оставшееся вряд ли могло претендовать на гордую привилегию быть человеком. Зато где-то там, не слишком глубоко, поселилась тьма. Хотя не совсем поселилась — просто заняла то самое, пустое место, что осталось после половинчатой, частичной смерти.

Не совсем равноценная замена, но такое случается — иногда жизнь старается обмануть, что уж тут поделать?

Еще было больно. Он метался на койке, пытаюсь разорвать жгуты. Ногти процарапали

дерматиную обивку, из-под которой обильно лез порыжевший поролон. Пахло смертью — мочой, лекарствами и страхом.

— Так, первичную обработку шва я закончил, можете убирать его с глаз долой. И на будущее — постарайтесь сделать так, чтобы вот это больше не попадалось мне на глаза!

— Не будьте категоричны, док! Кто знает, будет ли оно, будущее. Тем более у нас с вами...

— Уж не намекаете ли вы...

— Именно намекаю, док!

Тишина.

— Хорошо, я понял. Забирайте его. Всего хорошего.

— До встречи.

— И не надейтесь...

Тишина. Затем шаги.

Щелчок выключателя. Свет.

— Выносите.

— С койкой?

— Мля...

— Виноват, товарищ генерал.

Шаги ближе. Света слишком много, не разглядеть.

Мягкое покачивание. Скрип открываемой двери. Воздух — он уже не пахнет смертью. Пахнет гарью, нагретым асфальтом.

— В машину.

Хлопают дверцы автомобиля. Внутри темно, пахнет бензином и потом.

— Поехали.

Визг стартера. Рокот двигателя. Машина подпрыгивает на ухабах.

Остановка.

Его опять несут куда-то.

Принесли.

Здесь хорошо — прохладно. Света почти нет — он моргает, пытаюсь рассмотреть. В голове пустота и темнота. С ней можно разговаривать. Она послушна и обтекаема.

— Ну, как, живой мутило?

— Молчит, товарищ генерал.

Ласково:

— Скажи-ка дружище, я у тебя спрашивал?

Виновато:

— Никак нет, товарищ генерал...

Взрывается, плюясь во все стороны:

— Ну, так пшел нах, отсюда!

Шорох, шум падающего тела.

Тихонько, сквозь зубы:

— Ну и молодежь пошла, никакой закалки.

Свет уже не так раздражает. Можно различить отдельные, ничего не значащие детали.

Он в комнате. Комната небольшая — в ней низкий потолок, побелка местами отстала от стен. Из мебели — койка, к которой привязан он, и стул, на котором сидит... кто-то. Или некто.

В голове туман. Мысли бегают по кругу — одни и те же. Их немного сейчас.

Чужое лицо наклоняется над ним. Наплывает сверху. Теперь света еще меньше, можно рассмотреть огромный пористый нос, глазки-бусинки, губы — две блеклые розовые полоски, за ними мелкие, пожелтевшие от никотина зубы. На плохо выбритой шее — валики кожи.

Они рассматривают друг друга.

Мысли словно рассеиваются во время замкнутого бега. Сталкиваются друг с другом и погибают.

Где он, и кто он?

— Ну?

Наверно нужно что-то ответить. Это непросто — выдать из себя хоть какой-то звук.

Нужно напрячься, и... выдохнуть?

— Что?

Довольный возглас. Неужели угадал?

— Так, дружок, вижу, что все в порядке. Да, Юрок?

Он впитывает его слова. Так пересохшей губкой собирают воду — он пытается заполнить пустоту внутри, чтобы хоть немного потеснилась темнота. Если ему это удастся, то... что?

Юрок... кажется это имя?

Юрок, Юрка... что-то знакомое. Так зовут его.

Да, это его имя. И что с того?

Все имеет свое начало и конец. Ну, если даже и не все, то многое. Так думал Панюшин, пытаясь найти эти крайние точки. Стоя в темноте, с поднятыми руками, слушая приближение командира спецотряда.

Что думал в этот момент сам капитан Козулин — ему одному известно. Что-то такое все же думал, судя по шагам — та хищная расслабленность, что в любой момент может обернуться вспышкой звериной ярости.

Ну да волков бояться, в лесу не гуляться.

И прежде чем указательный палец командира спецотряда «Челябинск» воткнулся бы в шею Панюшина, чтобы тот свалился на пол, теряясь в круговоротах боли, прошла маленькая вечность, состоящая из таких же маленьких вечностей.

За это время Юрка успел многое — тьма была послушной, выполняла малейшие пожелания. Он запустил ее в стены разрушенной лаборатории, заполнил каждый уголок, каждую выбоинку, каждую трещинку. Ее хватало, и она стала единственным Юркиным союзником сейчас.

Впрочем, нет, оставался еще гвоздодер. Панюшин так и не выпустил его из рук. Стоял, чувствуя затылком холодный металл.

На этот раз обошлось без алых брызг — темнота стала прозрачной, из сумрака проступили стены, схематические очертания — словно рисунок школьника, впрочем Юрке было достаточно. Он видел главное — расстановку сил противника, а это уже немало.

Есть начало и конец — осталось найти путь между ними. Кроме того, в сумме всех возможных траекторий, остается только выбрать точку, которая не будет принадлежать этому пути. Для Панюшина это плевое дело — бесконечные скитания закалили его, осталось немного сноровки, чего еще желать одинокому страннику?

Только одного — разобраться, что же происходит на самом деле.

Расслабиться перед боем.

Узнать, что случилось с ним.

Перехватить гвоздодер, чтобы удобнее было сжимать.

Найти самого себя, и выбросить из головы все ненужное.

Чуть повернуть голову, слегка наклонившись в сторону противника, а ноги пусть займут удобное положение для начала атаки.

Поехали...

* * *

Панюшин прятался за железным контейнером. Под ногами валялись многочисленные обломки пластмассы — некоторое время назад, Юрий в ярости растоптал трубку телефона. Руки сжимали трофейную винтовку, а в глазах поселилась неземная тоска. Винтовку Панюшин забрал у одного из бойцов — того самого, чей череп пришлось разбить гвоздодером.

Сейчас ему было нехорошо. Проект и не думал завершаться, и он, Панюшин, имел к нему не последнее отношение. Было от чего грустить.

Уровнем выше, тихонько выругался командир спецотряда Козулин. Ключ остался у Панюшина, потери в составе отряда составили две единицы, в общем, было от чего прийти в ярость. Кто ж знал, что мудака покажет такую прыть?

— Товарищ капитан, здесь чисто.

— Тамбовский волк, тебе капитан — прорычал Козулин. — Сам знаю, что чисто. Иначе, ты бы тут не умничал. Позови Игнатенко.

Осназовец торопливо скрылся. Козулин провожал его полным ненависти взглядом. Надавали, понимаешь, уродов — приходится делать все самому.

— Товарищ капитан...

— Глохни — перебил Козулин. Подбежавший Игнатенко послушно замолчал. — Значит так, Мишка, нас здесь четверо, не считая того мудака. Бери Игорька за жопу, и двигайте наверх. Я с Ринатом контролирую выходы на нижние уровни. Встретите уroda, дайте знать — рации сдохли, в общем, придумаете что-нибудь. В бой не вступать, держать оборону. Если не найдете, возвращайтесь назад.

— Понял...

— Нихера ты еще не понял. Иди, давай.

Осназовец поспешно кивнул. Козулин махнул рукой — вперед, мол, не задерживайтесь.

— Фарафутдинов...

— Я!

— Головка от хуя! Иди за мной...

Вдвоем они добрались до шахты грузового лифта. Козулин указал на железную лестницу.

— Остаешься здесь. Малейшее движение снизу — огонь на поражение, понял?

— Так точно!

Капитан с сомнением взглянул на бойца.

— Все-то вы понимаете, мля, только почему-то дохнете, как мухи.

Фарафутдинов не ответил. Застыл у стены, направив ствол винтовки вниз. Козулин вздохнул. Ситуация начала выходить из-под контроля. С учетом обстоятельств, это могло иметь нехорошие последствия, как для проекта, в общем, так и для самого капитана в частности — последнее беспокоило больше.

Внизу, Панюшин вслушивался в отрывистые команды капитана — слышно было не очень, но и услышанного оказалось достаточно. Вернувшиеся ни с чем осназовцы, доложат о результате капитану, после чего, вся эта сомнительная компания двинется вниз, прочесывать уровни один за другим.

Прятаться на самом нижнем — заранее проигрышная идея. Атаковать оставшихся на верхнем уровне не получится — осназовец не раздумывая, нажмет на курок, как только Юрка высунет голову из шахты. Подъем на лифте займет слишком много времени — вполне достаточно, чтобы бойцы наспиговали его пулями, калибр которых остался так и не выяснен Панюшиным.

Знать бы, что от него требуется. Насколько бы тогда легче было бы существовать.

* * *

Половина его умерла. Зато осталась вторая половина, и с ней как-то придется жить. Так

думал, вернее даже не думал — скорее понимал Юрок, покачиваясь, прижимая руки к вискам.

В голове гудело, в глазах плыло, а мысли пропали куда-то — понимание заменило их.

— Ладно, Юрок. Путь ждет неблизкий — посидели на дорожку и будет. Отправляю тебя на лечение, выздоровеешь, милости прошу в гости. Шутка. Эй, салага...

Пинок ногой, тихий стон.

— Ну, давай, вставай уже, хорош валяться. Забирай это сокровище отсюда, и сам проваливай к черту...

В больнице, Юрок провел больше месяца. Был, пуская слюну, царапал руками серую штукатурку стен. Вокруг суетились такие же серые тени. Временами ему становилось лучше — он словно засыпал, и лежал неподвижно, рассматривая часами рисунок из трещин на потолке. Как только закрывал глаза — увиденное вставало перед ним, словно запечатленное на пленку. Затем мир сдвигался, все быстрее и быстрее, улетал куда-то в сторону, и Юрок вновь проваливался в удушливое полузабытье.

Половинка его, разрывалась на части, неспособные заполнить собой все. Темнота хоть немного, но помогала сделать это, но Юрок отчего-то опасался дружить с ней, очевидно подозревая ее нехорошую суть.

Понемногу, он приспособивался к новому существованию. Периоды равнодушного созерцания становились все длиннее, пока однажды, Юрок не сполз с больничной койки, совершенно не соображая, что делает.

Впрочем, кое-кого это даже обрадовало. Так первую четверть часа, он безучастно наблюдал вокруг себя нездоровую суету. Мелькали белые халаты, лица. Раздавались удивленно-радостные возгласы. Кто-то светил ему фонариком в глаз, кто-то измерял давление — самому Юрке было все равно. Он вперил неподвижный взгляд в грязный кафель стены, и ожидал, сам не зная чего.

Суета стихла как-то вмиг. Его вывели из палаты, оставили в приемном покое. Юрок сидел на скамейке, от скуки грыз ногти на пальцах. Потом трясся в машине, оставленный один на заднем сиденье.

Привезли его в смутно знакомое помещение, где вышагивал по центру невысокий кряжистый военный. С седыми висками и нехорошим прищуром. Он бегло взглянул на Юрку, жестом предложил сесть. Подсунул конторскую книгу, с расчерченными ручкой столбцами.

— Ну-ка, дружочек, черкни вот здесь.

Юрок взял ручку, недрогнувшей рукой поставил какую-то закорючку. Военный довольно хмыкнул и убрал книгу. Протянул бумажонку.

— Вот билет на поезд.

Юрок забрал билет, и сунул в карман. Военный кивнул, прощаясь.

— Ну все, милоч, свободен. Дверь там...

Юрок молча встал, и побрел к выходу. Толкнул железную дверь.

— Стой доходяга... Куда же ты?

Юрок оглянулся с недоумением. Военный показывал пальцем в сторону.

— Баян забыл, придурок...

К цели он добрался без приключений. Ноги сами вели к поезду, а если бы и не вели — сзади контролировали двое солдатиков с автоматами. Хмурый проводник подозрительно взглянул на оборванца с баяном, хорошо хоть Юрок вовремя вспомнил, что есть билет, да

один из служивых чего-то шепнул вагоновожатому на ухо. Прижавшись к холодному стеклу, он провожал свое прошлое — город уменьшался в грязном окне, превращался в маленькую черную точку. Лежа в плацкартном вагоне, он слушал перестук колес, и черная точка плавала перед глазами, пока не исчезла совсем.

Через три дня его высадили на заснеженном перроне, в незнакомом городе. Машинист нажал на гудок, и поезд унесся дальше, Юрок же вскинул на плечо баян, и побрел обратно.

Расстояние, проделанное поездом за три дня, превратилось для него в многолетнее путешествие. Он ночевал в заброшенных зданиях, открытых теплотрассах, иногда просто на улице. Растягивал меха баяна, так и не научившись играть, как следует. Ездил на товарных поездах, забираясь в открытые вагоны, просил милостыньку, грабил случайных прохожих, убивал одиноких старух. В общем, Юрок возвращался домой — кто бы мог осудить его за это?

Путь завершился однажды на привокзальной площади Краснознаменной Дружковки. Именно тогда, когда сверкающий пятак пронесся перед его затуманенным взором, замкнулся еще один круг.

* * *

— Сколько осталось?

— Четверо, не считая объекта.

— Хорошо...

— Чего хорошего? За каким хером мы вообще здесь?

— Ну-ну, капитан, сохраняйте спокойствие, вы же командир...

— И что?

— Как что? Командир должен давать пример своим бойцам.

— Мля, вы там, что вообще все охуели? Решили поиздеваться? Он перебьет всех как котят!

— Не нужно драматизировать. Тем более случившееся, лишь подтверждение вашей некомпетентности. Вашей, капитан, и ничьей больше!

Козулин воровато оглянулся, и утер выступивший на лбу пот. Он забрался в контейнер, даже не догадываясь, что в похожем сейчас прячется его главный недруг — мудака Панюшин.

— Вы можете по-человечески объяснить, что требуется?

В трубке задумались.

— Изложите события еще раз...

Козулин заскрежетал зубами.

— Мля, сколько еще раз нужно рассказать, чтобы до вас дошло?

— Не ругайтесь капитан. Мы люди взрослые, некоторые из нас даже семейные...

— Что вы имеете в виду? — пискнул Козулин холодея.

— Да так, к слову пришлось... Впрочем, не будем отвлекаться — начните с момента первого контакта с ключевым объектом.

Капитан Козулин нахмурился, вспоминая...

* * *

Панюшин выскользнул из темноты, оставив двух умирающих бойцов. Алые линии смерти остались там, в дрожащей темноте — сейчас они были неинтересны Юрке. Он несся к лифту, а пули выбивали из стен остатки штукатурки — ничто сейчас не могло остановить его.

Нырок в бездну — в полете, Юрий успел перехватить перекладину и здорово приложился плечом о лестницу. Вниз — перебирая руками и ногами как можно быстрее. Уровни проносятся мимо, успеть бы убраться подальше от вездесущих осназовцев. Все, что было парой минут назад — сеанс смертельного сумасшествия. Что-то кричал Козьявка, отдавая ненужные уже команды, хрипели умирающие осназовцы, так и не успевшие сообразить, что происходит, а Панюшин стал обладателем той самой, заветной винтовки.

Сейчас, сидя в контейнере, среди обрывков бумаги и стеклянных осколков, он осматривал оружие будущего. Компьютеризированный прицел, батарея питания в полимерном корпусе — Панюшин обнаружил ее, сняв прорезиненный амортизатор с приклада. Винтовка удобно ложилась в руку, словно приглашая сделать пробный выстрел. Юрий с сожалением убрал палец со спускового крючка — пока не стоит выдавать своего присутствия. Контейнер находился у стены, толстые стены в какой-то мере защищали от пуль, а из-за покореженной крышки, отлично просматривался дальний конец коридора. Сидя здесь, Панюшин мог контролировать видимый участок уровня. Троица осназовцев, да их неугомонный командир — вот и все, кого следовало опасаться ему. Осталось только сообразить, что, зачем, и почему. Три главных вопроса — в них кроется загадка бытия. Если соединить все кусочки, то получится нечто целое. Если соединить их правильно, то и картина соответственно будет верной. Знать бы только правила, по которым происходят те или иные случайности.

Голова почти не болела — нырок в темноту благоприятно сказался на Юркином самочувствии, да и кровавые сопли подсохли, оставив под носом две бурые дорожки. Жаль трубку — он растоптал ее, пребывая в нездоровом возбуждении. Тогда ему хотелось только одного — крушить, разрушать, разносить мир на кусочки. Сейчас же тело требовало покоя, а разум — ответа на вопросы. «Объект-4» изначально создавался как средство для этого. Подземные уровни с лабораториями некогда служили пристанищем для чертовой прорвы умников в белых халатах. Если порыскать, как следует, можно найти жилые помещения, столовые и комнаты отдыха для персонала. Сейчас бы Юрка с удовольствием нырнул под теплое одеяло, жаль у капитана Козулина свое видение дальнейшего развития событий.

— Панюшин...

Юрий улыбнулся, и вскинул винтовку, прицеливаясь. Мир стал округлым, кровавая точка прицела стала в нем единственной истиной.

— Не стреляй!

Козулин осторожно выглянул из-за угла. Палец Панюшина на спусковом крючке напрягся и выбрал слабинку.

— Да постой же! — нервный шепот капитана достиг, наконец, Юркиных ушей. — Поговорить нужно.

— Говори — разрешил Панюшин.

— Я подойду, ближе, только не стреляй, дурак. Сам потом жалеть будешь.

— Ну-ну — подбодрил его Юрий. — Жалость, единственное, что остается нам, не так ли?

Козулин медленно вошел в обозримое пространство прицела и остановился прямо за

красной точкой. Несмотря на то, что видел ее только Юрка, лоб капитана зачесался.

— Я иду...

Оружие Козулин предусмотрительно оставил за углом, чтобы доходчивее шла беседа.

— Достаточно — скомандовал Юрка, и командир спецотряда остановился. — Излагай, старче.

Козулин оглянулся, и оттер пот с лица.

— Слушай, Юрка — хрипло начал он. — Давай договоримся...

* * *

— Наши действия? Сдохнуть по очереди?

В трубке засмеялись.

Линию спецсвязи капитан обнаружил случайно. Пятился, не сводя глаз с Фарафутдинова, думал убраться по-тихому, не привлекая внимания, и ткнулся спиной в знакомый ящик. Найти нужный провод оказалось парой пустяков — оказавшись в грязной комнатенке, Козулин плюхнулся на кургузый стул. Аппарат чудом уцелел — капитан держал обеими руками части лопнувшей трубки, пытаясь услышать главное.

— Ох, капитан... Любишь видать шутку и прибаутку.

— Короче — попросил Козулин.

— Ну, если короче, то действуйте в рамках полученных ранее указаний.

— Не выйдет. У меня недобор...

— По нашей вине? — деловито осведомились в трубке.

Капитан опешил.

— Нет, но...

— Нет, так нет... А то смотри, капитан, можем замену произвести.

— Нет, пожалуйста... — побледнел Козулин.

— Значит так — режим радиомолчания отменяю. Аппарат уничтожить, провод убрать. Дальнейший инструктаж по обычной связи.

Козулин осторожно положил трубку на стол. Затем, опомнившись, резким и точным движением расколочил черный корпус. Выдернул провод и двинулся к выходу, наматывая его на согнутую в локте руку.

Выполнив распоряжение, проверил рацию. Нашел укромное местечко, и нажал кнопку. Рация хрюкнула и заработала. Из динамика раздался все тот же ненавистный капитану голос:

— Сколько осталось?

Хриплый шепот капитана наполнил волнением пространство подземного уровня. Панюшин равнодушно внимал его словам — сейчас они были ему неинтересны. Капитан Козулин звезд с неба не хватал, служил себе потихонечку, и сейчас выслуживался, выторговывал, стало быть, драгоценные минуты жизни. Сукин ты кот, капитан Козулин, стелешься ласково, а в глазах тоска, поди...

Вот и Юрке тоскливо — от говеной жизни такой, а куда денешься?

— Завязывай — посоветовал он. Козулин послушно замолчал.

— Сколько вас?

— Трое, со мной — с готовностью ответил Козулин.

— Гм... — задумался Юрий. — Что-то количества у нас не сходятся капитан.

— Так и я о чем — жарко зашептал капитан. — Их там двое всего осталось, по одному на рыло, а?

— Не жалко, капитан? — насмешливо спросил Панюшин. — Свои все же.

Козулин нервно оглянулся и облизал губы.

— Свои мы с тобой, Юрка. А они материал — нужно будет, сюда сотню приведут.

— Так уж и сотню? — засомневался Панюшин.

Вместо ответа капитан махнул рукой.

— Не о том спорим, Юрка, не о том, поверь...

Юрий хрустнул шейными позвонками. Козулин начал утомлять.

— Предлагаю окончить лирическое вступление и перейти к делу.

— Так я же о чем толкую! — Козулин осторожно приблизился на шаг. — Я не знаю что нужно им и тебе, но...

— И я не знаю — улыбнувшись, перебил Панюшин.

— Как это?

— Открою страшную тайну — проект перешел в заключительную стадию, вот так. Выводы сам сделаешь, или помочь?

Командир спецотряда медленно открыл рот. Юрий попытался заглянуть в выпученные глаза Козявки, но так ничего и не увидел там. Зеркало души капитана оказалось с испорченной амальгамой. Не отражало ее, душу то есть, и во взгляде командира спецотряда не было ничего кроме страха.

— Но как... — ошарашено пробормотал тот. — Посмотри сам — тут же нихера целого не осталось, одни руины.

— Не имеет значения — пожал плечами Юрка. — Уже нет необходимости проводить исследования — все и так уже ясно. Почти...

— Что ясно, что?! — завыл Козулин. — Все должны сдохнуть здесь?

Панюшин деликатно промолчал.

— А ключ, а сегменты? — не унимался Козулин.

— Лови...

Плексигласовая трубочка блеснула в воздухе. Капитан машинально поймал ее — спиральки наполняли пространство золотистым сиянием, приглашая окунуться с головой в прохладную осень... Козулин с трудом отвел взгляд от ключа.

— Коровяк оставил в лаборатории, так что извини.

Панюшин прильнул к окуляру прицела. Красная точка вздрогнула и вновь оказалась на покрытом испариной лбу капитана.

— Юрка, я прошу...

— Чисто по-человечески? — не утерпел Панюшин. — Не мне вам объяснять, товарищ капитан — иногда приходится совершать взрослые поступки.

— Хорошо, тогда скажи хоть в чем суть проекта?

Точка переместилась на мясистый нос.

— Разве не знаешь?

— Никак нет! — Козулин задыхал прерывисто, капли пота сбегали с его рябого лица. — Так в чем же?

Панюшин сказал.

Наступила гнетущая тишина. Сквозь прицел винтовки, Юрий наблюдал, как мертвеет лицо капитана.

— Но это же... это... — Козулин уже хрипел, задыхаясь. Панюшин с неприязнью смотрел на него — что и говорить, зрелище не из приятных.

— Слушай, капитан — произнес, наконец, он. — У тебя пожрать ничего нет?

Капитан удержал рвотный позыв, и выпрямился. Пара секунд, и Козявка пришел в себя — в движения вдруг вернулась прежняя упругость. Юрий с тоской представил, как пули пролетают мимо качающейся фигуры капитана — матер Козулин, так просто и не одолеть сукиного сына.

— Мне бы хлебушка покушать.

— Накушаешься еще. Дерьма... — Загадочно пообещал капитан. — Слушай Юрка отпустил бы ты меня? Лично я против тебя ничего не имею.

Панюшин, в который раз пожал плечами.

— Иди.

Козулин попятился, не отводя взгляда. Панюшин смотрел, как скрывается за углом обретшая свободу фигура Козявки.

— А ведь мог бы я тебя угандонить, капитан, да видно судьба тебе жить долго и счастливо — прошептал Юрий и погладил винтовку.

* * *

Прежде чем найти Юрку, капитан Козулин сделал несколько неожиданных открытий. Одно из них заключалось в осознании неприятной истины — иногда даже с хорошими людьми случаются разные гадости, чего уж тогда говорить за отпетых мерзавцев? Еще одно констатировало такой же неприятный факт — разговаривать с мудаком-Панюшиным придется тет-а-тет, чтобы исключить вероятность ненужного вмешательства извне.

Нож у капитана был припасен заранее. Козулин двигался осторожно, на носочках — шаг его упруг, поступь неумолима. Рукоятка ножа удобно уместилась в ладони, черное лезвие поразит любую цель.

Осназонец не ожидал подвоха, но в последний момент, успел засечь быструю, как молния руку командира. Нож разрезал воздух. Фарафутдинов кувыркнулся в сторону, срывая оружие.

Козулин на миг потерял равновесие, в глазах потемнело. Он оттолкнулся от стены, и

одновременно перекинул нож из одной руки в другую. Палец осназовца тянулся к спусковому крючку, но капитан успел первым — нож прочертил алую полосу на шее бойца. Фарафутдинов отпрянул, его рот открывался и закрывался, он пытался что-то сказать, но до слуха капитана донеслось лишь булькающее хрипение.

Боец пошатнулся и начал медленно заваливаться на спину. Молнией метнувшийся командир перехватил тяжелеющее тело осназовца и медленно опустил на пол.

— Ну, чего ты, Ринат — уговаривал он. — Ложись. Сейчас боль пройдет...

Упокоив бойца, Козулин осторожно высвободил винтовку из костенеющих пальцев. Всунул дуло между направляющей лестницы и стеной, с силой надавил, ломая. Винтовка жалобно скрипнула, превращаясь в бесполезную игрушку. Обойму капитан предусмотрительно сунул в карман.

Подкрался к лестнице — заглянул вниз. Перекладины ржавели в прохладной сырости подземелья. Перекинув свою винтовку через плечо, капитан ухватился за ржавый металл, и ловко передирая руками начал спускаться.

Как найти крысу в многоэтажном лабиринте? Очень просто, нужно стать такой же крысой. Козулин точно угадал уровень, на котором скрывался сукин сын. Тем более кровавые отметины на погнутом листе металла подтверждали его догадку.

Козулин спрыгнул с лестницы. Постоял, прислушиваясь. Где же ты, недруг?

— Панюшин... — осторожно позвал он.

* * *

Игнатенко остановился в двух шагах от лестницы. Следовавший за ним Поляков чуть не впечатался в крупную фигуру осназовца.

— Ты чего Мишка?

Осназовец не ответил. Обернулся, прошелся взглядом по усыпанному бетонной крошкой полу. Взглянул на стену.

— Чего? — машинально повторил Поляков.

Зашуршала рация на поясе. Боец поднес к уху миниатюрный прибор.

— Игнатенко... Да... понял.

Он медленно опустил рацию, и впервые посмотрел на напарника.

— Код девять. Командование спецоперацией беру на себя. Возвращаемся обратно. В случае обнаружения, все живые объекты подлежат санации.

— А как же...

Игнатенко сплюнул.

— Повторить приказ?

Поляков качнул головой и попятился.

— Не ссы Игорек. Живы будем, не помрем. С Козьявкой сам разберусь...

Труп Фарафутдинова они обнаружили сразу же, как только спустились на исходный уровень. Козулин прятался в контейнере, выцеливая ставшие вдруг неподвижными фигуры бойцов. Рацию капитан предусмотрительно отключил. Под ногами поблескивали разбросанные сегменты — узнав правду, Козулин меньше всего беспокоился о выполнении приказов.

— Ну, давайте, проваливайте уже — сейчас капитану хотелось только одного. Убраться

отсюда как можно быстрее, и по возможности здоровым и невредимым.

Как только осназовцы начали спуск, Козулин, осторожно опустил винтовку. Выждав пару минут, подкрался к лестнице. Никого...

Наверх бывший командир спецотряда «Челябинск» взлетел большой встревоженной птицей. Оказавшись в туалете, прикрыл за собой дверь. Подумав немного, вытащил из кармана гранату.

— А это гостинец вам, ребятки, на долгую-долгую память.

Заминировав дверь, капитан подошел к дыре. Оттуда дохнуло свободой — неприятный такой запах, но сейчас для Козявки он был невыносимо сладок. Оглянувшись напоследок, капитан нырнул в лаз, и выбравшись в хмурое, осеннее утро Славянска, действительно жил потом долго и счастливо, как и предполагал Юрка Панюшин — то ли друг, то ли враг, а быть может просто обиженный судьбой бедолага, оказавшийся однажды не в том месте где следовало бы. Впрочем, судьба... она не спрашивает, как поступить.

* * *

Панюшин полз по мостику, ломая ногти. При каждом движении, огненные стрелы начинали пронзать ноги, превращая тело в горящий кокон.

— Суки!!! Какие же вы суки! — Юрий протяжно подвывал, стараясь вырваться вперед. До воды было рукой подать, еще совсем немного, и придется принять освежающую ванну.

Мостик он соорудил, набросав в воду полуразбитые коробки. Сейчас он вряд ли бы смог переплыть чертову яму с водой. Очередью перебило кости, повырывало куски мяса — Юрка старался не смотреть, но боль говорила сама: тебе крышка, дружок. Хотя... может, так и задумывалось с самого начала?

Одна из коробок вдруг сдвинулась с места, не выдержав вес, и Юрка провалился по пояс, умирая в огненной вспышке. Божечка, за что так?

Встать на ноги, Юрка не смог бы при всем желании, но и плыть получалось не очень — он нелепо загребал руками, подывая при каждом движении. Бетонный берег приближался медленно, словно издеваясь — ну-ка, дружок, достаточно ли у тебя сил, чтобы выбраться наверх?

Рука ухватила за край ямы. Панюшин заскрипел зубами, подтягиваясь.

Больно.

Интересно, за что ему такая мука? Разве десяток загубленных старух стоит этой бесконечной пытки?

Юрка выбирался из воды, собрав волю в железный кулак. Заставил себя не обращать внимания на боль, но злая гостья упиралась, напоминала о себе при каждой возможности.

Эх, Юрка, а ведь немного уже осталось...

Автомат с газировкой стоял на нижнем уровне — в прошлый раз Панюшин прошел мимо, озаботившись поисками установок энергопитания. Хозяйка-боль напомнила о главном — теперь, когда до цели оставалось всего ничего, нужно добраться до автомата. Еще одно озарение, простое такое. Почему главное вспоминается тогда, когда сожжены мосты, а ноги всего лишь две бесполезные конечности? Не иначе проделки судьбы-злодейки.

Сейчас Панюшин полз навстречу ей. Зубы сводило от нетерпения, взгляд отмечал пятна грязи на отсыревшей штукатурке. Гул генераторов стал громче, требовательнее.

Как только осназовцы появились в поле зрения, палец Панюшина нажал на крючок. Винтовка вздрогнула в руках, и выплюнула короткую очередь.

Один из бойцов перегнулся пополам и завалился вбок. Второй тенью метнулся за угол.

— Игорек... — Игнатенко осторожно подтащил умирающего к себе, в укрытие. — Живой?

— Мишка — осназовец хрипел, на губах пузырилась кровь. — Завали эту суку, слышишь? Чтоб не напрасно все...

Поляков дернулся и затих. Игнатенко выругался, и выпустил из-за угла длинную очередь.

Панюшин поспешно нырнул в контейнер. Пули пробивали толстую сталь, плюхаясь о противоположную стену. Юрий распластался на полу, стараясь вжаться в холодное железо. Сродниться с ним, стать самому железным, чтобы...

Юрка замер. Осназовец покинул укрытие и быстро приближался. Черт! Панюшин попробовал заглянуть в темноту, но только охнул от накатившей боли. В животе заурчало — в темноте организм требовал в десятки раз больше энергии. Вспышка гнева в лабораториях опустошила тело и разум.

Он выскочил из контейнера, комком звериной ярости. Игнатенко материализовался рядом, как раз вовремя, чтобы выпустить в Юрку остаток обоймы. Панюшин услышал выстрелы, и падая, успел огрызнуться парой одиночных. Боль ворвалась в тело одновременно со стоном осназовца.

Нож выскочил из ножен — Юрка змеей проскользнул к раненому. В глазах Игнатенко, Панюшин успел заметить странное равнодушие. Осназовец хотел что-то сказать, но Юрка не дал ему на это времени — воткнул лезвие чуть ниже подбородка. Игнатенко всхлипнул и умер.

И только тогда, Юрка почувствовал, что с ногами неладно. Отползая от тела врага, он попытался привстать, но только охнул, когда боль прошлась от кончиков пальцев, набирая силы, чтобы взорваться чуть выше колен обжигающим пламенем. Тогда же, он вспомнил об автомате с газировкой.

На нижний уровень, Панюшин попал, уже почти ничего не соображая от боли. Организм терял кровь. Панюшин как мог, перетянул бедра выше колен лямками комбинезона, но с таким же успехом можно было бы наложить жгут на шею, чтобы остановить кровь из носа.

На поясе заработала рация — ее Панюшин снял с мертвого осназовца. На всякий случай.

— Игнатенко?

— Я за него — прохрипел Панюшин, ухмыляясь разбитым ртом.

В рации ненадолго замолчали, видимо собираясь с мыслями.

— Вот как, значит?

— Ага — безмятежно ответил Юрка.

— Ну и что делать думаешь, Панюшин?

— Водички бы испить. Глядишь, и полегчает, а?

— Слушай, Юрка. Давай не будем торопиться...

— А торопиться уже и некуда, так ведь?

— Кто-то остался?

Панюшин засмеялся.

— Шутите?

Невидимый собеседник не ответил. Панюшин пристегнул рацию обратно к поясу. Выдохнул, собираясь с силами, оттолкнулся от пола.

Пополз.

Путь до шахты лифта он проделал, находясь в полузабытьи. Тело действовало на автомате — оттолкнуться от земли, подтянуться, сгибая слабеющие руки, взвыть от боли, замереть, восстанавливая остатки дыхания.

Темная вода преградила путь. Панюшин вспомнил как несколькими часами ранее, перебирался на другую сторону коридора. Тогда это казалось парой пустяков, сейчас — почти невыполнимым.

Юрий повернул голову — если набросать в воду вон те пустые ящики, можно будет попробовать перебраться по ним. Черт возьми, хватило бы только сил. Панюшин сплюнул кровавый сгусток, и пополз к ящикам.

На поясе вновь ожила рация:

— Объект будет расконсервирован, так что даже не думай...

— Делайте что хотите — перебил Юрка и бросил рацию в воду.

Ящиков хватило, чтобы соорудить хлипкую переправу только до половины водной преграды. Панюшин с тоской посмотрел на получившийся мосток — ползти по ящикам, чистое сумасшествие.

Впрочем, он и так был сумасшедшим — нормальным нечего делать в подземельях НИИ.

— Поехали... — Панюшин осторожно подполз к бетонному краю.

* * *

В генераторную Панюшин вполз, теряя остатки разума. Повел головой, пытаясь сообразить, где он. Автомат с водой стоял у стены. Панюшин увидел его. Железный шкаф, с парой кнопок на передней панели, с прорезью для монет. Стекланный стакан вверх дном — все, как и должно быть. Вот только как дотянуться до кнопок?

Юрий пересек помещение, оставляя кровавый след. Сейчас он даже не отталкивался ногами — конечности волочились по грязи, двумя бесполезными придатками. Он тянулся, ломая ногти, не завывая — повизгивая, поскуливая, даже не думая о том, как прекратить эту боль.

Боль стала чем-то обязательным. Она существовала сама по себе — как солнце, как звезды на небе. Есть, и все тут.

Панюшин погладил металлический корпус. Автомат вибрировал, словно внутри него происходила какая-то очень важная работа. Хотя, может, так и было на самом деле.

Где-то вдалеке ухнуло. Пол задрожал — Панюшин почувствовал это нижней половиной туловища. Вот и ножки пригодились — два детектора землетрясений, мать их.

Если бы рация была цела, возможно, голос в ней поделится бы с Юркой видением

дальнейшего развития событий. Впрочем, и без рации, Юрка сумел сообразить, что начался штурм спецобъекта. Наверняка brave осназовцы взрывают бетонные пробки, пытаются добраться до бедолаги Панюшина.

Вверху громыхнуло. Уже сильнее — не иначе дело идет на лад.

Нужно торопиться, но как получить желаемое, когда в ногах нет силы?

Панюшин повертел головой, пытаясь найти хоть что-нибудь, что могло бы помочь. Не обнаружив ничего подходящего, скривил в ухмылке рот — придется совершить маленький подвиг!

Слабеющим слухом, услышал, как заработала, поднимаясь, платформа лифта. Черт, быстро работают сволочи...

Юрка ухватился за угол автомата. Попытался подтянуть тело вверх. Рука скользила по ржавчине, нечего было и думать, что удастся подняться наверх.

Панюшин прикусил губу. Больно, до крови, и рывком оттолкнулся от пола. И умер.

Впрочем, умер не по-настоящему — понарошку. Белый свет окутал его, и в этот раз он был нежным и ласковым. Юрка парил в нем, наслаждаясь покоем, в то время, как его измученное тело, медленно сползало вниз, хватаясь руками за боковые стенки автомата.

Свет померк за мгновение до того, как слабые пальцы были готовы разжаться. Панюшин засмеялся.

Нет, братишки, мы еще повоюем. Во второй раз умирать было не так страшно — он постарался удержаться, намертво вцепившись в лоток для мойки стаканов. Пальцы выдрали пластмассовую подставку, но ухватились, наконец, за что-то металлическое.

Лифт начал спуск — Юрка услышал это, возвращаясь в реальность из короткого забвения. Нужно было торопиться. Пара минут, и коридор наполнится людьми. И не все из них будут друзьями. Скорее наоборот.

Денег у него не было, но в кармане нащупывалось что-то круглое. Свободной рукой, Юрка вытащил металлический кружок. Сегмент поблескивал в разбитых в кровь пальцах, подмигивал рогатой башкой, за что и получил обидное название. Панюшин затолкал коровяк в щель автомата. Стукнул кулаком — сегмент провалился вовнутрь, в автомате что-то щелкнуло и зажужжало. Ну, с богом — палец Панюшина нажал на первую попавшуюся кнопку.

Как только в конце коридора показались грозные фигуры бойцов осназа, автомат, поднатужившись, выдал порцию шипящей газировки. Юрий, протянув руку, взял холодный граненый стакан. На вкус газировка отдавала ржавчиной, но это уже не имело значения. Впервые Панюшин был по-настоящему счастлив — сделав небольшой глоток, он, наконец, вспомнил все.

Больше книг на сайте - Knigoed.net